

уральский

следопыт

№2 **** 1978

У ОЗЕРА АРГАЗИ

Каждый год около 10 отрядов Уральской археологической экспедиции работают в зонах новостроек. Большие исследования проведены на побережье реконструируемого водохранилища Аргазы, что на севере Челябинской области. Здесь обнаружено 125 памятников истории и культуры — поселений, стоянок, могильников, жертвенных мест, производственных комплексов... Эти находки позволяют ответить на вопрос, кто и когда жил у восточного подножья Уральских гор, в так называемом Кыштымском озерном крае. Примерно 3—3,5 тысячи лет назад на территории лесостепного Зауралья обитали племена, до последнего времени известные археологам только по материалам, найденным при раскопках поселений. А где же могильники этого народа? Может, у них были иные способы захоронений: воздушные — на деревьях или наземные, которые, естественно, не оставляют следов? Но вот мы, наконец, обнаружили могильник, оставленный именно этими племенами. Вскоре был найден и второй могильник.

Читайте стр. 21.

В номере:

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. Гавриленко «ПРЕКРАСНАЯ МЫСЛЬ РЕВОЛЮЦИИ...»	2
Н. Теличко, В. Николаев, В. Станцев, В. Лаптев, Г. Рамазанов, М. Найдич ПРОРАСТАЯ В ПАМЯТИ РОССИИ... Стихи	5
А. Лысяков НОВОБРАНЦЫ	8
С. Попов СЛЕДОПЫТАМ ЯКУТИИ	10
И. Бродский ТАМ, ЗА ОКЕАНОМ...	11
Г. Зайцев ЕКАТЕРИНБУРГСКИЕ ПОРТРЕТЫ КОРЗУХИНА	17
И. Алебастров ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ВЕРЕЩАГИНА	20
В. Петрин, В. Стефанов, А. Шорин У ОЗЕРА АРГАЗИ	21
В. Новиков ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. Повесть	22
А. Ермаков НАШ ТРАМВАЙ — РАННИЙ	42
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	44
З. Шипанова ШЕЛ ПО ВОЙНЕ БАТАЛЬОН...	46
А. Мешавкин ЗА ЛУЧШУЮ ДОЛЮ	49
Л. Осинцев АВТОР «КРАСНОЙ СТРАНИЧКИ»	51
А. Матвеев ЯЗЫК ЗЕМЛИ. Продолжение	52
В. Юдин ЧУГУЕВСКИЕ КАЗАКИ	55
В. Мезенцев ДОБРЫЕ ЗВЕРИ	58
Ю. Чернов ПЕСТРЫЙ БУКЕТ	64
А. Подчиненов ДРУГ ДОСТОЕВСКОГО	69
Б. Панфилов ЗОЛОТАЯ ДОЛИНА	70
ЖЮЛЮ ВЕРНУ — 150 ЛЕТ	72
ИЗ РОМАНОВ — В ЖИЗНЬ	75
ЖЮЛЬ ВЕРН — И МЫ	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Маяя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 31/X 1977 г.
НС 11442
Подписано к печати 16/XII 1977 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,5
Тираж 275 000.
Заказ 594.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
С. СУХОВА.
Оформление 2-й стр. об-
ложки — С. МАЛЫШЕВА.

© «Уральский следопыт», 1978 г.

№2 * 1978

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

„ПРЕКРАСНАЯ МЫСЛЬ

**Иван
ГАВРИЛЕНКО**

Город, за пять последних лет растерявший треть своих жителей, лежал во тьме. Электростанция не работала. В ночи, от свечи, светило всего одно окно, за стеклами которого измученный недельным недосыпанием председатель уисполкома Владимир Панасюк ожесточенно черкал лежащие перед ним бумаги. Страшные были бумаги. За шероховатой поверхностью их виделась Панасюку растрескавшаяся земля — дикие, забурьяневшие поля. Барахтался в крышах ветер. В неясном его бормотании чудилось: «Хлеба! Хлебущка! Хлебца!» Казалось, невозможно вырваться из железных тисков голода.

Осенью в соседний уезд приехал известный полярный исследователь норвежец Фригьоф Нансен. Его повезли недалеко от города, в село Кольвань. Увиденное подействовало на гостя так угнетающе, что он, не раз смотревший смерти в лицо, заплакал. Нансен выступил в Париже перед парламентариями. Просил помочь России хоть чем-нибудь.

Где там...

И страна, выбираясь из нечеловеческого хаоса, оставленного интервенцией, вынуждена была сама один на один бороться с голодом, спасая в первую очередь детей.

...Панасюк черкал карандашом по бумаге. Последствия голода было трудно представить. Под карандашом словно вздрагивали цифры: на 1 июня 1921 года в уезде было 78 детских домов с 3750 детьми. С осени приток необычайно возрос — прибывало до 120—200 человек в сутки. Там, где можно было разместить 70 детей, размещали 300—350. Создали 150 патронатов, обогрели и накормивших еще 10 тысяч голодных оборвышей. Пять тысяч детей удалось эва-

куировать в губернии, менее пострадавшие от хлебного недорода. Накормили — это хорошо. А учеба, а быт? У Панасюка от усталости плыли пятна в глазах. Вдруг в конце отчета он наткнулся на расплывшиеся синие строчки: «Прекрасная мысль революции о социальном воспитании детей уступила место необходимости в призрении детей-сирот».

Панасюка резанула эта фраза.

Ему вспомнилось, как в семнадцатом году в Барabanовку, где его избрали председателем волсовета, пришли вести о взятии Дутовым Новосергиевки. Он и член волисполкома Кудинов двинулись в сторону Бузулука, где собирал силы правительственный комиссар Петр Кобзев.

— Я на Черное море вернусь,— сказал Кудинов.— А ты?

— Останусь здесь,— ответил Панасюк, хотя его ждали в Гельсингфорсе, в матросском комитете, членом которого он был.

— Ты посмотри, что делается кругом. На шестьсот тысяч уездного населения 512 тысяч неграмотных. Все новости в село поступают через лавочников и священников. Сам знаешь, что это значит... Надо избавиться от такого позора.

На шестом разъезде их подобрал бронепоезд. Кудинов уехал на флот, а Панасюк, избранный на первый уездный съезд Советов, отправился в Бузулук исполнять свою мечту о поголовном обучении грамоте рабочих и крестьян. И вот теперь эта мечта становилась призрачной.

— Да нет же,— возмутился Панасюк,— не погибла прекрасная мысль революции. Жить будет!

Он захлопнул папку и подошел к окну. Светало. По двору шел начальник милиции, прижимая к бедру тяжелую кобурку: где-то по уезду,

РЕВОЛЮЦИИ... ”

через Богдановскую, Любимовскую и Андреевскую, вырезая по пути волысполкомы и сельские советы, двигалась на Уральск банда Серова.

— Коней перековали? — поинтересовался Панасюк.

— Перековали.

— А ведь я на нынешний день поездку в школу-коммуналу намечал, — поделился своими мыслями бывший член Гельсингфорского комитета.

— Ну и поезжай, — ответил начальник милиции. — Справимся сами.

— Надо справиться, — согласился Панасюк, и вдруг построжал глазами, словно бы уже ловил фигурки скачущих бандитов в прицельную прорезь пулемета. — А к детишкам я все равно съезжу. Вот управимся с бандой и поеду.

Ночью в часовне от удара камнем посыпались стекла.

Игуменя тяжело поднялась с жесткого ложа. За каменными стенами, удаляясь, неясно звучали приглушенный смех и быстрый стукоток босых ног.

— Го-осподи, за что? — воззвала игуменя и заплакала.

Вспомнилось прежнее.

Из душных покоев к экипажу ее выводили две рослых черницы. Под семипудовой тяжестью со стоном проседали рессоры. Толстый кучер, выказывая усердие, широко расставлял локти и трогал лошадей. Когда экипаж показывался из-за угла, с колокольни сноровисто звонили. В нахлынувшей толпе богомольцев издалека бросались в глаза фигуры благодетелей — самарских миллионщиков, мельниковладельцев, скупщиков земель...

— Завтра с Надеждой Кузнецовой встречусь, — решила игуменя и

снова задумалась: сложные, неопределенные отношения у нее были с поселившейся в монастыре школой-коммуной.

Монастырь строен был на деньги известного самарского толстосума купца Шехобалова, разбогатевшего как раз перед революцией на скупке земель у голодных мужиков. На крестьянском горе возводились эти палаты, на народных слезах зиждидлись монастырский достаток и благополучие. Ныне этому приходил конец. Слишком велика была пропасть между игуменьей и кельей в соседнем корпусе, где как раз в эту минуту пришел в себя одолевший тиф тринадцатилетний воспитанник Иван Короткий.

— Вы откуда? — спросил он нагнувшихся на него в темноте Ванюшку Мозерова и Федю Мартынова.

— Попадье окна били, — сообщил Федя. — Продукты в подвале прячет.

— А ты чего? — спросил Ванюшка Мозеров, которому показалось подозрительным молчание Ивана.

— Вспомнил я отца, — ответил Иван.

Отец погиб три года назад. Было это так.

На заре где-то тонко треснул выстрел. На востоке проступала красная полоска, и Иван подумал, что это кто-нибудь стрелянул кнутом, давая сигнал работникам коммунарской фермы. Отец открыл дверь, вышел. И тотчас Ивана как пружиной подкинуло: голос отца, заговорившего с кем-то на дворе, зазвучал измененно, словно он предупредил о чем-то хотел.

Дверь отворилась, и у Ивана перехватило дыхание: чубатый казак, придерживая шеколду, цепко обхватил цевье отцовской винтовки. Дру-

гому кивнул на чердак, где хранился коммунарский ящик с гранатами.

Это было так страшно, что Иван не выдержал, бесшумно перебежал в комнату, где располагались маленькие, обхватил спящую сестру Таньку рукой и затих, забившись под полубубок.

Из оцепенения его вывел голос отца, за которым маячил казак с винтовкой.

— Сынок, береги Таньку, — сказал отец.

Казак положил руку на отцовское плечо:

— Пора!

На дворе стояли Егор Павлович Мозеров, председатель коммуны, братья Палатовы. У Мозерова расплылся синяк под глазом.

Старший казачьего отряда ткнул рукой в сторону Игнатия Палатова.

— Запрягать умеешь? Запрягай...

Палатов вывел лошадей, суетливо цеплял шлею, гремел оглоблями.

— Эко ты, вожжи забыл! — сказал он, словно бы удивившись странной в такой момент забывчивости.

— Скорей! — поторопил старший.

Палатов снова исчез в темном провале сарая и вдруг ближе всех находившийся к каретнику молодой казак резко послал лошадь вперед, другие, спешенные, срывая винтовки с плеча, побежали в сторону тальников.

Верховой казак вернулся смущенным.

— Ушел, сволочь! — выругался он. — Через окно в каретнике выпрыгнул...

Оставшихся коммунаров, не разбирая, потолкали на подводу. Отец сидел, свесив босые ноги. Рядом рысили казаки...

Их расстреляли в четырех верстах от Павловки.

...— **Вон ты что вспомнил,**— сказал Ванюшка Мозеров.— Так ведь и моего отца тогда тоже. Ну, да ничего, ничего,— добавил он.— Снова окна побьем. Продукты в подвале прячет.

К монастырю Панасюк подъезжал не остывший после схватки, которую пришлось выдержать на сельском сходе. Озлобленные голодом люди плохо слушали доводы разума. Они хотели одного — хлеба.

— **Власть!** — раздался в толпе голос.— Только и знает, что взять. Дать-то ее нету.

«А голосок-то вражеский»,— подумалось Панасюку.

— **Взять?** — не выдержал он.— А в девятнадцатом кто кричал, что сколько ни паши, все равно отберут? Теперь-то вы понимаете, что для того, чтобы дать, надо прежде у кого-то взять?

— Мы же еще и виноваты...

— **Власть дала нам землю,**— продолжал Панасюк.— Для раздачи немущему крестьянству уезда у помещиков, церквей, монастырей и земельного банка отобрали шестьсот тысяч десятин земли и двадцать три тысячи десятин леса. За время голода вы получили два миллиона пудов семян. Жалела власть, а? И это не считая помощи долгосрочным кредитом и рабочим скотом. Что сейчас требуется от вас? Расширить запашки, помочь семьям вдов и красноармейцев. Неужто это не понятно, мужики?

В толпе чесали бороды, скребли в затылках, думали.

...На монастырском подворье Панасюк увидел воспитанников. Не очень-то весело они выглядели.

— Ну, как вы тут? — бодро спросил Панасюк.

— **Ничего, хорошо,** — ответили ему вразнобой.

От корпуса навстречу моряку спешили воспитатели. Панасюк всматривался в них: Надежда Кузнецова приехала с мужем из-под Новгорода, раненный в ногу Дудось, бывший военный медик, пришел из губернии опираясь на палку и в одной калоше на здоровой ноге; других воспи-

тателей прислали партийные организации города и села.

— **Терпите?** — спросил их Панасюк, когда его повели показывать хозяйство коммуны.

— **Трудно, товарищ председатель** уисполкома,— ответил Дудось.— Война, она и на взрослого отрицательно действует, а здесь собрались дети, отцов которых убивали на их глазах. А еще оружия много. В деревнях трехлинейки, австрийские штыки, едва ли не пулеметы. Дети играют настоящим оружием. Сегодня опять одному саблей ладонь проткнули. Ну и с продуктами туго. Как там дела в уезде?

— **Кой-чем и обрадую.** Расширение посевной площади в уезде налицо. Прибавка — больше чем на треть.

— **А состояние пашни?**

— **Худого о земле не скажу...**

— **А вот игуменья жаловаться** приходила,—вспомнила Надежда Кузнецова.

— **А что она тут делает?**

Ему рассказали. Он коротко и зло рассмеялся:

— **Жалеем!** А во время войны Колчак от кого больше всего сведений получал? Из церквей да монастырей. А мы жалеем. Да еще продукты, говорят, прячет.

Продукты и впрямь нашлись: несколько ящиков кагора в запыхавшихся бутылках, кульки сахара, мука...

— **Выселить,**— распорядился Панасюк.

Из деревни прибыла подвода, вокруг нее хлопотали неизвестно откуда взявшиеся монахини; косо летали и кричали галки, которых сбивал ветер. Когда повозка миновала ворота, игуменья тяжело повернулась на ней и закричала, протягивая руки в сторону толпы воспитанников:

— **Будьте вы прокляты на веки веков!**

Угроза игуменьи развеселила воспитанников. Они как раз собирались эти веки веков счастливо жить!

Из школы-коммуны Панасюк вернулся задумчивым, с мягким светом на лице. Что бы он ни делал потом в этот день — принимал посетителей, подписывал распоряжение о выделении 39-му кавалерийскому полку в связи с приближающимися ноябрьскими праздниками пяти миллионов

рублей на подарки — на лице его не гас светлый и ровный огонь. Рабочий день председатель уисполкома закончил, подписав к печати брошюру «Пятилетние итоги Октябрьской революции в уезде». В раздел «Хроника» он собственноручно внес крошечную заметку, в которой говорилось: «В честь пятой годовщины Октября уездный комитет РКП принял шефство над школой-коммуной в б. Шехобаловском монастыре, которую именовать впредь школой-коммуной Октябрьской революции». В заголовок он вынес такие слова: «Шеф уездкома РКП». Наборщик уисполкомовской типографии, набирая заметку, не заметил, что вместо слова «шеф» требуется другое — «подшефный». Можно было бы также воспользоваться знаком «тире», выбросив ненужные буквы. Однако наборщик не догадался, а сам матрос едва ли смог это сделать: и грамоты не хватало, да и убежден был Панасюк, что прекрасные мысли революции делами возвращены будут, делами... А потомки грамматику выправят.

*г. Бузулук
Оренбургская область*

В атаку идет напролом?
Нас руки огня обнимали,
Но душу не выжечь огнем.

А сердце бойца
Так же билось,
Как сердце Отчизны родной.
Танк тесен,
Но сколько вместилось
Любви и надежд под броней!

Чем дальше уходим от дома,
Тем ближе родимый очаг,
Он там,
за раскатами грома,
За пламенем новых атак.

Нас дружба ведет через горы
К равнинному лепету рощ.
Мы наши сердца и моторы
Включаем на полную мощь.

И рушит врагов укрепленья
Стальная таранная Русь.
Что с вами иду в наступленье,
Я этим,
Танкисты,
Горжусь!

Майский вечер 45-го

Солнце за вершину отступило,
Серебром обрызгало леса.
Ощутил я
с необычной силой,
Что в обычном —
Скрыты чудеса.

Поражает этот миг захода,
Эта красота и тишина.
Не вокруг, —
Во мне четыре года
Непрерывно лязгала война.

В стороне саксонской
В майский вечер
Слышу рокот пройденных дорог.
А цветы каштанов,
Словно свечи,
Освещают песенный Восток.

Я мечтой —
У отчего порога,
На степной башкирской стороне:
Коль прекрасна прошлая дорога,
Будущая —
Радостна вдвойне!..

*Перевел с башкирского
Л. Сорокин*

Михаил
НАЙДИЧ

Одна строка

В ней вроде б нет
гвардейского запала,
Есть лирика с высокой головой.
Откуда в душу
та строка запала:
«Мне восемнадцать было под Москвой?»
Грустить об отошедших днях
не гоже,
Но, возвращаясь памятью к боям,
Я озаренно думаю — мне тоже,
Мне тоже восемнадцать было там!
Пришлось хлебнуть всего.
Война войною.
Но все-таки, черт побори,
не зря
Мне восемнадцать было под Москвою,
И даже меньше,
честно говоря...

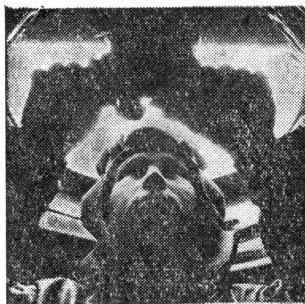
Как я рос

На передовой,
почти пацан,
Я не придавал себе значенья.
Кто я? Что я?
В поле стебелек,
Ветром опалимый и колышимый.
Но когда
в один прекрасный день
Вдруг по мне,
бегущему сквозь поле,
Вражий миномет открыл огонь,
Не щадя своих боеприпасов, —
Я заговорил
Почти что басом,
Вслух заговорил:
«Вот это я!»
Миномет
(а, может, батарея?)
Вел охоту ловко и умело,
Поднимая рядом —
слева, справа —
Черные, как уголь, веера.
Миномет
(а, может, батарея!),
Миномет
(стальной хваленый Рур!)
На меня обрушивал нещадно
Все свои богатства,
Весь металл.
...Так я
Постепенно
Вырастал!

НОВО- БРАНЦЫ

Не плачь, девчонка,
Пройдут дожди,
Солдат вернется —
Ты только жди...

Чуть ли не вся деревня
выходит в этот день за око-
лицу — провожать ребят в
армию. Гитары, песни —
сколько грустного и тор-
жественного в эти мину-
ты..

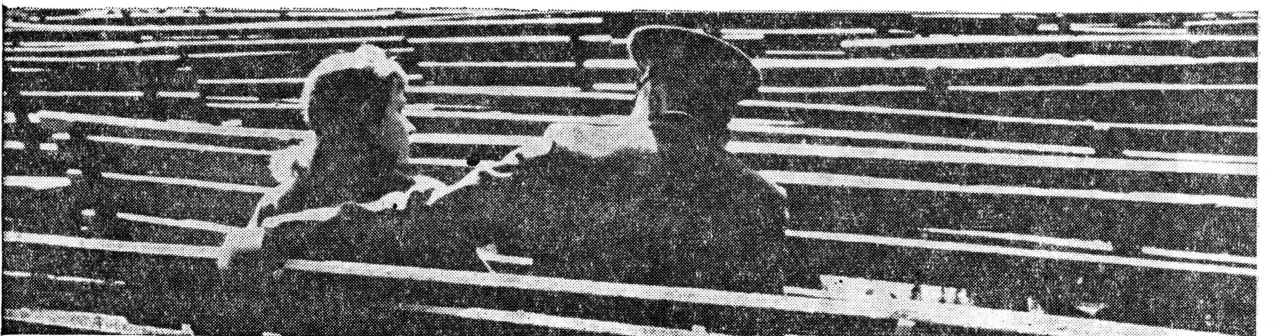
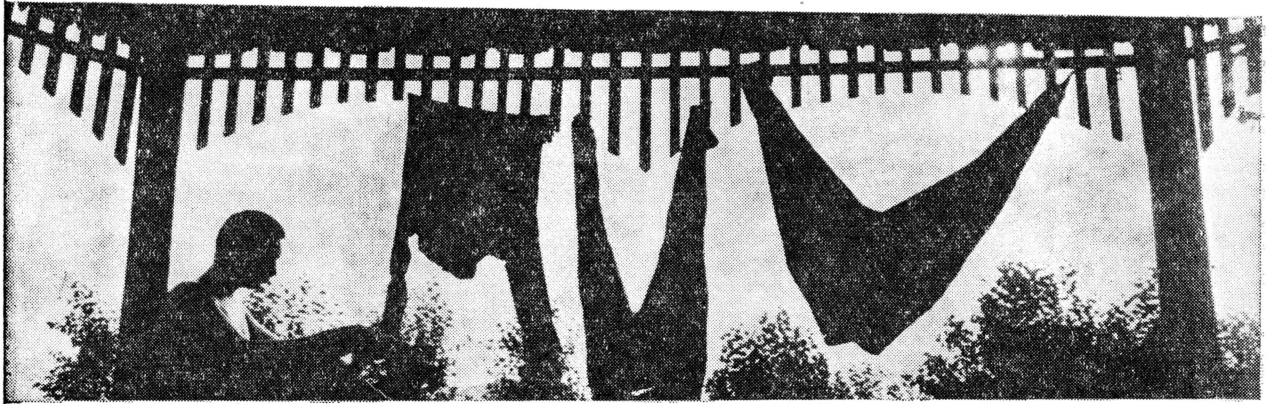
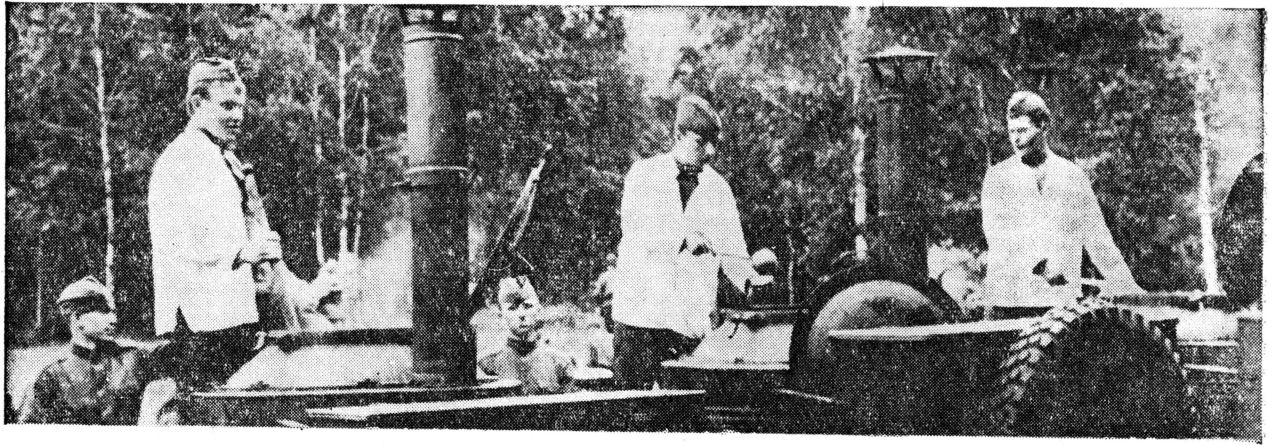
Проводы новобранцев —
это начало службы в ар-
мии.

А служба в армии — это
школа мужества, воспита-
ние характера, верность
долгу.

А там — «Отслужу, как
надо, и вернусь...»

Фотоочерк
Алексея
Лысякова

Следопытам Якутии

**Сергей
ПОПОВ**

Удивительная книга издана в Якутске. Называется она так — «Адрес: юным пионерам Якутии». Составил ее журналист Н. Дмитриев. Написана же книга знаменитыми и уважаемыми в нашей стране людьми — видными партийными и государственными деятелями, прославленными полководцами, космонавтами, известными писателями, артистами, спортсменами, путешественниками... Это — сборник писем пионерам и красным следопытам Якутии. В числе авторов писем Н. К. Крупская и М. И. Калинин, Маюлис Глезос и Долорес Ибаррури, А. М. Васильевский и В. И. Чуйков, Н. А. Крючков и Н. К. Черкасов, С. Я. Маршак и С. В. Михалков, Ю. А. Гагарин и В. С. Гризодубова...

Письма наполнены большой любовью и теплотой к детям далекой Якутии. Поразительно, что занятые важными делами люди всегда находили время для обстоятельных ответов на пытливые, нередко по-детски наивные вопросы своих юных корреспондентов. Эти письма свидетельство тому, что в нашей стране действительно есть один привилегированный класс — дети.

«Желаю, чтобы вы росли такими же, как мои любимые герои, — пишет детям Якутии народный артист СССР Н. К. Черкасов. — Свою Родину любите, как Александр Невский! Как великий Мичурин, научитесь преобразовывать природу для блага человека! Как депутат Балтики, профессор Полежаев, распространяйте знания! Как добродетельный Дон-Кихот, уважайте и любите людей!»

«Дорогие ребята, набирайтесь знаний, воспитывайте в себе любовь к труду, дисциплинированность, твердую волю, закаляйте себя физически, и тогда все дороги откроются перед вами», — пишет ученикам 5-го класса

Баягинской средней школы первый космонавт Ю. А. Гагарин.

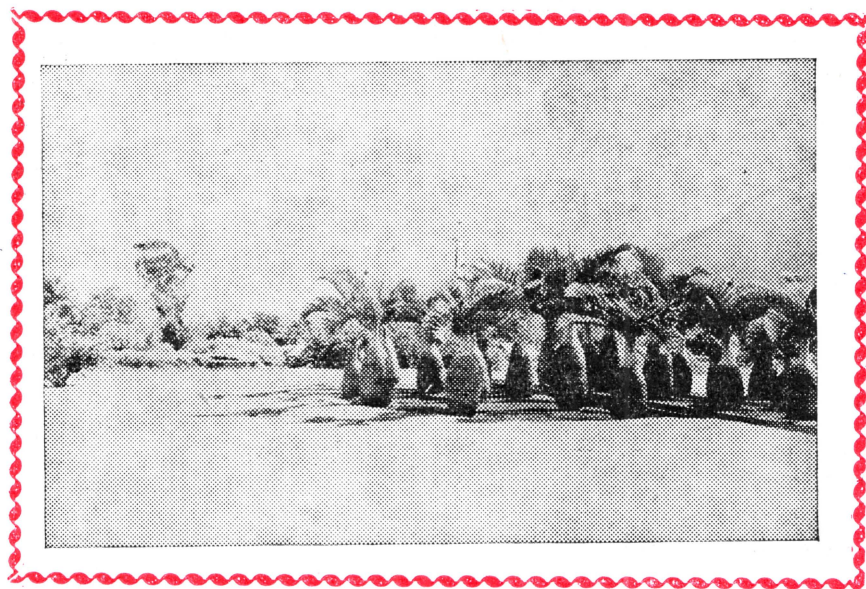
По письмам сборника видно, какую большую работу проделали красные следопыты Якутии. Ими созданы Ленинские комнаты в Баягинской и Чочунской школах, музеи боевой славы в Аканинской и Хампинской школах, Клубы интернациональной дружбы в Доме пионеров Алдана и в Мындагайской средней школе.

«Хотя вы и живете в холодном краю, но сердце у вас горячее, сердце патриотов Советской Родины, — пишет красным следопытам Эльгяйской школы-интерната герой гражданской и Великой Отечественной войн генерал-лейтенант К. Ф. Телегин. — Вы делаете большое и полезное дело, собирая материалы о тех, кто не шадил себя за ваше счастье, за ваше радостное будущее».

Читая серьезные, обстоятельные письма сестры и боевых товарищей Н. Ф. Гастелло учащимся Тиксинской средней школы № 1, я невольно вспомнил эту хорошо знакомую мне школу на семьдесят второй параллели. В ней учился мой сын, ныне инженер-судостроитель, преподавала же на, а я, главный инженер Тиксинской гидробазы, коллектив которой шефствовал над школой, часто бывал в ней по шефским делам. Следопыты и краеведы школы всегда вели большую и увлекательную работу. Помню, все самые интересные и почетные гости заполярного Тикси первым делом встречались с детьми.

Сборник «Адрес: юным пионерам Якутии» — яркое свидетельство того, какое большое значение придается в нашей стране воспитанию юных граждан на славных революционных, боевых и трудовых традициях советского народа.

ТАМ, ЗА ОКЕАНОМ...

**Игорь
БРОДСКИЙ**

Дар-эс-Салам

Молодой, почти юноша, полицейский, закончив формальности паспортного контроля, вскинул правую руку к козырьку фуражки, возвратил нам, двум советским журналистам, паспорта и поинтересовался: бывали ли мы раньше в Дар-эс-Саламе? Мы ответили отрицательно.

— О-о-о?! — в голосе зазвучали нотки удивления. — Тогда желаю интересных встреч, приятного знакомства с новой, независимой Танзанией! — черное, смолистого цвета лицо полицейского озарилось улыбкой.

Как это часто бывает в командировках, на первый день пребывания в Африке деловых встреч спланировано не было. И мы с Федором Михайловичем Тарасовым, спецкором «Правды», решили ознакомиться с городом.

Июль по танзанийским понятиям — пик зимы, сухой сезон. Этим и объясняются опустевшие пляжи, пора межсезонья в крестьянском календаре.

Как же здесь выглядит зима? Фантазии не хватало, чтобы ответить на, казалось бы, простой вопрос. Термометр показывал плюс 32 градуса! А близость океана (Дар-эс-Салам изогнулся вдоль его берега и в переводе на русский означает: воро-

та в мир) насытила воздух такой влажностью, что чувствуешь себя, словно в парилке. Даже температура воды в океане оказалась плюс 26 градусов!

Необычность зимы ощущалась не только в этом. На каждом шагу попадались вездесущие мальчишки, торговавшие холодной водой с такими желанными кубиками прозрачного льда.

...Центральные улицы столицы плотно забиты машинами, но тротуары, как правило, отсутствуют, а если узкая полоска земли и оставлена пешеходам, то она вся в рытвинах и ухабах. Танзанийцу внушали мысль, что человек — только тот, кто на машине. Поэтому проезжую часть улиц приводили в порядок, покрывали асфальтом, а о тротуарах никто не заботился; «человеку на машине» они были без нужды.

По этой теории «человеком» мог оказаться даже черный, если он принадлежал к национальной буржуазии, имел капитал. И все же он был человеком самого низкого сорта: ему ничего не доверяли. В национальном музее есть любопытная фотография, сделанная всего лишь 30 лет назад — в 1947 году. На ней запечатлен высший совет страны, который тогда состоял из 12 человек. На снимке — ни одного черного, хотя в составе населения не набиралось и полпроцента белых.

Иное дело сегодня. Четырнадцать

лет назад Танзания стала независимым государством. Теперь национализированы (с выплатой компенсации) все иностранные банки, установлен государственный контроль над промышленностью и торговлей. Проводится кооперирование крестьянства.

На одной из центральных улиц столицы, рядом с гостиницей «Мавензи», недавно открыта первая в стране национальная библиотечка, читателем которой может быть любой гражданин страны. Недалеко от нее, наискосок от представительства «Аэрофлота», раскинулись новые корпуса национального музея. А рядом — многоэтажное здание с многозначительной надписью во весь фасад: «Национальная компания энергетики».

В седловине гор, возвышающихся над городом, вырос университетский городок. Здесь для танзанийских студентов все необходимое — учебные корпуса и самые современные лаборатории, научная библиотека; конференц-зал, где можно просматривать киноленты, слушать лекции. Рядом — общежития, столовые... И самое примечательное — многие лекции в университете теперь читают на родном языке — суахили.

Следует отметить, что в годы независимости суахили получил свое второе рождение. В колониальные времена в стране повсеместно насаждался английский язык и до суахили никому не было дела. Сейчас с помощью советских лингвистов создан первый в истории Танзании словарь суахили.

Самая популярная в стране газета «Ухуру» («Свобода»), являющаяся центральным органом партии ТАНУ, и ее воскресный выпуск «Мзалендо» («Патриот») выходят на языке суахили. Их тиражи постоянно растут и сейчас стали недостижимы даже для правительственного офиса «Дейли Ньюс» и его воскресного выпуска «Санди Ньюс», выходящих на английском.

— И это прекрасно, — говорит нам главный редактор «Дейли Ньюс» Ф. Рухинда. — Партия, президент Ньерера говорят с народом на его родном языке!

...Вдоль дороги, ведущей из Дар-эс-Салама, нередко можно встретить почерневшие от времени, дождей и ветров легкие навесы. Под каждым из них, скрываясь от знойного солнца, копошатся люди.

У одного из таких навесов мы останавливаемся. Выходим из машины и неожиданно попадаем в сказку, где даже кусок дерева может стать маской, во весь голос сказать о себе. Здесь работают люди племени мокондо — искуснейшие мастера резьбы по дереву. Африканские маски мокондо покорили весь мир. Любителей реалистического искусства не могут оставить равнодушными искусно вырезанные на черном пне и отшлифованные до зеркального блеска десятки мужских, женских и детских головок, составляющих скульптурную группу «Семья». Гид-продавец умело рекламирует товар, иногда выдавая даже изъязыки за призраки высочайшего искусства. Ничуть не смущаясь, продавец называет первоначальную цену изделий такой, что даже видавшие виды охотники за изделиями мокондо шарахаются. Но постепенно шиллинг за шиллингом он уступает, и торг принимает деловой характер...

...Возвратившись в гостиницу, мы были немало удивлены сообщением портье, что кто-то целый день по телефону настойчиво разыскивал нас. Кто бы это мог быть?

Очевидно, нам пришлось бы долго ломать голову, если бы не раздался телефонный звонок. Группа беженцев из соседней Южно-Африканской Республики, нашедших политическое убежище в Танзании, узнав о приезде в Дар-эс-Салам советских журналистов (а такие вести здесь разносятся с быстротой молнии!), хотели бы встретиться с нами, рассказать о бесчеловечной системе апартеида.

Спустя несколько минут мы уже встречали в холле «Мавензи» своих

Профессия — рикша.

гостей. Невысокого роста, круглолицая с грустными глазами Мпуле Могуби. Ей 24 года. Она из района Дипклуф города Соуэто. Без специальности.

Высокая, худощавая, вся в черном — учительница из Соуэто Балеко Мбете. На вид ей можно дать за пятьдесят. Но стоит Балеко улыбнуться, и кажется, ей лет двадцать. Она из племени ксоса.

Вместе с ними пришли Соли Ратауфу Релле — красивый парень лет двадцати семи, учитель из Соуэто, и Соли Малекотане, кажется, совсем еще ребенок, с черными плотными кудряшками на голове, студент факультета права. Оба из народности цване.

Все четверо жили в разных районах города черных — Соуэто. Раньше друг друга не знали. Познакомились уже здесь, в Дар-эс-Саламе.

— Вы, наверное, слышали уже, обращается к нам Соли Р. Релле, — о том, что в эти дни, как и в прошлые годы, в Соуэто начались волнения. Молодежь вышла на демонстрацию с лозунгами-требованиями: «Долой апартеид!», «Долой банту образование!». Почему именно эти лозунги, а не другие в центре нашей борьбы? Да потому, что система апартеида — это самая жесткая, бесчеловечная система. Она создана, чтобы постоянно унижать человеческое достоинство черного, готовить из него не человека, а раба, рабочее животное.

Балеко Мбете и Соли Ратауфу Релле рассказывают, что во всех учебниках есть добавление: для банту. «История для банту», «Биология для банту», «Литература для банту», «Математика для банту...»

Учебник истории для банту — это голое перечисление дат, имен, названий. Об учебнике литературы банту можно судить по опубликованному в нем рассказу «Милисен и близнецы». Речь о том, что в семье белого фермера растут двое близнецов. Это очень умные, смысленные дети. В этой же семье воспитывается ровесник близнецов — черный. Он глуп, неразвит. Годен лишь для работы. Поэтому белые дети учатся, а черный — Милисен — пасет овец, и в этом для него высшее счастье.

Расистское правительство расходует в год на одного белого ученика 695 рандов и только 49 рандов — на черного. Белый учитель не будет работать, если в классе более 35—40 учеников. У черного учителя всегда не менее 70—80 учеников. Класс — в лучшем случае на улице навес, в худшем — под открытым небом, прямо на земле.

— А оплата, — горько улыбается Балеко, — у меня была в десять раз ниже, чем у белого коллеги...

— Все это тонко разработанная система апартеида, — как бы подводит итог Соли Малекотане. — Все направлено к тому, чтобы унижить тебя, раздавить. Разве не лучшее подтверждение этому наши «пассы»?

И все четверо, перебивая и дополняя друг друга, рассказывают о паспортах для черных в ЮАР, или, как их сокращенно называют, «пассы». Это маленькая книжка с фотографией владельца, указанием его года рождения и семизначным номером. Его должен помнить каждый владелец «пасса», особенно две первые цифры — номер племени. За появление на улице без паспорта — тюремное заключение.

— 16 июня 1976 года мои ученики заявили мне, — рассказывает Соли Релле, — что в этот день они не станут учиться, а выйдут на улицы демонстрировать против банту, против всей бесчеловечной системы апартеида. Подъехали полицейские и потребовали разойтись. Ученики отказались. Раздались выстрелы. Среди убитых оказался и мой четырнадцатилетний ученик Гентер Петерсен...

К ночи движение распространилось по всем районам города. Соуэто запылало. Появилась полиция с подкреплением из числа переодетых солдат. Они бросали в людей слезоточивые бомбы, стреляли, даже если перед ними оказывался ребенок.

На кладбище Дорнкоп мы хоро-

Своя ноша не тянет.

нили моего убитого товарища — Машабена. Пришло много народа, и мы распевали песни свободы. В них мы пели о том, что страдаем потому, что черные, и хотим, чтобы нам отдали нашу землю. На нас налетели полицейские и открыли огонь.

...Спустя две недели мы возвращались с острова Маврикий самолетом французской авиакомпании «Эр Франс». В кармашке стоящего впереди нас кресла торчало с десятков газет. И хотя газеты создавались разными людьми, на разных языках и в самых разных точках земного шара, их объединяло одно — крупные аншлаги: «Массовые выступления африканских учащихся», «Волна протестов молодежи ЮАР против расизма», «Долой апартеид!», «Автоматы против мирных демонстраций в Соуэто», «Расистскому режиму Форсгера не сломить борьбу народа ЮАР!»

Читая эти аншлаги, мы вспомнили нашу знакомую четверку, слова Соли Ратауфу Релле: «Мы расистам не дадим жить спокойно, их дни ссчитены».

Седьмой континент

Так нередко называют Мадагаскар — этот огромный гористый остров, который словно бы оторвался от массивного треугольника Африки и вышел в дозор навстречу неизвестным долям Индийского океана.

— А вы знаете, — улыбается Сэзэр Рабенуру, президент Малагасийской Академии наук, — в этом определении что-то есть. В доисторический период здесь был континент — Гондвана. Мадагаскар его остаток. Поскольку флора и фауна развивались на острове обособленно, то по природным условиям, растительности, животному миру Мадагаскар не похож ни на одну часть света.

— На острове, — продолжает свой рассказ доктор С. Рабенуру, — свыше десяти тысяч видов растений, которых вы не встретите больше нигде. А изумительный мир насекомых! Одних только бабочек здесь более трех тысяч видов. И многие из них, кроме Мадагаскара, нигде не существуют.

Иногда Мадагаскар называют еще страной Лемурийей. Когда-то давно здесь было очень много лемуруров — небольших черных и белых зверьков, напоминающих одновременно и кошку и обезьяну. У них вытянутые мордочки, длинный хвост, передние лапки короче задних, большие, светящиеся в темноте глаза.

На острове бытует легенда, по которой когда-то давно лемуры бы-

ли людьми, а потом в лесу одичали, обросли шерстью и стали животными. Очевидно, этим и объясняется, что местное население считает лемуруров священными животными.

Сейчас лемуруров можно увидеть, пожалуй, лишь в Цимбазазе — ботаническом саду — музее Малагасийской Академии наук и в глухих лесах. В Цимбазазе они живут на деревьях, высаженных на искусственных островках.

Прекрасные климатические условия острова, особенно его Верхнего Плато, позволяют крестьянам круглый год иметь молодой картофель; очень сочные, сахаристые помидоры, синие баклажаны, салат, капусту... Даже в эти июльские зимние дни мы встречали на обочинах дорог вороха только что выкопанной моркови, ананасов. Их хозяева, не имея возможности выехать на базар, пытаются на месте оптом продать товар.

И тем не менее Мадагаскар — очень бедная страна. Здесь везде во всем контрасты.

Фешенебельные виллы знати в городах и небольшие глинобитные, пугающие темными провалами глазищ, хижины крестьян. В них нет оконных рам, дверей: слишком дороги древесина, стекло. А ведь здесь, на Верхнем Плато, вечерами температура опускалась в дни нашего пребывания до плюс 12—14 градусов. А в одну из ночей — даже до нуля. Поэтому в доме, где нет окон, дверей, отсутствуют электричество, наконец, обычная печь, в такую погоду несладко.

Проезжая по стране, мы нередко видели, как крестьяне перекапывали свой участок земли, заливали водой, а затем все это месили и делали из него что-то наподобие кирпича. Вдоль дорог мы встречали и небольшие, словно игрушечные, печи, на сотню-две кирпичей. В этих кустарных условиях, используя пору межсезонья, крестьяне делали кирпич для продажи: сами они пользовались сырым. Обожженный — это уже непозволительная роскошь.

Видя наши недоуменные лица, сопровождавший нас в поездке член ЦК партии конгресса независимости Мадагаскара Эмильсон Радриамихасинуру заметил:

— Поймите, другого выхода у крестьянина нет. Свободные участки, где можно было бы взять землю на кирпич, отсутствуют. Вот и приходится крестьянину снимать пахотный слой со своего участка, чтобы построить себе дом или заработать на продаже кирпича.

Третью острова занимает Верхнее Плато — гористая местность, напоминающая наш Урал. Почвы глинистые, красные. Чтобы получить на них хороший урожай, необходимы удобрения. А их нет: они слишком дорогие, не по карману крестьянам.

О том, как дорог на острове каждый клочок плодородной земли, мы убедились в Антанариву — столице Мадагаскара. Здесь в самом центре города, в его низких местах, прямо вдоль улиц раскинулись... рисовые поля.

...Седьмой континент. Удивительный, неповторимый. Богатейшие природные условия. И потому самый бедный: он всегда служил приманкой колонизаторам. Служил. Но больше не служит и никогда не будет служить.

«Учиться, учиться и еще раз учиться!»

Эти памятные, близкие нам с детства ленинские слова мы неожиданно услышали во многих городах и селах Мадагаскара. Читали их на лозунгах и в призывах, вывешенных в клубах и помещениях ячеек партии конгресса независимости Мадагаскара (АКФМ). Они прозвучали и в предвыборных выступлениях президента страны, лидера партии авангард Малагасийской революции (АРЕМА) Додье Рацирака.

— Все это не случайно, — горячо, взволнованно говорит нам камрадо Жизель Рабесахала — генеральный секретарь АКФМ. — Это результат Великой Октябрьской социалистической революции, тех достижений, которые имеет СССР в строительстве социализма и коммунизма.

Товарищ Жизель, как ее называют друзья, наш собрат по перу, журналист. И встретились мы с нею на ее рабочем месте, в небольшой комнатке редакции газеты «Имунгу ваувау» на улице Рацимба в верхней части Антанариву. Она здесь работает рядовым редактором.

Маленький кабинет. Обычный письменный стол. Перед хозяйкой портативная пишущая машинка с заложенным листком бумаги. Перед нашим приходом, судя по всему, Ж. Рабесахала писала материал в очередной номер.

Рядом с машинкой — груда писем. «Связь с низовыми ячейками АКФМ», — улыбаясь, объяснила хозяйка кабинета. На тумбочке — бюст В. И. Ленина. На одной стене комнаты висит портрет Хо Ши Мина, на другой — президента страны Д. Рацирака. На этажерке и полочках тумбочки — произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Жизель Рабесахала неоднократно бывала в Советском Союзе. В 1975 году она возглавляла делегацию АКФМ на 25-м съезде КПСС.

— А знаете, — вспоминает Жильель, — всего пять лет назад имя Ленина у нас нельзя было упоминать вслух: такое свободомыслие наказывалось тюремным заключением. Вот как меняются времена...

...Вскоре небольшая комнатка оказалась набитой народом. Сюда собрались на встречу с советскими коллегами главный редактор «Имунгу ваувау» Маурике Рокотобе; редактор этой газеты, заместитель генерального секретаря АКФМ, член Верховного революционного совета республики, член политбюро Национального фронта защиты революции Арсен Ратсифефера. Здесь же и один из выпускников московского Университета Дружбы народов имени П. Лумумбы.

Они засыпают нас вопросами о Советском Союзе, о Москве, об Урале. Рассказывают о своих успехах, о проблемах.

А их немало. В стране почти нет промышленности, поэтому очень мало рабочего класса. Крестьяне бедны, неграмотны.

Используя советский опыт первых лет строительства социализма, АКФМ комплектует бригады из числа грамотной молодежи и студентов. Эти бригады едут на село, ведут там агитационно-политическую работу, обучают крестьян грамоте.

— Одна из наших первоочередных задач, — подчеркивает Ж. Рабесахала, — поддержать хартию социалистической революции 1975 года, не допустить трещин между теми, кто искренне стремится к социализму, сохранить единство их рядов.

Эта проблема волнует сегодня всех прогрессивно настроенных людей Мадагаскара. Волнует она и президента республики Д. Рацирака.

— Единство — залог всех побед революции, — заявил он 28 июля 1977 года при открытии первой сессии Национального народного собрания и высказался за создание в этих целях единой революционной партии. (В настоящее время на Мадагаскаре четыре партии.)

Много на острове проблем экономического характера. Ими откровенно делится председатель АКФМ, член Верховного революционного Совета республики, мэр Антананариву Ришар Андриамандзабу.

— Одно из главных — образование. В столице, где полмиллиона жителей, — всего две государственные школы и несколько либо частных, либо принадлежащих церкви. И это в столице!

В перспективе, к 1980 году, мы думаем, что все школы в стране будут государственными. Чтобы не настраивать против себя церковь, мы не стали национализировать школы. (Ришар Андриамандзабу, как

никто другой, знает силу церкви: он сам пастор одной из восьмидесяти протестантских церквей). Мы избрали другой путь, — продолжает он. — Строим новые государственные школы и дети идут туда охотнее: в них, в отличие от частных и церковных, бесплатное обучение.

Доктор Рацифандриаманана и его жена, популярная поэтесса Мадагаскара мадам Кларисс, рассказывают о силе и живучести религии. Она из поколения в поколение внушала и продолжает внушать сейчас мальгашам, что все от бога. Поэтому многие не любят трудиться, не хотят лечиться, ждут милостей от всевышнего. Сильно развит индивидуализм.

— Вы слышали, — говорят они, — о таком нашем обряде, как фамадикам? Это ужасно. Умер человек, замуровали его в склеп. А спустя полгода склеп открывают, берут покойника и в лучшем случае его тут, на месте, переворачивают на другой бок. В худшем — везут домой, устраивают там поминки, а затем возвращают назад, в склеп. И так ежегодно. Вы понимаете, какой опасности все это подвергает население острова? В любую минуту может вспыхнуть страшная эпидемия...

— А как отстала в своем развитии у нас культура! — в голосе мадам Кларисс звучат обида, горечь. — Еще 150 лет назад на малагасийский язык была переведена библия. А перевести учебники было некому. До недавнего времени все учились по французским учебникам. В них

рассказывалось о пшенице, о снеге, которых у нас никто не видел.

— Даже я еще застала это время, — вступает в разговор восемнадцатилетняя дочь. — Если кто из нас бывало заговорит на малагасийском языке, то немедленно в наказание ставили на горох или же посылали чистить уборные...

Показывая нам свои книги поэм, стихов, сказок, мадам Кларисс поясняет: «Вот все, что мне пока удалось издать».

— Разве ты это издала?! — хохочет доктор. — Это я издал...

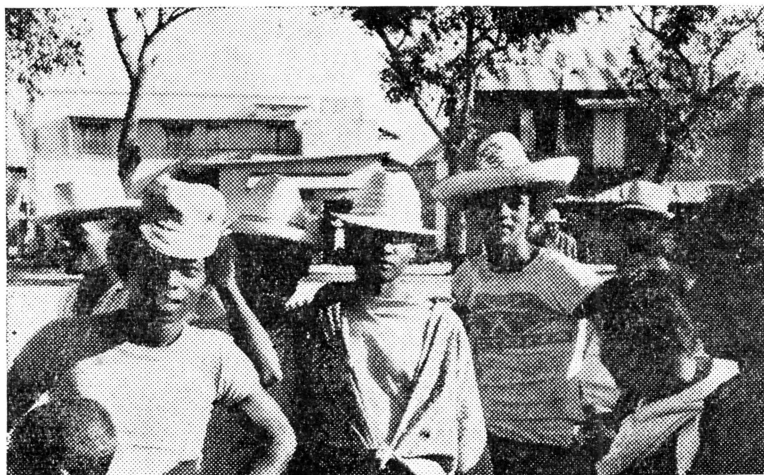
Вначале мы не поняли шутку. Но хозяйка раскрыла нам ее суть. На Мадагаскаре каждый писатель, поэт дает заказ типографии на издание своих произведений, полностью оплачивает бумагу, все расходы. А затем может торговать своими, теперь уже в полном смысле этого слова, книгами.

— Я дважды был в Москве, в Третьяковской галерее, — вспоминает хозяин дома. — И оба раза не столько рассматривал картины, сколько восхищался вашими крестьянами. Они со знанием дела разбирали и оценивали шедевры искусства. Это же здорово! Ничего подобного я не встречал ни в одной стране мира.

На Мадагаскаре мы были в дни, когда подводились итоги только что закончившихся выборов в Национальное народное собрание.

Никогда раньше Мадагаскар не знал такого, чтобы в парламенте заседали простые люди. 28 июля 1977 года в Антананариву на свою первую сессию съехались депутаты Национального народного собрания. И среди 137 депутатов оказалось 40 рабочих, 60 крестьян!

Парни знойной улицы.

Странный остров

У этого небольшого острова, затерявшегося в голубых просторах Индийского океана, десятки самых любопытных эпитетов. Маврикий называют живописным, незабываемым, голубым, райским, сладким... А Марк Твен, побывавший здесь в 1895 году, назвал его странным островом, «где спички не желают зажигаться».

В своем дневнике он писал: «Это единственное в мире место, где приезжему не задают традиционного вопроса: «Как вам здесь нравится?..» Здесь местный житель сам говорит о своей стране и не просит в этом помощи приезжего».

Природа — этот изумительнейший художник Вселенной — одела Маврикий в живописные, фантастические краски. И, как бы стремясь их подчеркнуть, решила этот сказочный островок, словно кусочек драгоценного изумруда, вставить в кольцо золотисто-голубых пляжей, обрамленное белой кипенью коралловых рифов.

Кюрепип — второй после столицы город Маврикия. Уже на его окраинах зеленые стены тростника сменились такими же зелеными, аккуратно подстриженными, высокими заборами из бамбука. Сквозь эту живую изгородь иногда просматриваются живописнейшие виллы власть имущих.

Кюрепип расположен в центре острова, на плато. Здесь нет той изнуряющей человека жары и влажности, которая свойственна побережью, а значит и столице Маврикия — Порт-Луи. Поэтому с давних времен повелось, что европейцы и местные знать селились не в столице, а на плато, в Кюрепипе. Этим же объясняется и то, что самая большая и самая комфортабельная гостиница на острове — «Континенталь» — расположена здесь же.

Но Кюрепип (в переводе на русский — ковырялка в курительной трубке) — это, пожалуй, самое сырое место в мире. Здесь не бывает дня, чтобы не шел дождь. Среднесуточные осадки в Кюрепипе, как нам рассказывали местные жители, равны десяткам миллиметров! Поэтому здесь «спички не желают зажигаться».

Мы жили в этом городке четыре дня. И все время удивлялись: стоит, казалось бы, яркий, солнечный день, нигде ни облачка, и как-то внезапно, прямо мгновенно город оказывался под тяжелым серым куполом туч, из которых, словно из ведра, лились потоки воды. Так могло быть и час, и два, и больше...

Но не только этим удивляет Кюрепип приезжих. В центре города, где разместились магазины, го-

стиницы, банки и деловые конторы, стоит, казалось бы, самый обычный железнодорожный вокзал. Но это единственный вокзал в мире, откуда никуда не уедешь. Железнодорожные линии, проложенные на острове в прошлом веке, перестали давать доходы, и их просто сняли.

Сказочный остров. Он словно игрушечный. Чтобы пересечь его из конца в конец в наиболее широком месте, надо проехать 50—60 километров, в самом узком — тридцать-сорок. И на этом небольшом пятячке разместились почти два десятка климатических микрозон! В одном месте здесь может быть туман, в другом — яркое солнце, а в третьем — проливной дождь...

...Маврикий находится на пересечении путей, ведущих из Африки в Индию, Юго-Восточную Азию и Австралию. Такое важное стратегическое положение острова, его благоприятные климатические условия превратили Маврикий в приманку для чужеземных завоевателей. На острове поочередно хозяйничали португальцы, голландцы, французы, англичане.

Народ Маврикия многие десятилетия вел упорную антиколониальную борьбу. В марте 1968 года маврикийцы добились независимости, остров получил мандат английского доминиона.

На Маврикий произошли прогрессивные, демократические перемены. Было установлено бесплатное образование. В отличие от соседей, здесь сегодня почти все дети ходят в школу, и Маврикий теперь не уступает по охвату начальным образованием даже развитым странам Запада. Немало маврикийцев получают высшее образование в СССР.

В экономике страны создается государственный сектор. Выкуплен сахарный завод, построен завод по производству удобрений. Расширяются плантации чая, табака.

Однако и сегодня подавляющее большинство плантаций сахарного тростника, заводов по его переработке принадлежит «сахарным магнатам», в основном англичанам и французам. Маврикий продолжает оставаться «самой большой сахарницей» Великобритании: он производит ежегодно 700—800 тысяч тонн сахара и по его производству занимает одно из ведущих мест в мире.

Колонизаторы оставили на острове много трудных и сложных проблем. Их не так просто сразу решить. Немало мешает этому и правая печать, сеющая национальную рознь, подозрения к подлинным друзьям Маврикия.

Утром, на второй день нашего пребывания на острове, мы спустились в ресторан позавтракать. Официант вместе с меню подал нам свежий номер газетенки «Экспресс»,

принадлежащей правым силам. На ее первой странице была помещена небольшая, но грязная заметка под заголовком «Некоторые оговорки о красных».

В ней было написано: «Вчера на Маврикий, в соответствии с соглашением о культурном обмене, прибыли два красных журналиста — Игорь Бродский из Свердловска и Федор Тарасов из Москвы. Их приезд сейчас не очень желателен. И совсем нежелателен заход в Порт-Луи красного океанографического научного судна, которое сегодня должно войти туда».

Вечером на приеме у исполняющего обязанности президента корпорации телевидения и радиовещания Маврикия (Эм-Бэ-Си), человека, принадлежащего к власти имущим, министра Клемента Даласа мы спросили, что значит эта публикация. Он извинился перед нами и сказал, что это какое-то недоразумение. Более прямо и откровенно ответил на наш вопрос главный редактор ежедневной газеты «Нейшл», он же президент Ассоциации журналистов Маврикия мистер Джайнал.

— Не удивляйтесь. Это правая газета, защищающая интересы частного капитала. От нее можно ожидать всего.

Трудной, нерешенной пока проблемой на острове остается этнографическая проблема. Сегодня две трети почти девяностотысячного населения Маврикия составляют выходцы из Индии. Чуть меньше трети — креолы, мулаты, белые. Это потомки местных африканцев: рабов, привезенных с Мадагаскара, белых колонизаторов. Остальная часть населения — китайцы.

Такое смешение рас, религий, культур пока еще не переплавилось, как на Мадагаскаре, в единую маврикийскую нацию. Здесь нет и единого языка. Официальный язык — английский. Но его мало кто знает. Поэтому говорят здесь чаще всего на креольском. Это смесь французского с языками африканс и малагасийским.

Поэтому не случайно, как рассказывали нам местные журналисты, они частенько обращаются со страниц своих газет с призывами к соотечественникам: «Чтобы строить новый Маврикий, давайте прежде всего станем маврикийцами!»

Что ж, правильный призыв. И надо надеяться, его услышат, поймут, на него откликнутся все истинные патриоты молодого государства.

Москва — Дар-эс-Салам — Антананариву — Порт-Луи

МИР В ОБЪЕКТИВЕ

Вечернее солнце ласково светит малышам, как светило много лет назад... Перед вами работа Жоржа Яковидеса «Дружба». Автор — киприот.

Но всегда ли вот так же мирно будет светить солнце? Перед нами фото. На нем пустыня. И по ней идет человек. Один. В большой каске. Это снимок-предупреждение Мишеля Геральда «Одиночество». Геральд — из Швейцарии...

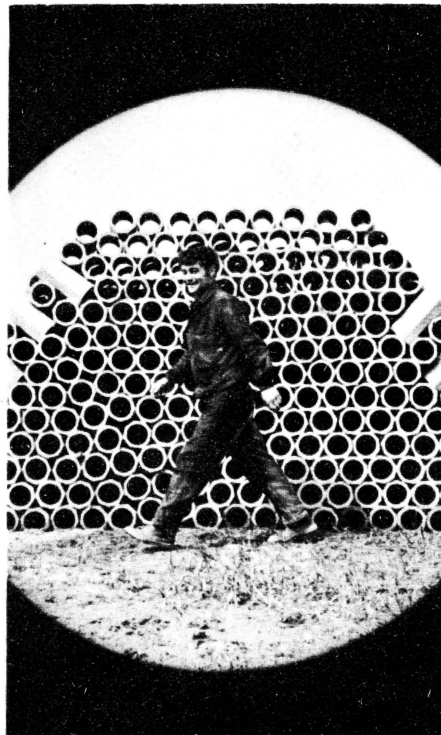
Тысячи и тысячи снимков пришли в Москву со всего земного шара. Организационный комитет фотовыставки «Интерпрессфото-77» отобрал лучшие из них. Они составили экспозицию в новом павильоне на Выставке достижений народного хозяйства.

В конце прошлого года выставка отправилась в путешествие по Советскому Союзу.

Некоторые работы ее участников публикуются в этом номере.

А. НАГИБИН

Эрвин КНАЙДИНГЕР
[Австрия].
Из серии
«Западная Африка»

Эдвард ЭТТИНГЕР
[Москва].
Из серии
«Доверие»

Пини ЛУИДЖИ
[Италия].
Из серии
«Свидетельство
наводнения»

Борис МАКСИМОВ
[Пермь].
Из серии
«Преображающие землю»

Екатерин- бургские портреты Корзухина

**Георгий
ЗАЙЦЕВ**

*Цветные репродукции
Алексея Нагибина*

Матрена Степановна Корзухина,
мать художника.
Александр Иванович Чердынцев.
Генерал Владимир Андреевич Глинка.
Эти три портрета хранятся
в Свердловской картинной галерее

На пожелтевшем
от времени 148-м листе
«Ведомостей Уктусского
завода
о родившихся,
браком сочетавшихся
и умерших за минувший
март месяц 1835 года»,
в разделе «родившиеся»
имеется запись
под № 4:
«Ивана Корзухина
сын Алексей — 11 марта». В семье горнозаводского
мастерового
Ивана Сергеева Корзухина
родился будущий художник,
академик живописи,
один из членов-учредителей
Товарищества
передвижных
художественных выставок.
23 года
Алексей Корзухин
жил на Урале —
на Уктусском заводе
и в Екатеринбурге.
Уехав с Урала,
Корзухин поступил
в Академию художеств.
9 ноября 1863 года
он был среди тех,
кто вместе с Крамским
выразил протест,
подав заявление
об увольнении из Академии.
Он был с теми,
кто образовал знаменитую
Петербургскую артель
художников.
Его работы
«Перед исповедью»,
«Отъезд из монастырской
гостиницы»,
«У краюшки хлеба» и
«Птичьи враги»
вошли в золотой фонд
русской бытовой живописи
второй половины
XIX века.
Рисовать Корзухин
начал очень рано,
с семи лет.
На Урале, до академии,
он писал, кроме икон,
только портреты.
Вот по этой галерее
его екатеринбургских
портретов давайте
и совершим путешествие.

Мастеровые Уктусского завода

Известный искусствовед В. Чуйко, лично знавший Корзухина, писал о нем в 1894 году: «Имея не более семи лет, он уже рисовал и написал несколько образов и картин, которые невольно обратили на себя внимание окружающих».

Естественно, что первыми натурщиками для Алексея могли быть родные и, в первую очередь, — мать и отец.

Вот они перед нами — портреты родителей, написанные более 130 лет назад и хранящиеся сейчас в фондах Свердловской картинной галереи.

Трехчетвертное, поясное изображение. В обоих портретах объемно выделено лицо. Ровный светло-коричневый фон, слегка высветленный вокруг головы, усиливает рельефность. Черты лица выписаны натуралистично, что вполне естественно, если учесть возраст художника — он хотел добиться абсолютного портретного сходства.

Кто они, родители молодого художника? Имя отца — Ивана Сергеевича Корзухина — впервые встречается в формулярном списке мастеровых Уктусского и Елизаветинского заводов за 1810 год. Запись свидетельствует, что Иван Корзухин, 12 лет от роду, холостой, зачислен с сего 1810 года промывальщиком золота.

Записи об Иване Корзухине повторяются из года в год. В 1821 году рядом с его именем появляется второе — жена Матрена Сергеевна. Нам не известна ее фамилия, чья она дочь — тогда счет велся только по мужским душам. Из других документов узнаем, что она родила двух сыновей. Отец художника работал промывальщиком на Уктусском заводе до 1828 года. Затем его перевели на конный двор Нижне-Исетского завода. В 1848 году он был зачислен на Екатеринбургский Монетный двор, а в 1854 году уволился в отставку. Вот и вся его биография. Где он жил после 1861 года? Когда умер? Об этом можно лишь догадываться. До нас дошел только один документ, свидетельствующий о том, что отец художника дожил до 70-х годов. Это — снимок, сделанный в фотографии Терехова в Екатеринбурге и хранящийся в альбоме внучки А. И. Корзухина. Сын его в то время уже стал академиком живописи, а Иван Корзухин сфотографировался в том же армяке с опояской, что носил 40—50 лет назад.

В газете «Уральский рабочий» за 23 сентября 1939 года была помещена такая заметка:

«Подарок пионера

Ученик свердловской школы № 126 пионер Вася Gladких подарил картинной галерее четыре картины кисти А. И. Корзухина. Картины являются ранними произведениями художника. Это портреты отца, матери, брата и племянника художника. Они принадлежали умершей недавно племяннице А. И. Корзухина, а потом достались Васе Gladких».

В учетных карточках картинной галереи записано, что портреты подарены пионером Василием Глухих. Кто он, этот даритель, — Вася Gladких или Вася Глухих? Как портреты попали к нему? На эти вопросы пока нет ответов.

Настоятель Уктусской церкви

Этот портрет, хранящийся в Нижнетагильском музее изобразительного искусства, вовсе не натуралистический, в нем не выписаны маловажные детали. Лицо священника одухотворено. Правая рука как бы нервно лежит на книге. На груди висит крест на владимирской ленте... Живописец пытается дать психологическую трактовку образа.

Кто он, этот просвещенный слушатель культа в камиллавке? По манере письма — это ранняя уктусская работа художника, исполненная до 1848 года.

В Уктусского завода Преображенской ружной церкви было четыре штатных служителя: священник Петр Васильевич Удинцев, дьякон Иоанн Федоров Истоцкий, дьячок Андрей Антониев Мамин и пономарь Феофил Артемьев Максимов. Судя по одежде, атрибутам ее, трое последних отпадают. Видимо, на картине — Петр Васильевич Удинцев, настоятель церкви. Биограф Корзухина в 1894 году отмечал, что молодой художник в середине сороковых годов занимался у уктусского иконописца. Не помог ли этому отец Петр, крестивший Алексея Корзухина и, несомненно, знавший о его таланте? Художник был хорошо знаком с семьей настоятеля. Об этом можно говорить уверенно: в 1860 году Корзухин, приехав из Академии на побывку в Уктус, сделал карандашные рисунки жены Удинцева и двух его сыновей. Была у священника и дочь Таисия, к которой молодой Алексей Корзухин был неравнодушен. Интересно, что один из сыновей Удинцева, Геннадий, в 1873 году попал в поле зрения жандармов, а через него Третье отделение заинтересовалось и Корзухиным, который тогда встречался с Г. Удинцевым.

М. Н. Кокшаров

рые горшки в своих рассказах, собранных П. Ратушным в книге «Счастливые камни».

В Свердловской картинной галерее хранится икона «Суббота всех святых». На ее обороте имеется надпись: «Пожертвована купеческой женой Дарией Ивановной Лагутяевой в память усопшего р.б. купца Николая Ивановича Лагутяева. 1891. Июня 13 ч.»

Как попали портреты Лагутяевых в Свердловскую картинную галерею? Потомки купца подсказали: они хранились у одной из внучек Лагутяева, но после ее бегства с белогвардейцами картины стали собственностью государства.

Ученый минералог

Портрет ученого — вполне зрелое произведение, решенное в лучших традициях портретной живописи середины XIX века. Полное лицо повернуто в сторону — будто что-то за пределами рамок заинтересовало ученого. Такие детали, как небрежно повязанный галстук, дорогой сюртук, подчеркивают характер. В правом нижнем углу — английский сеттер. Фон приглушен, хотя неясным контуром проглядывает обитое репсом кресло. Таков портрет Николая Ивановича Кокшарова, генерал-майора, ординарного академика, директора Санкт-Петербургского горного института, члена многих русских и зарубежных научных обществ и академий, автора шеститомного труда «Материалы для минералогии России».

Где пересеклись пути академика и художника из мастеровых? Что могло быть общего у изысканного вельможи с художником-самоучкой?

В 1822 году на Урал в качестве нового управляющего Березовскими рудниками приехал Иван Кокшаров с четырехлетним сыном Николаем. Одним из самых ярких впечатлений детства для мальчика была встреча с заводским художником Ширшевым, который из уральских самоцветов делал разные наборные картины. Коля Кокшаров часто бывал на фабриках и рудниках. Именно здесь, на Урале, в душе мальчика зародилась искра любви к геологии.

В 1840 году, окончив Петербургский горный институт, Николай Иванович Кокшаров вернулся на Урал и стал работать инженером на Екатеринбургском Монетном дворе. Хотя в этой должности он пробыл недолго, но в течение последующих пятнадцати лет неоднократно приезжал к отцу в Березовск.

Уктусский золотопромывальный завод подчинялся Березовску,

Семья торговца каменным товаром

Эти парные семейные портреты были заказными. На одном из них — сравнительно молодой мужчина с мальчиком, на другом — богато одетая женщина с девочкой.

Первый портрет решен в темных тонах. Мужчина, чуть подавшись вперед и слегка наклонив голову, плотно сидит на невидимом для зрителя стуле. Правой рукой он опирается на колено, другой обнимает за плечо худенького паренька в ученической форме. Лицо мужчины написано мастерски.

Жена и дочь его изображены в белых пышных платьях, что придает портрету более мягкое и вместе с тем и торжественное звучание.

Кто они, эти уверенные в себе люди?

Из учетной карточки Свердловской картинной галереи, где хранятся портреты, можно узнать, что на них изображена семья купца Лагутяева. Из справочника И. И. Симанова «Список купцов г. Екатеринбурга с показанием членов семейств 17-летнего и старше возраста» за 1889 год узнаем: «Богоявленская ул. 2-ая, № дома 5 и 1. Лагутяев Николай Иванович, купец — каменный двухэтажный с мезонином дом, каменный двухэтажный флигель, службы и баня, магазин каменных вещей».

Имя Лагутяева упоминают ста-

где Кокшаров-старший был управляющим. Кокшаров-младший не мог не посетить Уктус, не мог не заметить иконы и картины, написанные Алексеем Корзухиным. Тогда они, очевидно, и познакомились, сговорились о портрете, который поражает нас своим совершенством.

2 июля 1852 года в Митаве состоялась пышная свадьба Николая Ивановича Кокшарова с баронессой Елизаветой Андреевной Стромберг. После свадьбы молодые поехали на Урал. Корзухин был приглашен в Березовск и ему заказали портрет Елизаветы Андреевны. Он писал его несколько сеансов, но, увы, молодые торопились, и этот второй портрет, тоже хранившийся ныне в Нижнетагильском музее изобразительного искусства, так и остался неоконченным.

Главный горный начальник

В манере исполнения портрета генерала отчетливо видно влияние английского художника Джорджа Доу и его знаменитой серии для Военной галереи Зимнего дворца. Тщательно выписав серебро позументов, эполетов и орденов, художник, желая подчеркнуть суровость и прямоту генерала, как бы сковал эту фигуру оболочкой мундира. Корзухину удалось показать жестокость николаевского генерала, который серыми холодными глазами смотрит на этот подвластный ему мир. Это — Владимир Андреевич Глинка, главный начальник горных заводов хребта Уральского с 1837 по 1856 год.

Царской свиты генерал-майор, сенатор, В. А. Глинка был и членом «Союза благоденствия» — предшественника Северного и Южного обществ декабристов.

В изданном в 1923 году сборнике «Екатеринбург за двести лет» говорится: «Этот николаевский генерал-фронтовик, прямой, грозный и жестокий, был настоящим «горным царем» на Урале. Внушительная наружность, высокий рост и военная выправка придавали ему диктаторский вид. Глинка был долгое время грозой не только горного края, но и всего уральского населения».

Как же молодой художник удостоился чести писать хозяина горного Урала? В некрологе Корзухину в 1894 году неизвестный автор писал: «На его счастье начальник горных заводов Глинка каким-то образом узнал про него и, будучи человеком добрым и отзывчивым, решил помочь будущему художнику. Он поместил его у себя в горном училище и стал давать ему необходимые

Е. А. Кокшарова

заказы. При этом часть денег давалась А. И. на руки, часть же оставалась для будущего. На первую половину денег он нанимал себе учителей, стараясь образовать себя с лучшей стороны, но не забывалось и искусство».

Эту встречу скорее всего устроил Кокшаров, который в доме Глинки был своим человеком.

И позже генерал не забывал молодого художника из мастеровых. Когда в 1861 году Корзухин получил свою первую золотую медаль за картину «Пьяный отец семейства», Глинка пригласил его в свою петербургскую квартиру и вел с ним длительную беседу за чашкой чая, вспоминая Урал, Екатеринбург и общих знакомых.

Чиновник горного ведомства

От этого портрета веет уверенностью бывалого и умного человека — рядового, но одаренного чиновника Главной конторы заводов хребта Уральского. Длительное время портрет был безымянным — чиновник горного ведомства, и только. Позже, однако, удалось установить, кто изображен на портрете.

Трактовка чиновника позволяет говорить о том, что художник его хорошо знал и хорошо к нему относился. Скорее всего, это — один из учителей Корзухина. Кто именно?

Глинка поместил Корзухина в горное училище. Но в списках учеников того времени Корзухина нет. Объяснение простое: Корзухин лишь занимался живописью у преподавателей Горного училища, не будучи его питомцем, он учился там лишь рисованию. Учителем рисования мог быть кондуктор Федор Князев, преподаватель черчения училища. Так это потом и подтвердилось: на подрамнике холста, на потемневшей от времени дощечке, нашли надпись: «Федор Степанович Князев (1819—1891)». О нем, увя, пока добавить нечего, кроме двух строчек из симаповского справочника: «Князев Федор Степанович, чиновник — деревянный одностажный дом, Водочная улица, д. № 70».

Мечтательный юноша

Если бы из всех уральских портретов Корзухина до нас дошел лишь один этот, то уже можно было бы говорить о большом таланте художника.

Портрет отличается высоким мастерством исполнения и совершенной техникой письма. Все на полотне рассчитано до мельчайших подробностей. Мечтательный юноша озабочен какими-то своими, именно юношескими мечтами. Сам художник как бы прощается со своим детством, даря людям этот портрет юноши.

О юноше, изображенном Корзухиным, мы знаем мало — Александр Иванович Чердынцев, и все. Симаповский справочник добавляет лишь адрес: 2-этажный дом, флигель, службы и баня, Колобовская, 49 (ныне ул. Толмачева).

Портрет юноши таит еще одну загадку. На холсте имеется подпись: «П. А. Корзухин. 1855.» Все, вроде, правильно: и год совпадает, и почерк корзухинский, и живописная манера его. Но почему «П. А.»? Даже было выдвинуто предположение, что это какой-то художник-однофамилец. Ларчик, оказывается, просто открывался. Корзухин был выучеником иконописной мастерской. А там, как правило, до самой середины XIX века подписывались так, как это делали 100 и 200 лет назад: «Писал имярек» или сокращенно: «П. имярек.» Отсюда и загадочная подпись на портрете Чердынцева.

Последние минуты Верещагина

Игорь
АЛЕБАСТРОВ

Как только началась русско-японская война, знаменитый русский художник-баталист Василий Васильевич Верещагин отправился на театр военных действий — в далекий Порт-Артур.

По приглашению адмирала Макарова Верещагин прибыл на броненосец «Петропавловск», на котором находился штаб командующего эскадрой. С нетерпением ждал художник сражения. Ему очень хотелось запечатлеть на полотне картину морского боя.

В ночь на 13 апреля 1904 года погода установилась ненастная. За сеткой мелкого дождя вроде бы появились и исчезли силуэты неизвестных кораблей.

— Не поймешь: то ли они стоят неподвижно, то ли бродят взад-вперед по одному месту! — недовольно сказал Макаров. — Надо будет на всякий случай завтра протравить это место...

Но в суматохе событий последующего дня Макаров роковым образом забыл о ночных видениях.

Русская эскадра вышла в море. Макаров в пальто с барашковым воротником стоял на верхнем мостике «Петропавловска». Рядом с ним находился высокий, осанистый старик с палитрой, кистями и подрамником в руках — художник В. В. Верещагин. После короткого боя русская эскадра повернула обратно под защиту крепостных батарей. Японцы не преследовали.

Верещагин лихорадочно набрасывал этюды, стараясь уловить быстро меняющиеся цветовой гаммы моря. И вдруг... раздался какой-то странный гул, похожий на отдаленный удар грома, вслед за которым с ужасающим грохотом над «Петропавловском» взметнулось громадное облако черно-бурого дыма.

Броненосец накренился на правый борт и быстро стал погружаться носом в воду. Раздался новый взрыв в кормовой части, и вслед за ним вырвалось густое облако пара. Когда оно рассеялось, там, где только что был броненосец, теперь бурлила в громадной воронке вода.

В полторы минуты с огромным броненосцем было покончено! Спаслись семь офицеров и 73 матроса. Погибли адмирал Макаров, начальник штаба контр-адмирал Молас, 29 офицеров, 620 матросов и художник Верещагин.

О гибели Верещагина рассказал лейтенант Н. В. Иениш:

«На самом свесе я увидел группу матросов и среди них Верещагина в расстегнутом пальто. Часть из них бросилась в воду. Остальные колебались, остановленные зловещим шумом винта, работавшего за кормой. Тут взорвались котлы. Всю середину корабля вынесло со страшным шумом наверх. Первая шестидюймовая башня, сорвавшись, полетела в море. Громадная стальная стрела на спардеке для подъема шлюпок исчезла мгновенно. Взрывом ее метнуло за корму, и место, где стояли матросы и Верещагин, было пусто. Их раздробило и смело...»

Матрос Ермошневич из Могилева рассказал о гибели Верещагина иначе:

«Адмирал в момент взрыва стоял на мостике. Около него были другие начальники и старичок штатский с крестиком. Кажись, старичка сначала бросило на воздух, а потом в море...»

Видел Верещагина до взрыва и командир «Петропавловска» Н. М. Яковлев. Он вспоминал:

«За несколько минут до взрыва я побежал в боевую рубку. В этот момент я видел полковника Агапеева: он записывал подробности происшедшего боя. Рядом Верещагин что-то спешно зарисовывал. Внезапно раздался грохот взрыва...»

Вот и все сведения, какие были получены от спасшихся при гибели «Петропавловска», о последних минутах Верещагина.

Как настоящий гвардеец русской батальной живописи, Верещагин погиб, не выпуская кисти и палитры из рук.

У ОЗЕРА АРГАЗИ

См. 2-ю стр. обложки.

**Валерий
ПЕТРИН,
Владимир
СТЕФАНОВ,
Александр
ШОРИН**

Можно было, с известной долей уверенности, охарактеризовать могильный обряд, а также и некоторые стороны идеологических представлений этих далеких наших предков.

Каменные кольца-обкладки над могильниками напоминают солнечный диск — символ жизни многих народов: египтян, индоиранцев, индейцев, славян, финно-угров. Пятно прокала в одной из могил — не что иное, как остатки ритуального костра...

На высоком холме, под каменным панцирем из глыб захоронен мужчина могучего телосложения с зажатым боевым топором в правой руке и кинжалом на бедре. Он европеоид, погребен 2,5 тысячи лет тому назад. Откуда пришел этот завоеватель сюда на Аргазии, ведь в то время здесь жили скорее всего предки финно-угорских народов, имеющих иной облик? С востока, с бескрайних просторов Сибири? Возможно, ведь подобного типа боевые топоры археологи часто встречают в районе Красноярска и Северного Казахстана. Почему для захоронения его выбран такой

высокий холм, а над могилой сооружено надгробие? Может, это вождь, прославленный воин? А прекрасная костяная поделка с изображением головы барана что означает, почему не встречалась нам ранее?

Поражает богатство другого кургана, где захоронены двое — мужчина и женщина: железная кольчуга, лук, стрелы, искусно выполненные бронзовые украшения. А рядом с ними, под одной курганной насыпью, — «безинвентарное» захоронение двух взрослых людей и ребенка. Кто они? Рабы богатой семьи, умерщвленные насильственно, чтобы и там, в загробной жизни, служить своим господам? В том же кургане были погребены несколько лошадей. Они также нужны были богатому воинско-кочевнику, куда с такой пышностью его снарядили...

Мы рассказали лишь об одной категории археологических памятников — погребальных комплексах, но многие отдельные вещи, найденные на побережье Аргазии, также помогают проникнуть в тайны древности.

Есть несколько находок, которые позволяют судить о мировоззрении племен, живущих на берегах древнего Аргазии. О каменной скульптуре мы уже писали («Уральский следопыт» № 8, 1976 год).

Весьма интересна найденная нами на озере литейная форма. Литейные створки тесно примыкали друг к другу. Исследования показали, что эта форма была изготовлена около 2,5 тысячи лет назад, в раннем железном веке.

Эта находка вначале поставила нас в тупик: аналогий или хотя бы похожих вещей на Урале не было обнаружено ранее. По очертаниям форма напоминала одновременно и дерево и руку. Сделали пробные

слепки, и разгадали, что зашифровано в этой сильно стилизованной фигуре — рак! Стало ясно, что парные выступы по бокам каждой фигурки — до предела стилизованные клешни, нарезки в нижней части — членистое тело, выступы по бокам — ноги.

Древние изображения раков — редкость на Урале, известно лишь одно — на писаницах озера Большие Аллаки, которое также входит в Кыштымский озерный край. Видимо, рак, во множестве обитающий и до сих пор на южноуральских озерах, играл тогда особую магическую роль?..

На стоянке Березки VIII мы нашли миниатюрное изображение рыбы, украшенной волнистым орнаментом, типичным для посуды неолитического времени (6—5 тысяч лет назад).

Кроме скульптур были найдены на озере и древние наскальные рисунки. Ранее наскальные рисунки на Урале находили преимущественно на берегах рек. И вдруг находим их на озере Аргазии!..

На Аргазинской писанице ясно видно изображение двух людей, взявшихся за руки. Эта композиция отличается от всех известных ранее, кроме одной — большеаллакской. Стало быть, кроме территориального единства этих двух писаниц имеется и смысловое. Изображения людей на других уральских писаницах всегда показаны в композиционном единстве с животными, солярными знаками. Здесь же, в обоих случаях, изображены лишь мужчины и женщины. На других писаницах отражены культы, связанные с промыслом, с весенним обновлением природы. Здесь же фиксируется культ, связанный с общением людей между собой.

Отряды уральской археологической экспедиции продолжают раскопки стоянок древних людей, продолжают поиски следов, оставленных нашими далекими предками.

Четвертое измерение

Повесть

**ВАЛЕНТИН
НОВИКОВ**

Рисунки
Н. Павлова

1.

Сонька бежала среди белых дюн все дальше и дальше. Хотя там, дальше, было одно и то же — песок, скрипучий и вязкий, в иные часы издающий странные тоскливые крики.

Немногие в интернате, где жила Сонька, слышали крик пересох-

Валентин Афанасьевич Новиков — уралец, он родился в 1928 году в деревне Туманово Шадринского района Курганской области. По профессии — учитель. Русский язык и литературу преподавал и в одной из свердловских школ.

Валентин Афанасьевич автор книг «Лес зовет», «В городе дремлющих львов», фантастической повести «Путешествие «Геоса», приключенческой — «Ущелье белых духов».

Сейчас В. А. Новиков живет и работает в г. Рязани. В нашем журнале публикуется впервые.

шего песка. Немногие дети решались уходить далеко в дюны. Пугала неоглядность пустыни и скорпионы, пугали даже саксаулы, внезапно возникающие из песка медово-черными змеями...

День этот оказался обманчиво длинным. Сонька никогда еще не убегала так далеко. Уже солнце перешло зенит и клонилось к горизонту, а у нее не было сил повернуть назад — к привычной угловой комнате на первом этаже интерната, где стоит у окна ее кровать, а на тумбочке — яркие, но совершенно сухие незабудки пустыни. И — книги по математике.

Вот цифры и формулы ей не казались сухими. В них чудились ей и запах воды, и рождение ветви. Она верила, что математика может охватить все, а искомое число, словно кактус, — зацвести ночью.

Сонька остановилась и облизала потрескавшиеся пыльные губы. Светлые глаза ее под выгоревшими бровями тревожно проследили за яростно взрепевшим пустынным небом.

И тут она увидела самолет. Он скользил все ниже и ниже, почти касаясь дюн.

В следующее мгновение Сонька упала на песок и закрыла ладонями уши. Но рев внезапно оборвался. Потом раздался упругий удар.

Сонька медленно поднялась, забыв стереть с лица песок.

Невдалеке от нее, завалившись на дюне, лежал самолет, весь состоявший из одного треугольного крыла. Она такого никогда не видела.

Медленно загребая ногами песок, летчик в странном, с застегками на боку, костюме обошел самолет, потом снял шлем. Отсвечивали на солнце его белые виски.

Сонька продолжала стоять, глядя на него. Порыв горячего сухого ветра бросил волосы ей на глаза. Она медленно отвела их ладонью.

Летчик замер, увидев ее. Закрыл на мгновение глаза и тряхнул головой. Потом снова открыл глаза.

— Откуда ты, девочка? — спросил он.

— Я тут была, — ответила Сонька.

— Как то есть... в каком смысле?

— Да так... А вы упали?

У нее был низкий грудной голос.

Летчик смотрел на Соньку, забыв о своей машине.

Сонька подошла к самолету, коснулась его рукой.

— ...Авария?.. А если в четвертое измерение? Тогда будет все в порядке.

Она ткнула пальцем в песок и стремительно взбежала на дюну, там снова ткнула пальцем в песок и помчалась вниз, описывая вокруг самолета какую-то странную геометрическую фигуру.

— Ни в коем случае! — испуганно закричал летчик. — Это не авария. Это вертикальная посадка. Я летчик-испытатель. Ты слышишь, девочка? Мне не надо в четвертое измерение! Сейчас за мной прилетят!

Сонька остановилась и, глубоко дыша, подошла к нему.

— А может быть, у меня ничего бы и не получилось, — сказала она, стряхивая с ладоней песок. — Это трудно.

Летчик смотрел на нее с опаской.

— Я уже пробовала с нашим интернатским котом, но не вышло.

И вдруг летчик засмеялся. Сначала тихо, потом все громче. Он смеялся, а Сонька стояла рядом и серьезно смотрела на него.

— Значит, ты из интерната?

— Ну да.

— И с котом ничего не вышло?

— Нет.

— Хорош я, однако... Понимаешь, у тебя был такой вид, что я и вправду испугался — не пришелец ли ты из космоса.

— В четвертое измерение можно попасть, — убежденно сказала Сонька. — Но надо сильно захотеть, а вы не захотели.

— Ну, конечно. Мне ведь надо на базу.

Послышался грохот, и два вертолета вынырнули из-за дюн. Под их винтами завихрился песок. Из вертолетов вышли люди, осмотрели самолет и остались довольны. Потом самый старый из них с двумя большими звездами на погонах подошел к Соньке.

— А ты, голубушка, откуда? — спросил он.

Сонька показала рукой в сторону моря.

— Она только что собиралась отправить меня в четвертое измерение, — улыбнулся летчик.

— Когда-нибудь они доберутся до этого четвертого измерения. Ведь в конце концов и это случится. — Старик хмыкнул, словно мальчишка. — Ты, наверное, любишь математику?

Сонька кивнула в ответ.

— Вот-вот... — повернулся старик к летчику. — На мир они смотрят уже иначе, нежели мы.

Он достал из кармана конфетку и протянул Соньке. Потом обратился к одному из стоящих за ним людей:

— Алексеев, доставьте девочку в поселок. Ей самой до темноты не добраться.

— Слушаюсь, товарищ генерал! — ответил Алексеев.

Взрвели моторы, и тяжелая машина медленно поплыла вверх, скользя над дюнами, все выше и выше, пока вдали не блеснуло светлосерое море.

Сонька посмотрела на широкую спину Алексеева, на синее прямо перед ним пространство и подумала, что можно ведь просто вы-

честь притяжение земли и тогда, выключив моторы, беззвучно плыть над морем, как на лодке. Надо только суметь вычесть это притяжение.

2.

В интернате был переполох. Выяснилось, что накануне исчез куда-то Сонькин одноклассник Игорь Смородин. Воспитатели дознались, что прошлой ночью Смородин в интернате не ночевал. Не пришел он и сегодня к ужину.

Директор интерната и завуч были в отъезде. Педагоги выяснили у мальчишек, куда мог деться Смородин. Этот парень был сущим наказанием для интерната.

Когда Сонька пришла ужинать, в столовой уже почти никого не было. Дежурные собирали посуду. На нее никто не обратил внимания. И, поужинав, она побежала в библиотеку.

Говорили, что у старого библиотекаря нет никакого порядка. Каталога он не вел, книги были расставлены как попало, не было тематических подборок, а до верхних полок по шаткой деревянной лестнице он вообще не добирался. Но в библиотеке сидел с утра до позднего вечера и разговаривал с детьми.

Детям нравился старый библиотекарь. Им совсем не было дела до того, что в библиотеке царил беспорядок. Дети сами прекрасно находили то, чем интересовались. Зато библиотекарь знал, что за забором вырос необыкновенной величины лопух, а первоклассник Филька Горохов растаскивает мел, чтобы рисовать на стенах домов и на асфальтовых дорожках жирафов...

Едва вошла Сонька, он заговорил о Смородине.

Сонька стояла, слушала, прислонясь плечом к косяку открытой настежь двери. Смородина она понимала лучше всех.

— Как ты думаешь, куда все-таки он девался? — спросил библиотекарь.

— Это не имеет никакого значения, — Сонька не то улыбнулась, не то нет, может быть, просто свет из раскрытого окна так осветил ее губы.

— А если с ним что-нибудь случилось? Вдруг он... утонул?

— Что вы, он непотопляем. У него, — Сонька доверительно понизила голос, — в голове ветер.

Библиотекарь передвинул старомодные в железной оправе очки на большой морщинистый лоб и внимательно на нее поглядел.

А Сонька, уже забыв о разговоре, тащила лестницу в самый дальний угол, к полкам, где припрятала журнал «Вокруг света», чтобы еще раз прочитать «Алмаз величиной с отель

«Риц». Малопонятная эта повесть влекла ее тем, что открывала совершенно невероятную жизнь, неустойчивую и неоправданную, мир манящих ее абстракций и математических курьезов.

Смородин был оригинал. Он выменял у кого-то большие, не по росту, драные штаны с надписью «COWBOY» на заднем кармане. Интересовался старыми морскими картами и говорил, что самые богатые клады еще не найдены. Однажды в жаркий день он выпил холодной воды, и ему посчастливилось так удачно простудить горло, что голос его сразу посолиднел, стал с хрипотцой. Заволновался врач интерната, велел Игорю пройти курс УВЧ. Но Смородин не признавал прививок, лекарств и лечения. «Все это,— говорил он,— мура»,— подтягивал штаны и плевал в сторону.

Учился он плохо, но зато плевать умел на зависть всему интернату.

Когда какой-то несмышленный второклассник, восторженный его почитатель, спросил, откуда у Игоря берется столько слюны, тот дал ему половину куска своего личного сапожного вара и объяснил, что нужно этот вар усердно жевать.

Смородин не признавал интернатского распорядка, исчезал и появлялся, когда ему заблагорассудится.

3.

В окно директорского кабинета влетел небольшой мяч, упал на стол и, сбив пачку папирос с коробком спичек, закатился под книжный шкаф.

Директор, разговаривавший в это время с завучем, на полуслове умолк и подошел к окну.

— Кто бросил?— строго спросил он, перегнувшись через подоконник.

Сидевшая у стола завуч услышала донесшийся со двора шепелявый ответ:

— Я не бросал, Иван Антонович, он шам жалетел.

— Ишь ты, «шам»... Этак вы перебьете все окна.— Иван Антонович взял со стула указку, выкатил ею из-под шкафа мяч и, выбросив его в окно, продолжал прерванный разговор:

— Видите ли, Анна Петровна, мне тут пока еще не все ясно... Я считаю, надо повременить с исключением Смородина.

Завуч, полная пожилая женщина с властным лицом, досадливо повела плечами.

— Да что ж неясного, Иван Антонович? Второй раз убежал. А если с ним случится что... Мы — отвечаем.

Директор взглянул на нее со сдержанной укоризной.

— Ну, хорошо,— тяжело вздохнула Анна Петровна,— допустим, с ним ничего не случится— не утонет, не покалечится... В конце концов он разложит весь коллектив. Думаю, мы достаточно его терпели. Он сбежал от родителей, приехав сюда... А мы, вместо того, чтобы с милицией отправить беглеца обратно, приняли его в интернат...

— Родители-то разошлись. Мальчик не нужен никому. А мы с милицией...

— Я понимаю все это, Иван Антонович. Но...

— Просто так, Анна Петровна, дети от родителей не бегут.

Иван Антонович широкими шагами пересек кабинет. Был он высок и сутул. Пиджак с оттянутыми карманами висел на нем, как на вешалке.

— Я думаю повременить,— решительно закончил он.— Не все ясно в этой истории.

После уроков директор неожиданно появился в 6 «Б». Дети уже убежали, под партами валялись скомканные промокашки, вырванные тетрадные листы.

Молодая учительница заполняла классный журнал, сидела, отдыхая после урока, свободно вытянув под столом длинные загорелые ноги.

При появлении директора она резко выпрямилась, на лице ее появилось напряженное выражение.

— Я с вами о Смородине хочу поговорить, Эмма Ефимовна.

Директор сел за первую парту, снял очки и, вращая их за дужку в длинных пальцах, продолжал:

— Вы как классный руководитель знаете его лучше...

— Я его совсем не знаю, Иван Антонович. Не знаю и не понимаю. Неуравновешенный, вспыльчивый...

Директор перестал вращать очки.

— Считаете ли вы, что его следует убрать из интерната?

Эмма Ефимовна едва заметно покраснела от этого неожиданного вопроса.

— Видите ли, Иван Антонович, я давно присматриваюсь к Игорю... Какого-то дурного в истинном значении этого слова влияния его на мой класс я не заметила.— Теперь лицо молодой учительницы побледнело, ярко-синие глаза смотрели решительно и спокойно.— Игорь ожесточен, груб, но мне кажется, от своего характера страдает только он сам. Я до сих пор не знаю, почему он убежал из дому, приехал сюда. Игорь, вы сами знаете, неразговорчив...

— Да, мальчика, который растет вне семьи, понять трудно.

— Девочку, я думаю,— не легче.

— Вы говорите о Соне Боткиной?

— Я говорю об одиночестве. Соня — девочка скрытная и тоже не очень понятная.

— Но мы об Игоре... — нахмурился Иван Антонович.

Все в интернате знали о привязанности директора к Соне Боткиной. Девочку педагоги считали избалованной, своевольной и взбалмошной. Эмма Ефимовна явно хотела подчеркнуть, что Игорь Смородин доставляет ей хлопот не больше, чем любимица директора Соня Боткина.

Иван Антонович некоторое время внимательно смотрел на молодую учительницу.

— Мне тоже кажется, что дурного влияния на класс он не оказывает. — Уголки его сухих губ тронула едва заметная усмешка. — Напротив, убери его из класса, и не будет хватать какого-то неорганизованного начала.

Эмма Ефимовна не поняла, в шутку ли он сказал это или всерьез.

Иван Антонович высвободил из-под маленькой парты свои ноги, надел очки и вышел из класса.

Эмма Ефимовна догадалась, что он обиделся на нее за Соню. Девочка, шесть лет назад потерявшая родителей, стала для него дочерью, хотя жила она, как и все воспитанники интерната, не пользуясь никакими особыми привилегиями. Иван Антонович никак не выделял ее из общей массы детей. Даже купив ей шапочку или кофточку, он говорил, что, мол, это прислали шефы. И виделся он с Соней не чаще, чем с другими воспитанниками интерната.

4.

Интернат на окраине поселка. А сам поселок, выросший в пустыне всего десять лет назад одновременно с вышками нефтепромыслов, невелик. Новые двухэтажные дома из белого известняка в центре, а по окраинам такие же белые одноэтажные домики, окруженные заборами, с ветряками на огородах.

Ветряки тут неотъемлемая часть пейзажа — они видны отовсюду: с моря и из пустыни. Движимые влажным порывистым ветром с моря или ровными жаркими ветрами пустыни, безостановочно качают они воду из глубоких колодцев.

В пяти километрах райцентр. Там бухта, порт, судоремонтный и рыбоконсервный заводы. Там старая — в старом деревянном доме — школа-восьмилетка. А средняя школа в поселке, в новом здании при интернате. Старшеклассники ездят на занятия автобусом. Дорога от райцентра до рабочего поселка петляет вдоль пустынных дюн на берегу моря. Автобусная остановка

против ворот школы-интерната называется «по требованию».

Желтая песчаная дорожка ведет к учебному корпусу. А справа и слева интернатский сад, густой, тенистый. Березы и пирамидальные тополя окружены плотным кольцом ветвистого карагача — эти заросли защищают молодой фруктовый сад от сухих ветров и морозов. Над газонами постоянно висит светлое кружево тонких водяных струй от дождевальных установок. Возле учебного корпуса небольшой стадион.

В глубине тихих аллей повсюду скамеечки; на них тут и там сидят мальчишки и девчонки, читают книги или разговаривают. А в самом центре живой уголок и пасека — несколько ульев в тени берез.

Почти все сделано за десять лет самими детьми. Дети отвоевали у пустыни восемь гектаров ее извечных владений. Ребятам помогали шефы — военные летчики. Механики с ближайшего аэродрома оборудовали систему дождевальных установок. После этого уже не надо было таскать тяжелые лейки. Включишь рубильник, и на солнце среди горячих ветвей, над газонами и грядками вспыхивает водяная пыль.

На воротах интерната и на окрестных заборах, а чаще всего на углах зданий нарисованы треугольники, лестницы, разных форм кубики и жирафы. Все это рисунки первоклассника Фили Горохова. Филя особенный художник. С разных сторон его рисунки кажутся разными, двоятся. Иногда возле интерната останавливаются машины, которые везут трубы для газопровода, и Филя рисует на трубах — и тогда его рисунки кажутся объемными. Филя уже учится в художественной студии при интернате, и учитель говорит, что у него удивительное чувство пространства и перспективы. Но за рисунки на стенах его ругают.

Время от времени к воротам школы-интерната подкатывают насквозь пропыленные автомашины геологов — это родители приезжают навестить своих ребятишек. В пустыню автомашины возвращаются уже с пестрыми жирафами на бортах.

По воскресеньям все ребята уезжают к родителям.

В интернате остаются Сонька и Игорь Смородин. Часто Сонька убегает на пустынный берег моря. Там заворачивает ее даль. С детства привыкла она к свободе моря и неба.

Сидя на прибрежном песке, мысленно строила Сонька замысловатые геометрические фигуры из линии горизонта, солнечных лучей, падающих сквозь тучи, белых дорожек, оставленных в стратосфере сверхзвуковыми самолетами. Она словно открыла что-то в самой себе после осторожного рассказа нового учителя

математики о загадочном четвертом измерении. Ей вдруг будто тесно стало в привычном трехмерном мире...

После уроков Сонька разглядывала на стене учебного корпуса новые рисунки Фили Горохова и не заметила широко шагавшего через стадион директора интерната.

Поравнявшись с ней, он остановился и тоже стал рассматривать рисунки.

Сонька увидела на земле рядом со своей еще одну человеческую тень и резко обернулась.

— Это, оказывается, ваша тень, Иван Антонович. Я сразу не узнала.

— А она у меня, собственно, ничем не примечательна. Твоя, кстати, тоже... Мне, Соня, привезли банку земляничного варенья из Брянска. Зашла бы попробовать...

— А земляника—это вроде орехов, Иван Антонович? Растет на деревьях?

Директор насмешливо покосился на Соньку. Едва ли она не знает, что такое земляника.

— Ты не знаешь, куда убежал Игорь?

— Нет.

Директор и не рассчитывал, что Сонька ему что-то выложит, тем более выдаст своего приятеля, но надеялся по тем интонациям, которые обычно трудно упрятать, когда врешь, выяснить, известно ли ей, где скрывается беглец. Однако Сонька, видимо, уж поняла, что ее подлавливают на слове.

— А как ты думаешь, куда он мог сбежать? Ты же знаешь его лучше, чем я или Эмма Ефимовна.

— Не знаю. Наверно, уплыл...

— Думаешь, уплыл зайцем на теплоходе?

Сонька рассмеялась, подняла открытую ладонь.

— Нет, он натянул парус и на рассвете уплыл... в жаркие страны...

Директор резким движением снял очки и, наморщив лоб, заглянул в глаза Соньке.

— Что это, позволь спросить, за жаркие страны?

— Ну, жарко там. Можно в песке печь страусовые яйца.

Ничто не ускользнуло от внимательных выцветших глаз директора. Он стоял перед Сонькой, высокий, немного сутулый и чуть покачивался на каблуках.

— Понимаешь,—сказал он,—пора бы ему быть здесь, но его нет... Где он застрял? Может быть, съездить в порт поискать его?

— Я сейчас,—схватила Сонька.

— Да постой ты, у тебя же и денег нет на автобус.—Иван Антонович охлопал карманы, достал какую-то мелочь и высыпал на Сонькину ладонь.—Может, пить захочешь или мороженого...

В порт Сонька приехала на попутной грузовой машине.

Игоря и его дружков-пиратов разыскала за пристанской столовой. Укрывшись в лопухах, они играли в карты. Все грязные, косматые, один с перевязанным глазом. И среди них — Игорь, такой же неухоженный и косматый.

Увидев Соньку, Игорь встал, подошел к ней: — Че?..

Они шли по глухой улице. У заборов в пыли нежились куры.

— Вернись, тебя ищут, — сказала Сонька. — С ног сбились. Меня за тобой послали. И чего ты убежал? Посмотри на себя, какой грязный.

Игорь попытался пригладить свои космы. Перехватив насмешливый взгляд Соньки, с силой пнул подвернувшуюся под ногу консервную банку. Спавшая в тени возле забора собака вскочила и залилась хриплым давящимся лаем.

— Пшла вон! — Игорь поискал глазами камень, вытер рукавом нос. — Кто тебя послал за мной?

— Иван Антонович.

— Житья не дают. — Игорь снова пнул банку. И снова за забором истошно залаяла собака. — Ну, не хочу я учиться. Понимаешь, не хочу! — Он тоскливо огляделся по сторонам.

— Не хочешь... А что ты хочешь?

— Уехать. Махну вот на Таймыр.

— На Таймы-ыр? С кем? Со своими сопляками? Где ты денег-то возьмешь на дорогу?

— Да есть тут один человек. Зовет на Таймыр. А деньги, говорит, добудем.

Сонька остановилась. Игорь сделал еще шаг и тоже остановился, повернулся к ней.

— Какой человек?

— Да тут один... Ушастым зовут. Недавно тут.

— Я знаю... И не недавно. Это вор — Ушастый. Год назад его на базаре поймали с краденными часами. Вернулся, значит... И ты, дурак, собираешься с ним...

— Никакой он не вор, Сонька. Ищет дело по душе. Честным трудом живет человек.

— Где же он работает?

— Пока нигде. Я же сказал — дело по душе ищет. Он тоже говорит, что школа — это мура.

— Интересно, а деньги где возьмете?

— Ушастый говорит, будем по базарным дням за валюту караулить лодки у приезжих. Так и сколотим капитал на дорогу.

— Дурак. Пропьет он эти деньги, и все.

— А вот это видела! — вдруг хвастливо сказал Игорь, достал из кармана несколько новеньких рублевки и похрустел ими перед носом Соньки.

И вдруг открытые Сонькины глаза сузились, на лице появилось брезгливое выражение.

— Ты же в жаркие страны хотел...

Она повернулась и пошла прочь. Она шла к морю, не оглядываясь, словно Игоря и не было.

Он постоял немного и бросился за ней следом. Догнал ее уже в дюнах.

— Сонька, стой... Ну что ты так уходишь?

— Да ну тебя.

Самым страшным в голосе Соньки было равнодушие. Она сама пришла сюда, и теперь уходила без оглядки, без сожаления. И не казалась подавленной или раздосадованной, шла легкой своей походкой, смотрела, как вместе с глухим громом реактивного двигателя приближается со стороны моря белая стрела. Самолет был воздушно-легок и отсюда, с земной тверди, казался необычайно хрупким.

Может быть, она и еще что-то сказала, но Игорь ничего не расслышал за сотрясающим небом и морем громом. Откуда-то из глубин неба возвращалась к себе домой белая стрела.

А Сонька уже думала о том летчике, который поверил в четвертое измерение. Нереальной, придуманной показалась ей эта встреча. И сам летчик был необыкновенный...

Сонька ушла.

Игорь долго стоял среди белых дюн. После могучего грома стрелы воцарилась такая тишина, будто ничего на земле не было, кроме этого безмолвного песка, неподвижности и одиночества.

Игорь сорвался с места и побежал вслед за Сонькой.

5.

На классной доске была начерчена мелом окружность с обозначенным центром, а в стороне от нее — точка. Обыкновенная точка. Но математик, ставя ее, долго и старательно крутил кусочек мела, чтобы получилось заметнее.

— В центре окружности, как видите, — сказал он, — одна точка, а за пределами окружности — вторая точка. Попробуйте-ка соединить эти две точки прямой линией, не пересекая окружности.

Математик внимательно осматривал класс. Одни ребята открыто и весело смеялись над задачей, другие явно думали над какой-то чисто семантической разгадкой. Но никто не принимал задачи всерьез. Слишком уж очевидна была ее нелепость. Действительно, как можно было не пересечь замкнутой окружности при соединении точек внутри и вне ее?

Математик был молодой, носатый, в моздких очках. Его добыл где-то сам директор. Вроде бы ездил за ним в город и перемазил из городской школы. Математику свою он объяснял ребятам всюду: в коридоре, во дворе, в столовой. Никогда никого не пугал, что это

ответственный и сложный предмет. И с тех пор, как он пришел, математика стала нестрашной, за исключением контрольных...

Первым поднял руку отличник Синий.

— Ну-ка, ну-ка...— Математик снял очки и подслеповато поморгал.

Синий всегда был первым. И сейчас он не мог допустить, чтобы кто-то опередил его с ответом.

— Это называется абсурд или нелепость,— уверенно, с достоинством сказал Синий.

— Че-е? — загудел весь класс.

— Ничего, ничего,— успокоил ребят математик.— Похвально,— улыбнулся он Синему,— что ты знаешь такие слова, но не надо никогда с ними спешить. Особенно в математике.

И тут обычно рассеянный учитель заметил, что в классе сидит Игорь Смородин.

— Ну, Игорь, раз уж ты появился,— обратился к нему математик,— скажи, что ты думаешь.

Игорь встал и ухмыльнулся.

— Очень даже просто,— сказал он,— надо сперва начертить прямую, а потом круг. Вот и получится, что мы соединим две точки прямой, не пересекая круга, потому что круг уже потом пересечет прямую.

— Во-первых, не круг, а окружность,— поправил математик.— Во-вторых, это уловка, а не решение задачи. Такой ответ к математике не имеет никакого отношения, но свидетельствует об известной изобретательности и изворотливости твоего ума... Как бы там ни было, я рад, что ты попытался решить задачу.

С разных сторон закричали:

— Задачу нельзя решить!

— Такого не может быть!

В это время Сонька, не обращая никакого внимания на поднявшийся в классе шум, смотрела на окружность, и вдруг ей показалось, что доска — это черная пуста, а в пустоте висит белое кольцо. И где-то далеко за ним, но точно в центре — маленькая точка. Теперь она могла провести прямую к центру. Так же легко она бросила бы камень или просунула палку сквозь висящее кольцо. Просто никто в классе не подумал о третьем измерении. Из третьего измерения можно было без труда пройти к центру окружности, войти в нее и выйти. Тут в голове Соньки мелькнула смутная догадка, и она подняла руку.

Математик ждал ее ответа. Но то, что она сказала, его ошеломило.

— Нет, я ничего не хочу сказать. Я хочу спросить... Если из третьего измерения можно войти в окружность, не пересекая ее границы, то из четвертого так же запросто можно войти в шар?

Математик торопливо достал из кармана платок и вытер вспотевший лоб. Затем, забыв,

что перед ним шестиклассники, пустился в объяснения:

— По-видимому, это именно так. Но, к сожалению, мы еще и третье измерение не освоили как следует. На плоскости, то есть в пределах первого и второго измерений, мы улавливаем все, каждую мелочь, малейшую подробность без всякого напряжения. Панорама же требует от наших глаз дополнительных усилий, и тогда мы видим мир объемным. Но интуиции на пространственное расположение фигур у человека еще не выработалось. А великий математик Гельмгольц говорил: «Геометрия — это интуиция... Вообразить геометрические отношения интуитивно — это значит выразить те следствия, которые встретятся в мире, где эти отношения имеют силу...» — Он умолк, потому что класс его не слушал. Только Сонька пристально смотрела на него, наморщив лоб от напряжения. И едва он умолк, как она снова подняла руку.

— А почему известно, что четвертое измерение есть? — спросила она.

— Сложный вопрос... — Математик снова вытер платком лоб. — Эйнштейн говорил: «Оторопь берет, когда пытаешься все это вообразить». Однако кое-что привести в доказательство существования четвертого измерения можно... Например, парадоксы многомерности... Но об этом мы поговорим когда-нибудь позже. Значительно позже...

Как только прозвенел звонок, в классе поднялся шум. Председатель совета отряда Володя Татищев спросил:

— Кто принес щетки?

Все разом так загалдели, что нельзя было ничего разобрать.

Прошедшего урока как не бывало. Говорили только о предстоящей побелке, стараясь перекричать друг друга.

В класс вошел второгодник Бульонов, или, как его звали, Толстый Буль, его посылали в город за известью.

— Привез? — спросил у него Татищев.

— Сегодня там санитарный день,— у Буля был ломающийся бас.

— Что врешь?

— Поезжай проверь! — огрызнулся Буль.

— Мешок не хотел таскать? Да? Тебе же дали общественное поручение, и ты должен был достать известьку.

— Что я ее... произвожу? И что вы ко мне пристали? Сказано — хозяйственный магазин закрыт.

— Он врёт,— сказал Игорь Смородин.

Буль быстро и будто бы беззлобно посмотрел на него. Но все знали Буля и настороженно умолкли.

— Он врёт,— повторил Игорь.— Утром я видел — хозяйственный открыт.

— Ничего ты не видел,— с улыбкой ответил Буль.

Глаза Игоря потемнели. Ничего не сказав более, он пошел к Булю, на ходу наматывая на кулак обрывок узкого ремня.

Буль ждал его спокойно, он был на три года старше Игоря и вдвое сильнее. В шестом Буль сидел уже второй год, и класс считал его чужаком. С Игорем дрался он не впервые, и каждый раз получалось так, что лез Игорь.

Сонька знала, что Буля ненавидели все мальчиши в интернате. Учителя же считали Буля туповатым, но тихим и скромным мальчиком. Должно быть, со стороны так оно и выглядело.

Игорь подошел вплотную к Булю. Тот прищурился и чуть отклонился назад.

Игорь резко размахнулся, но его обмотанный ремнем кулак задел глобус на столе учителя. Глобус упал на пол. Пластмассовая подставка разлетелась вдребезги.

И в это время в класс вошла Эмма Ефимовна.

— Что это такое?— строго спросила она.

Ребята расступились. У стола остались Буль и Игорь.

Буль опомнился первым.

— Вот он разбил,— Буль показал на Смородина.

— Не успел прийти и опять...— Учительница увидела, что кулак Игоря туго обмотан ремнем.— Пойдем-ка в учительскую.

Сонька хотела сказать, что Игорь вовсе не виноват, но ведь глобус разбил действительно он... Как-то все это было и так, и не так.

В коридоре Игорь стянул ремень с побелевшего кулака и шел впереди учительницы, угрюмо глядя вниз. Вихры на его затылке торчали, как иголки. Длинные ковбойские штаны шаркали по ковровой дорожке.

В учительской собрались почти все учителя.

— Опять что-то натворил?— спросила завуч.

— Драку затеял в классе. Разбил глобус.

Про ремень Эмма Ефимовна ничего не сказала. И вообще, похоже было, сожалела, что привела Игоря в учительскую. Она стояла рядом с ним, высокая, длинноногая, и можно было подумать, что провинилась она сама.

— А любопытно узнать, с кем подрался?— подошел к ним математик Вениамин Анатольевич.

— С Бульоновым.

— А почему вы, собственно говоря, привели его одного?

— Бульонов тихий ученик,— заметила завуч.— Я, например, еще не сделала в этом году ему ни одного замечания.

— Я тоже.— Математик неловким жестом поправил очки.— Собственно, он не дает для этого повода. Но...

В учительскую вошел директор.

— В чем дело?— хмуро спросил он, увидев Игоря Смородина.

— Подрался,— виновато ответила Эмма Ефимовна.

— Подрался с Бульоновым, Иван Антонович,— уточнил математик.

— Когда же ты успел?— усмехнулся директор.— И где пропадал три дня?

— Разве он скажет,— раздраженно заметила Анна Петровна.

— Я спрашиваю у тебя— где был три дня?!

Игорь ответил хмуро, исподлобья оглядев всех учителей:

— Где был, там нету!

— Это что за тон?— Щеки Анны Петровны покрылись летучими пунцовыми пятнами.

Директор резким движением снял очки:

— Объясни в таком случае, зачем ты сюда приехал?

— А че...— Игорь посмотрел директору прямо в глаза.

Устало ссутулившись, директор направился в свой кабинет. В дверях обернулся:

— В конце концов выбирай что-нибудь одно: интернат или...

6.

В интернатской столовой девочки помогали повару готовить обед. Сонька машинально крутила овощерезку и смотрела в окно.

На густо-синей плоскости моря, как будто спустившись с утреннего неба, возник трехмачтовый парусный корабль. Это возвращалась в порт рыболовная шхуна. Белым, похожим на дым, светом наполнены были ее паруса. И нельзя было отвести глаз от этого белого корабля на ярко-синем море.

В столовую, засунув руки глубоко в карманы, вошел чумазый первоклассник Филя Горохов. Сгреб горсть нарезанной Сонькой капусты и набил себе рот.

Сонька схватила его за пальцы.

— Ну-ка, мой быстренько руки! Посмотри, какие они у тебя.

Филя осмотрел свои руки и сказал:

— Химические. Я рисовал химическим карандашом. Они от меня спрятали в шкаф все краски и цветные карандаши, сказали— мне одному надо красок больше, чем всему интернату. А у жирафа и на шее, и на спине столько пятен! Их надо закрасить, иначе какой толк, правда? Если бы мне достать фанеру, которую

вчера привезли и закрыли на замок в складе, и краски.

— Рисуют не на фанере, а на холсте. Вот погоди, я тебе обязательно достану краски...

— Достань, Соня. А в склад я залезу в окно. Я знаю, где стоит лестница. И нарисую жирафа на целом листе.

Сонька присела перед Филей на корточки, но в это время ее позвали:

— Сонька, к директору!

Сонька сняла передник и вприпрыжку побежала из столовой.

В коридоре у окна остановилась, глядя на море.

К ней подошел Рыжик, ее одноклассник, щуплый мальчик с огромными серыми глазами. Он был необыкновенно любопытен, но постоянно все путал, и многие считали, что нельзя верить ни одному его слову.

— Что там?—спросил он, увидев, что Сонька смотрит в окно.

— Шхуна. Видишь, идет в порт. Красиво как, правда?

— Они ловили кильку, я знаю.

— Ты всегда все знаешь... Они были далеко. И сейчас возвращаются. Они везут что-то такое... Это точно. Видишь, какое синее море?

— Ну и что?

— Ох и дурной же ты. В море есть блуждающие острова...

— Какие?

По коридору разнесся крик:

— Сонька!

— Бегу!—Сонька бросилась со всех ног по коридору.

В кабинете директора сидели Эмма Ефимовна и старшая пионервожатая.

— Вы говорите, он ушел сразу после уроков?—спросил директор.

— Ушел с собрания совета отряда. Мы думали обсудить его поведение...—сказала старшая пионервожатая.

— Н-да...

— Его невозможно ничем увлечь,—продолжала старшая пионервожатая.—Он просто ни на что не откликается. Все идут за саженцами, а он подтягивает штаны, плюет и отправляется, куда ему вздумается. И класс никак на него не влияет...

Вошла Сонька, и разговор оборвался. Однако последние слова Сонька слышала и, войдя, посмотрела на старшую пионервожатую.

— Речь идет об исключении Игоря Смородина из интерната,—сразу пояснил директор.—И тебя, Соня, позвали на этот разговор... Поскольку ты знаешь Игоря лучше, чем кто бы то ни был...

— Я его очень плохо знаю,—ответила Сонька.

Директор, казалось, пропустил ее слова мимо ушей.

— Вначале, судя по его замкнутому характеру, я думал, что он крепкий орешек, а он, оказывается, просто безвольный мальчик, легко поддающийся под чужое влияние.

— У него как раз железная воля,—сказала Сонька.

— Интересно, в чем же проявляется его железная воля?—спросила старшая пионервожатая.

— Он через щеку протягивает иголку с ниткой.

— О, господи...—Эмма Ефимовна приложила ладони к вискам.

Стало ясно, что на откровенный разговор Сонька не пойдет, что она сразу же, с первой минуты разгадала их педагогические хитрости и замкнулась, всем своим видом выражая нежелание продолжать этот разговор.

— Вот что, Соня...—директор снял очки и, протирая их, устало моргал.—Нас очень беспокоит, с кем он знается. Есть сведения, что он связался с неким Ушастым. Это верно?

Сонька промолчала.

— Так вот, немедленно отправляйся в порт и разыщи Игоря. Надеюсь, ты понимаешь, зачем?

7.

В порту Сонька не нашла Игоря. Она обошла портовые склады, миновала старые деревянные причалы для лодок и вышла к песчаной косе, вдававшейся далеко в море.

Плотный песок был горяч, а с моря веяло свежестью.

Море сверкало в этот час непривычным желтоватым блеском.

Сонька пошла по песку в море, в его открытую даль, в его дикие запахи. Она забыла, зачем сюда пришла. Мысли, что минуту назад казались важными, здесь, в окружении дышащей и дурманящей воды, обратились в мимолетность.

Внезапно Сонька увидела на оконечности косы человека. Он шел навстречу ей, держа в руке продолговатый плоский ящичек.

Сонька узнавала его постепенно по мере приближения к нему. Сначала ей лишь почудилось что-то знакомое в облике этого человека, затем появилось чувство уверенности. И все же, приблизившись к нему, она в первое мгновение его не узнала. Он был в форме военного летчика и насколько не походил на того странного человека, столь внезапно возникшего перед ней из пустого неба на своем причудливом самолете.

Но и сейчас их встреча получилась необычной.

Они шли по ослепительно-белому песку.

Сонька все поглядывала на плоский ящичек из светлого полированного дерева с блестящими винтиками и застежками, который держал в руке летчик. Этот ящичек заинтересовал ее с первой же минуты. Сонька вспомнила, что где-то уже видела такой. Но где? Может быть, в кино?..

— Как же тебя все-таки зовут? — спросил летчик. — Тогда мы не успели познакомиться.

— Софья. Только так меня никто не зовет...

— Разумеется, зачем же так торжественно? — улыбнулся летчик. — А меня зовут — Федор Степанович. Если же искать, спрашивать меня будешь, то я — подполковник Исаев.

— Дайте я понесу ваш ящичек, Федор Степанович, — попросила Сонька.

— Пожалуйста. Только мы сейчас немного укоротим ремешок. Ну вот... Все равно немножко великоват.

— Что в нем? — спросила Сонька.

— Краски.

Летчик взял из рук ее ящичек, опустил на песок и открыл его.

В одной половинке ящичка лежали кисти, краски, какие-то бутылочки, а в другой сверху рисунок карандашом — ящерица бежала и на бегу оглянулась... В движении была лапка с крохотными пальчиками, напряженно жгутиком вытянут хвостик...

Сонька осторожно приподняла рисунок. Под ним лежало маленькое полотно — совершенно пустое.

— Хотел нарисовать море, — сказал Исаев, — но сегодня даже начать не смог. Я уже извел несколько полотен... Понимаешь, море никогда не бывает пустым, оно полно беспокойства или покоя, движения и света или холода и мрака. Да и пустота неба — это не совсем пустота. Там есть опора крылу, облака плывут в нем, как медузы, и большую часть жизни в нем проводят птицы.

Он замолчал и посмотрел на Соньку — поняла ли она его?

Она подняла голову — воздушно светлы были ее глаза.

— Может быть, ты любишь рисовать? — вдруг спросил он.

— Не-ет, у меня никаких талантов. Вот Филька из первого класса везде рисует жирафов. Даже на хлебном фургоне и на молоковозке. Он хочет нарисовать жирафа во всю стену.

— Почему непременно во всю стену?

— Потому что у жирафа длинная шея. — Сонька почувствовала, что летчик улыбается. — Вот увидите, Филька будет художником.

— Увижу... А ты кем думаешь стать?

— Мне нравится, — она запнулась, припоминая, — нравится воображать геометрические соотношения.

Федор Степанович догадался, о чем она думает, и отнесся к этому серьезно.

— Может быть, я немножко смогу тебе помочь, — сказал он. — Я ведь живу в трехмерном мире. Мои чувства — мое зрение, слух, осязание — приспособлены к высоте. Я привык воспринимать мир не совсем так, как все остальные люди, которым приходится перемещаться лишь в пределах двух измерений. Такова уж особенность моей профессии. Однако даже я не могу сказать, что мне одинаково близки и понятны все три пространственные координаты — длина, ширина и высота. Хотя иногда я воспринимаю окружающую трехмерность как-то необычно, смотрю на мир так, как мы смотрим на пол — сверху вниз, но не в мизерных масштабах, а охватывая все. Я понимаю, мне не достает интуиции, пространственного воображения, и все же чувствую многомерность... Очевидно, человек открывает новое, когда тому приходит час.

Он умолк и с досадой добавил:

— Видно, все это я говорю не так, как надо бы. Слишком по-взрослому... У меня, понимаешь, нет детей. Не приучен к популярному изложению.

Соньке стало грустно, что у летчика нет ребяташек, что ему не к кому возвращаться со своего неба.

Они свернули на тихую улицу, сбегавшую в море; справа и слева зеленели молодые сады, среди деревьев медленно вращались тяжелые лопасти ветряков.

Возле одного из домов летчик остановился.

— Ну вот, Соня, мой дом...

Сонька с удивлением оглядела небольшой дом из белого известняка. Вокруг не росло ни травинки, все поражало запустением.

— Ваш дом? — переспросила Сонька и, сняв с плеча ремешок, протянула летчику ящичек. — Ну, я пошла. До свидания.

— До свидания, Соня...

Ее поразила горечь, прозвучавшая в его голосе.

Она остановилась.

Странно было видеть этого большого сильного человека таким растерянным.

— Мне не нравится ваш дом, Федор Степанович, — сказала она.

— Он просто заброшен, Соня.

Сонька тронула болтавшуюся на одной петле калитку — раздался унылый тягучий скрип. Прошла через пустой двор. Посреди заброшенного огорода стоял ветряк. Лопастей его, как видно, давно не отзывались на порывы ветра.

— Не крутится, стоит, как немой укор, — сказал летчик.

Сонька обернулась.

— А почему?

— Я все время на аэродроме. Здесь бываю редко, в немногие свободные дни. Да и то не сижу дома, а хожу с этюдником к морю.

— Зачем же тогда вам дом? — вырвалось у Соньки.

— Видишь ли... — летчик достал из кармана ключ, открыл дверь. — Видишь ли, моя жена...

Сонька вошла за ним. В гулких комнатах на полу, на столах и стульях лежала серая пыль.

— Это был наш дом, — продолжал летчик, — а теперь в нем скоро поселятся летучие мыши.

— Давно умерла ваша жена, Федор Степанович?

Сонька внимательно осматривала дом, полный любопытных для нее подробностей. На диване увидела большую куклу. Взяла ее, попробовала сдуть с нее пыль. На тумбочке под зеркалом нашла расческу и начала расчесывать кукле ярко-желтые волосы.

— Давно ваша жена умерла? — снова спросила Сонька.

— Она не умерла, — как бы издалека ответил летчик. — Она уехала. Это ее дом. Вернее, дом ее покойного отца. Десять лет назад я встретил ее здесь, на берегу моря... — Он умолк. Сонька, не оборачиваясь, занималась куклой. Слышно было, как он четкими своими шагами пересек комнату. — Встретил я ее на берегу моря, — повторил он. — Она чистила песком закопченную кастрюлю. Знаешь, как трудно снимается нагар... Она приехала к отцу на каникулы. Она была студентка...

Сонька положила куклу на диван и повернулась к нему. Она ни о чем более не спрашивала, но глаза ее и ее губы были полны острого детского недоумения.

— Ветряк поставил ее отец, — продолжал летчик. — Он славный был старик. Хотел вырастить сад. Но ветряк с самого начала работал плохо. Воды едва хватало...

— Почему уехала ваша жена? — оборвала его Сонька прямым вопросом.

— Понимаешь, Соня, ей хотелось ребенка. Иные люди смиряются с тем, что они бездетны. А она — нет. Я постоянно был на аэродроме. Случалось, по целому месяцу не бывал дома. А приезжая, только и слышал: «Если бы у меня была девочка, я не чувствовала бы себя такой одинокой». Но этот дом не принес ей ничего, кроме одиночества и... страха. Вечного страха за меня. Страх, что я не вернусь домой... Она знала, как опасна моя работа. Однажды, помню, она показала мне на ветряк и сказала: «Это все оттого, что он не крутится». Понимаешь, суший вздор... Я не придавал значения ее словам. Действительно, при чем тут ветряк. Но бывает так, что человек уверен в чем-то совершенно несуразном. Уверен, неизвестно почему. И разуверить его нельзя. Шли годы. И вот однажды,

вернувшись с аэродрома, я увидел на столе записку.— Он выдвинул ящик книжного шкафа и подал Соньке сложенную вчетверо бумажку.

Сонька осторожно развернула ее, прочла:

«Федя! Я устала бояться за тебя. У меня нет более мужества оставаться в этом доме. Бегу от своего страха.

Марина».

— Куда же она уехала? — спросила Сонька, возвращая ему листок.

— На север... А дом пустой. Только калитка скрипит на ветру.

— Вы скучаете по Марине?

Их глаза встретились. Это были глаза равных людей, одинаково понимающих боль утраты.

Летчик достал из книжного шкафа акварельный рисунок. На берегу моря стояла одинокая женщина; ветер гнал куда-то в закат, в уходящий день ее волосы, огромные, как костер.

— Уже поздно, Соңя. Идем, я провожу тебя,— сказал летчик, запер дверь и сунул ключ под крыльцо.— Приходи сюда, если захочешь. Ключ всегда будет здесь.

Они шли по берегу темно-синего моря. От дюн тянулись косые тени. Им не было конца. Они пересекали дорогу и устремлялись в пустыню. Солнце еще катилось по краю моря, но уже растворялось в нем, как краска. Горело море, горели облака, и казалось, даже воздух был огненно-синим. Остывающие дюны, точно живые существа, дышали сухим жаром.

Сонька остановилась, глядя в неистовое пекло красок. Не часто на закате царил такой хаос застывших молний.

Летчик взглянул на часы.

— Идем, Соңя. Мы и так прозевали последний автобус. Поздно придешь в интернат — оставят без ужина.

— Если бы! Приду — сразу: «Ах, тебе разогревай, ах, тебе персональный ужин» И следят. Попробуй не съесть. Сразу: «Скажу Ивану Антоновичу...»

— Но ведь и родители тоже так, правда?

Сонька пожала плечами.

— Не знаю... У меня нет родителей.

Летчик вздрогнул.

— Как нет?

— Очень просто. Оба были в море, шхуна наскочила на старую немецкую мину. Восемь лет назад. Я их слабо помню даже...

Дорога приблизилась к берегу. Исаев остановился у обрыва и снял фуражку. Ветер чуть шевелил его седеющие волосы.

Сюда, наверно, в тишину пустыни, долетал мерный шорох темной воды. Едва различимы в ней были красные и голубые струи, но закат уже смешивал краски, примирял волны и скалы, зной пустыни и свежесть моря.

Беззвучно кануло в пучину солнце, стали

обугливаться облака. А воздух был синим и красным.

Наконец стало совсем темно, но дорога еще была отчетливо видна. Справа высились черные скалы, похожие на столбы, а за ними — ночь.

На черном мысе мигал далекий красный маяк.

— И у тебя ни бабушки, ни дедушки?

— Никого. Они погибли в Ленинграде во время войны.

Исаев проводил ее до ворот интерната.

Сонька долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся в темноте, потом подняла руку, помахала неуверенно.

На другой день Игорь пришел с фонарем под глазом, с разбитыми губами...

Анна Петровна вошла, как обычно, одновременно со звонком. В журнале у нее была закладочка, и учительница не листала его, как Вениамин Анатольевич, а сразу открывала в нужном месте.

Уроки Анна Петровна вела по уплотненной программе. Она не выясняла, кого нет в классе, не отыскивала клеточку, где поставить «н/б». На столе у нее лежала бумажка с рапортом дежурных.

Спрашивала она тоже не так, как другие учителя: урок у нее отвечало сразу несколько человек — один запнется, другой должен немедленно продолжать. И другим педагогам после посещения их уроков Анна Петровна говорила: «Максимум эффективности... А у вас много времени уходит впустую».

Спрашивая, Анна Петровна проверяла тетради и одновременно следила, чтобы никто в классе не отвлекался.

Уроки у нее почему-то получались долгие и утомительные.

Сонька непроизвольно начинала думать о своем, населяя пространство причудливыми существами, наполняя его морским шумом, водорослями, красногривыми львами, бегущими в пустоте. Может быть, бездонный мир воображения и был четвертым измерением...

Мысленно как бы ускользнув из класса, Сонька со стороны наблюдала за учительницей.

«Интересно,— думала она,— как это так получается у Анны Петровны — проверяет тетради, следит за классом и слушает ответ Рыжика, да и не просто слушает, а внимательно — ловит его на вранье, а врет он направо. У других учителей он «проскакивает», а у Анны Петровны — нет...»

«Проверяет тетрадки, слушает и следит за классом,— рассуждала про себя Сонька.— Значит, все это можно делать одновременно. А еще

можно слушать музыку и рассматривать картинку. Можно одновременно играть в классы и разговаривать. Совсем легко мечтать и считать... А вот читать и одновременно заниматься математикой нельзя. Писать и одновременно разговаривать тоже нельзя, а рисовать и разговаривать можно. Значит, одни дела, действительно, можно делать одновременно, а другие нельзя... Почему бы это?»

— Боткина! — услышала она резкий окрик и вскочила.

— О чем ты думаешь? — Анна Петровна отложила красный карандаш.

— Ни о чем, Анна Петровна.

Учительница, тяжело опершись о край стола, встала, подошла к Соньке. Заглянула в ее тетрадь.

— Что такое... — тихо сказала она. — Ну-ка, прочитай свое сочинение.

На предыдущем уроке она велела написать сочинение «Из жизни интерната».

— Утром во дворе я увидела новое дерево с необыкновенными плодами, — начала читать Сонька. — Подошла ближе, смотрю — на ветках растут куриные яйца.

По классу порывом прошел сдержанный шум.

— До этого я думала, — продолжала Сонька, — что яйца несут куры. Даже сказка есть, в которой говорится: «Жили-были дед и баба. Была у них курочка ряба...»

В классе засмеялись.

— «Снесла курочка яичко...» — продолжала читать Сонька. Но Анна Петровна оборвала ее:

— Соня, вам было задание — не юмористический рассказ написать, а принести сочинение из жизни интерната. У тебя же какая-то нелепая выдумка.

— А вот и не выдумка! — закричали со всех сторон. — Это Рыжик набрал в столовой яичных скорлупок и нанизал их на ветки дерева во дворе.

— Но ведь можно же было взять какой-нибудь другой факт. Вот, например... Кислицына, о чем ты написала?

— Я написала, как наш отряд собирал металлолом, Анна Петровна.

— Очень хорошо! А ты, Колобкова?

— Я... я о поварихе тете Паше... Она такие пирожки печет, Анна Петровна...

Учительница взглянула на часы. Потом обернулась к Соньке:

— Видишь, сколько из-за тебя впустую потеряно времени. Я же говорила вам, о чем надо писать...

После урока Сонька подошла к Игорю.

— Кто тебя побил?

Игорь, не ответив, пошел было прочь, но Сонька схватила его за рукав.

— Игорь, кто тебя?

— Ну, Ушастый. А тебе какое дело?

— За что?

— Да отстанешь ты от меня? — Игорь рванулся прочь и, не оглядываясь, пошел по коридору.

«Видно, Ушастый чего-то хотел от Игоря, да ничего не добился», — подумала Сонька. И ей стало весело от этой мысли. Теперь, когда у Игоря такой фонарь, а глаза горят, словно у кошки, самое время рассказать ему про заброшенный дом Исаева, но так сперва, чтобы он не догадался.

Сонька догнала Игоря и снова схватила его за рукав...

8.

В воскресенье чуть свет они отправились в порт.

Солнце, еще не жаркое, окутанное голубым утренним дымом, медленно восходило над горизонтом. Они шли без дороги пустынным берегом. Восходящие потоки подбрасывали в высоту чаек. И птицы, не взмахивая крыльями, вновь скользили вниз к воде, поводя клювами.

Сонька внезапно остановилась, прислушалась.

— Ты что? — беспокойно спросил Игорь и тоже наострил ухо.

— Море. Дышит, как человек. Даже страшно. Послушай.

— Да ну тебя.

— Знаешь, я вечером сидела на берегу. Вода в море была зеленая-зеленая. А от солнца по воде легла дорога прямо на край света. Если иметь специальную обувь, можно дойти до какой-нибудь страны.

Игорь оторопело посмотрел на нее.

— Не может быть такой обуви.

— Да хочешь, я даже так немножко пройду.

— Ты врешь.

— Нет, если очень сильно захотеть, можно немножко пройти.

— А зачем идти по воде? Есть корабли, самолеты...

— Нет, идти. И чтобы зыбь вся горела на солнце. Ступать тихонько. И зайти куда-нибудь на блуждающие острова...

Они пришли к дому Исаева. Сонька достала из-под крыльца ключ, открыла дверь.

— Ух ты... — Игорь восхищенно огляделся. Он говорил тихо, до вещей едва дотрагивался, словно попал в музей.

И Сонька поняла — обычный дом был Игорю непривычен. Он ведь знал в сущности лишь интернат да улицу.

— Чей это дом? — спросил он наконец.

— Мой.

Игорь покосился на Соньку.

— Точно мой. Ты же видишь, тут никто не живет.

Игорь провел пальцем по столу. Остался ясный след на полированном дереве.

— Вижу.

— Ну вот... А теперь — за работу.

В одной из комнат Сонька нашла старый железный ящик с инструментом — отвертками, гаечными ключами, напильниками, дрелью и набором сверл. Они выволокли его во двор. Затем, пятась, потащили ящик к ветряку.

Устройство ветряка было обычным: ветер вращал лопасти, усилие передавалось коленвалу, и тот, в свою очередь, вращаясь, поднимал и опускал поршень, тянувший из колодца воду. У всех кругом были такие ветряки, и все они работали безотказно. Только этот неподвижно высылся среди засохшего огорода.

Притащив банку с машинным маслом, Сонька велела Игорю подержать лестницу, а сама полезла наверх. Игорь, ухватившись за одну из лопастей ветряка, с трудом сдвинул ее с места и стал медленно поворачивать. А Сонька прислушивалась к звукам: то стонущим, то похожим на старческие вздохи. Ветряк упорно не хотел вращаться.

Тогда Сонька вытерла рукавом испачканное ржавчиной и машинным маслом лицо, спустилась вниз.

— Кто его знает, что с ним такое? Может, заржавел цилиндр или кольца поломаны...

Игорь, не слушая ее, смотрел на огромные лопасти ветряка.

— Вот если бы на ветряке можно было пуститься в путешествие! — с восторгом сказал он. — Слушай, Сонька... — пришедшая мысль ошеломила Игоря. — А что если на кораблях ставить ветряки вместо парусов, чтобы они крутили электромоторы... Понимаешь...

Сонька усталым движением руки отвела со лба волосы, выпрямилась и потерла поясницу.

— Понимаю... А на огородах ставить паруса вместо ветряков? Не зря у тебя двойка по физике.

Игорь надулся было, но не надолго. Какая-то, тоже, видно, бредовая мысль отвлекла его от проекта постройки корабля с огородными ветряками.

— Ну-ка, покрути еще, я послушаю подшипники, — попросила Сонька.

Игорь снова принялся вращать лопасти, а Сонька, забравшись наверх, припала ухом к подшипнику и сразу услышала глухой шум и скрежет.

— Все ясно, — крикнула она, — полетел подшипник! Помоги-ка мне его снять...

Они возились до позднего вечера. Игорь сбил

в кровь пальцы, но делал вид, что даже не замечает этого.

Уже в глубоких сумерках они вернулись в интернат. Сонька привезла в замасленной тряпке снятый подшипник.

Утром она пришла к мастеру учебных мастерских, показала ему подшипник.

— Такого у меня нет, — сказал он Соньке. — Такой можно достать только на судоремонтном.

9.

На другой день после уроков Сонька приехала на судоремонтный. Подошла к первому подвернувшемуся слесарю.

— Чего тебе? — слесарь едва взглянул на нее.

— Мне нужен подшипник...

— Чего?!

— Нужен, говорю, подшипник! Вот такой!

Разговаривать в механическом цехе было трудно из-за грохота железа, без конца сигнализировавшего грейферного крана, криков.

Сонька развернула тряпку, показала подшипник.

Слесарь — был он крутлив, белобрыс — быстро глянул по сторонам:

— Ну и что?

— Дайте, если есть. Мне ведь не надо новый. У этого, видите, обойма лопнула.

— Вижу, что лопнула. Многие тут ходят за такими... Дефицит! Для ветряка, видно?

Сонька кивнула.

— Вот я и говорю: дефицит, — продолжал слесарь. — Но достать в принципе можно... Трудно, правда. За так мне его никто не даст.

— А сколько денег-то надо? — спросила Сонька.

— Ну на что мне твои деньги? Четвертинку принесешь — получишь подшипник. Беги и скажи отцу — пусть готовит четвертинку.

Сонька косо поглядела на него и сделала несколько неуверенных шагов к выходу, потом вернулась.

— И солидол мне нужен.

— Дам и солидолу.

Слесарь заметно повеселел, бодро подмигнул Соньке. Она в ответ скорчила кислую рожу и ушла...

Пусто над огромным морем. Нет даже облаков. Сонькины следы идут по песку и исчезают в море. Уходят в светло-зеленую глубину. А волны с шумом кружатся среди мокрых камней и шевелят, и путают зеленую тину. И кажется, нет на земле ни одного человека. Лишь пустое небо над горячей пустыней да мертвая даль воды.

Сонька сидит на камне. Перед ней качается вода. Прохладные брызги долетают до ее ног.

И она забыла вертлявого слесаря, с которым только что разговаривала, и то, зачем пришла сюда. Многомерность пространства снова увлекла ее в страну неких невообразимых координат. Сонька глядит на горизонт и ждет. Ждет, что вот-вот из его мутной и знойной пелены возникнет что-то такое, чего еще никто не видал.

Она нисколько не удивилась, увидев Исаева с этюдником. Пошла к нему по воде, по песчаной отмели...

— Я так и думал, что встречу тебя на берегу.

— А вы еще нарисовали что-нибудь?

Исаев открыл этюдник.

— Вот дорога, а это барханы...

Сонька рассматривала рисунки и в каждом из них чувствовала что-то непривычное. То есть все было обычно — трава, дорога с идущим по ней грузовиком, береговые скалы, но все это состояло из плоскостей и вырывающихся объемов, плоскости подчеркивали объемы, а объемы как бы лезли из плоскостей.

Как прежде, в этюднике лежало пустое отгрунтованное полотно. Исаев носил его с собой, но делал только этюды карандашом. Сонька повертела полотно в руках, осмотрела даже с обратной стороны.

— Сегодня думаю начать, — сказал Исаев.

— Я посмотрю. — Сонька оживилась.

— Отчего у тебя такой усталый вид? Ты нездорова?

— А-а... — Сонька равнодушно махнула рукой.

— И как ты оказалась здесь в такую рань?

— Так...

Сонька помолчала и вдруг спросила:

— Федор Степанович, вы домой не заходили?

— Нет.

— Я так и знала.

— Что ты знала?

— Да нет, ничего. А почему ваша жена не приедет к вам хоть ненадолго?

Она застала Исаева врасплох своим вопросом. И не потому, что ему трудно было на него ответить, а потому, что она спросила об этом.

— У нее работа, которую она не может оставить. А приехать... Она приезжает иногда. Да и я бываю у нее. Может быть, если бы у нас были дети, мы бы не могли так...

— Как? — Сонька выпрашивала настойчиво.

— Жить порознь.

— А почему вы не взяли себе в детском доме на воспитание какого-нибудь мальчика?

— Почему именно мальчика?

— Ну, девочку.

— Видишь ли, Соня, все это сложно... — Он долго молчал, а Сонька тем временем пристально всматривалась в его лицо. — Мы с ней как-то решились, пришли в детский дом... Но... как тебе объяснить... это были не наши дети, и в тот миг мы пронзительно это почувствовали. Невозможно так выбирать человека, невозможно... Жена после этого плакала несколько дней и упрекала меня, что я повел ее туда... Кстати, я ей написал о тебе. О нашей смешной встрече в песках...

Сонька поняла, что написал он не только это. Но он больше ничего не сказал; установил на треногу полотно и достал кисти.

Он рисовал, а Сонька стояла за его спиной. На полотно ложились ясные краски утреннего моря, светлого воздуха и солнца. Его красные лучи взмывали, словно чайки, в них слышалось пение воды, полосы света напоминали невесомые взмахи крыльев.

Сонька подошла совсем близко к Исаеву и сама не заметила, как легко положила руку на его плечо. Он был сейчас не в военной форме, а в обычной одежде — светлых брюках и легкой парусиновой куртке. Его волосы отвечивали ясной сединой, странно неровной, как будто прибавлялась она в какие-то короткие мгновения, о которых Сонька ничего не знала.

— Куда вы после деваете ваши рисунки? — спросила она.

— Некоторые у меня. Обычно же отдаю их тем, кому они понравятся.

— Как хорошо-о...

— Что хорошо? — обернулся к ней Исаев.

— Быть таким художником. Вы потом подарите мне эту картину?

— Если получится...

— Наш Филька Горохов тоже рисует для всех. Я не люблю, когда рисуют для себя.

— Значит, он станет настоящим художником.

— Он-то станет.

Исаев остановил взгляд на ее лице. Утренний ветер трепал ее светлые волосы, и они словно сами стали нитями ветра.

10.

Спальня девочек шестого класса на первом этаже. Широкое, почти во всю стену комнаты, окно распахнуто в сад. Лунная, неподвижная ночь. В ветвях ни малейшего шороха.

Девочки спят. Черненькая толстушка Марина Колобкова — ее вообще не добудишься — спит, подложив под щеку ладошку, долговязая Оля — она всегда в строю первая, но по характеру, инертному, сонно-добродушному, ей

более пристало бы замыкать любое шествие,— эта тоже спит непробудным сном, плотно смежив веки.

И только худенькая Ира спит беспокойно, поминутно просыпаясь. Часто по ночам она ходит по комнате, сидит у окна. Лицо у нее тонкое, бледное. Она боится солнца, всегда жметя в тень и, когда другие бегут купаться, сидит одна в комнате. Она вечно что-нибудь читает.

Сонька прислушалась к дыханию Иры — их кровати рядом — вдруг она не спит, вдруг думает о чем-то своем в тихой ночи... Но нет, дыхание ее спокойно, едва ощутимо...

Засыпая, Сонька вслушивалась в ночь. Закрыв глаза, всматривалась в тьму, исполненную блеском, рожденных луной, а может быть, оставшихся от дневного солнца, рассеянных пылинок света.

Она часто вспоминала своих родителей, всегда одно и то же, одни и те же обрывки прошлого. И никакая фантазия к этому ничего не могла добавить. Иногда она беззвучно плакала, и этого никто не знал. По крайней мере она считала, что об этом никто не догадывается.

Она вспомнила счастливый и уютный дом — за столом сидят отец, мама и она, Сонька. На столе старый, еще дедушкин самовар с завитушками, со стертым никелем, разжигаемый веточками и щепками. Она видела себя в этой семье и засыпала со счастливой улыбкой.

Порой Сонька пыталась припомнить свои сновидения. Часто это ей не удавалось, и лишь по необычной охватывающей ее легкости, по беспричинной радости, переполнявшей ее утром, она догадывалась, что сон был светел, радостен и ярок.

У Соньки не было подруг, хотя многие девочки ей нравились. Но были друзья-мальчишки — Игорь, Рыжик и маленький Филя — все разные, все по-своему чудные, и чувствовала она уже сейчас, что всем им жизнь готовит разные дороги.

Были и любимые учителя. Ей нравился математик Вениамин Анатольевич. И вовсе не потому, что преподавал ее любимый предмет, а просто так. Нравился ей и старый библиотекарь.

Любила же она лишь Эмму Ефимовну. Она сама хотела быть такой же, как эта высокая женщина с яркими юными глазами. И может быть, поэтому на уроках ее вела себя как-то несуразно. Порой ее удивляли собственные поступки...

Урок географии был последним. Эмма Ефимовна, обычно преисполненная терпения, давно покоровившая класс своим легким характером, ненавязчивостью и столь дорогой детям искрен-

ностью, была чем-то раздосадована. Видимо, тем, что не рассчитала времени и затянула опрос. Ученики отвечали вяло, блуждали указкой по карте, и это еще более сердило учительницу.

Зная, что допускает педагогический просчет, вызвала Игоря Смородина. Он вышел к доске, подтянул штаны и уставился в окно.

— Почему вы все сегодня так плохо готовились к уроку? — спросила учительница.

— Я хорошо подготовилась, Эмма Ефимовна, — подала голос Кислицына. — Можно, я отвечу?

— Сиди ты, ради бога! — в голосе учительницы слышалось раздражение.

Отправив Игоря на место, она вызвала Соньку:

— Ты расскажешь нам об островах...

Сонька огляделась. Шел последний урок. Класс устал. За окнами — знойный полдень. Ребята сидели понуро. Такие уроки нередки в конце учебного года, когда все кажется надоевшим и неинтересным.

Сонька облизала губы и начала:

— В море есть блуждающие острова. Их иногда можно увидеть, если встать рано утром. Иногда они видны вблизи, на них растут кактусы. Всякие кактусы: и маленькие, с мизинчик, и большие, как башни. Кактусы колючие. Но среди колючек бегают малиновые птички, собирают насекомых. А у самой воды растут пальмы, на некоторых — орехи...

Эмма Ефимовна, до сих пор слушавшая ответы лишь краем уха, повернулась к Соньке, длинные темные брови ее от удивления поднялись.

В классе постепенно стих шум. Соньку слушали. Кто сидел, опершись подбородком на кулак, кто привалился плечом к соседу, кто подался вперед.

— Орехи иногда падают вниз и раскалываются, — продолжала Сонька, — и из воды к ним выходят маленькие, величиной со спичку, люди, пьют ореховое молоко и говорят о том, о сем...

По классу словно прошел сквознячок, сонного равнодушия как не бывало — глаза ребят весело блестели. Эмма Ефимовна не понимала, для себя ли одной Сонька разыгрывает этот спектакль или для класса, и ощутила необъяснимое беспокойство, как будто наручился привычный порядок вещей.

«Что они за люди, эти дети? — думала учительница. — И правильно ли мы вообще ведем обучение?»

После уроков в учительской она в раздумье просматривала классный журнал. Напротив за длинным столом сидел математик Вениамин Анатольевич, проверял тетрадки, почти касаясь их носом, что-то невнятно бормотал, ухмылялся.

— Вениамин Анатольевич,— обратилась к нему Эмма Ефимовна,— я смотрю, вы ставите Боткиной по математике одни пятерки...

Математик поднял голову. Казалось, самые линзы его очков пронизаны удивлением.

— А у вас разве нет? Я полагал, что Соня отличница...

— У меня она с тройки на двойку перебивается.

— Странно.

— Что странно?

— Странно, что с тройки на двойку...

— Видимо, все объясняется очень просто: она любит математику и не любит географию.

— Я бы не сказал, что все это так просто... Математику она тоже не любит. У нее, правда, совершенно исключительные, если не сказать большего, способности, но любви к предмету...— математик подвинул ближе к глазам очки и как-то неопределенно улыбнулся.— Соня любит не предметы, проходимые по учебной программе, а жизнь. Учебники — скучны, а окружающий мир полон загадок. Ее особенно манят пространственные и временные построения, которые большинству из нас просто неведомы, чужды и даже дики. Она сложный человек.

Эмма Ефимовна некоторое время сидела в раздумье.

— Сегодня Соня,— сказала она,— вместо того, чтобы отвечать урок, стала рассказывать о неких выдуманных блуждающих островах. Там, говорит, люди величиной со спичку...

Математик взглянул на Эмму Ефимовну:

— У меня она путешествует гораздо дальше блуждающих островов, населенных маленькими людьми, гораздо дальше, Эмма Ефимовна, в четвертом измерении...

— А что это за измерение? — учительница с любопытством уставилась на длинный нос математика, увенчанный массивными очками.— Я что-то такое слышала, но... Я ведь не математик...

— А я математик, Эмма Ефимовна,— улыбнулся Вениамин Анатольевич,— но, откровенно говоря, о четвертом измерении знаю не больше вас.

Сложив аккуратной стопкой проверенные тетрадки, математик отправился в библиотеку. Там старый библиотекарь приводил в порядок свое зачитанное хозяйство.

Посреди библиотеки на полу сидела Сонька, разложив вокруг себя книги, и что-то подсчитывала в тетрадке.

— Что ты там вычисляешь, Соня? — весело спросил математик.

— Ветряк. Как будто все в порядке, а не крутится. По-моему, малы лопасти.

— А размеры лопастей, диаметр поршня у тебя есть?

— Все есть.

Математик присел на корточки и они вместе принялись считать.

— Да,— сказал наконец Вениамин Анатольевич,— действительно, малы лопасти, надо их удлинить хотя бы сантиметров на пять и, конечно, сменить неисправный подшипник.— Он с улыбкой посмотрел в глаза Соньке.— Сейчас разговаривал с Эммой Ефимовной. Ты рассказывала на уроке о блуждающих островах... и о людях величиной со спичку...

Соня молча начала собирать с пола бумаги.

— Скажи, ты не любишь географию? — продолжал математик.— Разве тебе не интересно знать все, что там за морем, какими проливами разделены материки?

— Нет. Я не хочу знать, что за морем, Вениамин Анатольевич. Я хочу сама представлять, что за морем.

Подошел старый библиотекарь в вытертой вельветовой курточке.

— Это правильно, лучше представлять, чем знать, лучше выдумать, чем выучить.

— Ну, уж вы скажете, Иван Иванович,— ухмыльнулся математик.— Это какой-то идеализм.

— Да, я не прагматик! — с пафосом воскликнул маленький библиотекарь.— И вся моя жизнь убедила меня в том, что я был прав.

Математик перестал улыбаться и серьезно посмотрел на старика.

— Если бы мы могли детство донести до старости! — продолжал библиотекарь.— Но, увы, наши нервные клетки рушатся, а разрушение порождает прагматизм, и наши мечты гаснут, словно свечи.

— Интересно,— математик коснулся своих очков и поднялся с пола.— И вполне материалистично.

— Да-да,— подхватил старик,— в детских снах мы летаем, а в старческих бродим по темным сырым подземельям, тщетно ища выхода. Но день-то ведь наш! Днем мы властны над собой. Нам даровано счастье видеть вокруг себя детей, слышать их голоса...

Сонька делала вид, что читает записи в своей тетради, а сама, затаив дыхание, слушала этот разговор. Ее тайно волновало все это — жизнь, смерть, юность и старость. Время, незримое, неосязаемое время, делало огромную работу, управляло всем, само оставаясь недосягаемым.

11.

Сонька сначала проверила, тот ли это подшипник, приложив вплотную к нему поломанный, затем вынула из сумки четвертинку и протянула ее слесарю.

— Ну что, выпьем? — услышала она чей-то смутно знакомый голос. Обернувшись, увидела пожилого слесаря, когда-то работавшего с ее отцом.

— Здравствуй, Соня! — он протянул ей огромную черную руку со сбитыми ногтями, покрытую ссадинами.

— Здравствуйте!

Сонька обрадовалась этой неожиданной встрече — она всегда радовалась, когда встречала знакомых своего отца, — но никак не могла припомнить имени старого слесаря.

— Да Савватеич я, забыла уж... Как хоть живешь-то, малышка?

— Хорошо.

— Вижу по тебе, что хорошо. А здесь что делаешь?

— Подшипник вот мне нужен был для ветряка... — Сонька показала подшипник. — А он достал, — кивнула она на парня.

— За водку? — прищурившись, покосился старик на парня. — Ох и дурак ты, хлопец.. Дай-ка, Соня, сюда.

Сонька, недоумевая, протянула Савватеичу подшипник. Старик бросил его к ногам парня.

— Пойдем, я тебе другой такой достану, тут этого старого хлама сколько хочешь валяется.

Савватеич нашел для Соньки два подшипника, набил баночку солидолом, аккуратно завернул все в газету. Он ни за что не хотел отпускать Соньку. Повел ее с собой в заводскую столовую, накормил, купил ей в буфете кулек конфет.

За обедом Савватеич вспомнил ее отца.

Сонька ела, низко наклонив голову над тарелкой, слушала, молчала. И старый слесарь, почуяв, что слова его тяжелы для этой девочки, умолк.

Но когда Сонька подняла голову, глаза ее были ясны, она улыбалась.

Поблагодарив старика и попрощавшись с ним, Сонька ушла.

В следующее воскресенье первым утренним автобусом Сонька и Игорь поехали чинить ветряк.

Игорь догадывался, что ветряк — это что-то необыкновенное, что ветряк имеет отношение к загадочному заброшенному дому и чьей-то судьбе. Сонька, конечно, молчунья.. А может, она и сама не знает, зачем все это делает. Ведь и он, Игорь, никогда толком не знает, что делает и зачем. И если так, то это совсем хорошо. Ветряк

с его огромными крыльями, летящими по ветру, представлялся Игорю чуть ли не одушевленным существом и должен был, как ему казалось, сыграть какую-то роль в его жизни. Он вовсе не вникал в технические тонкости, его интересовало совсем другое — какая-то нереальная сторона дела. В интернате все знали, что Игоря нельзя, например, заставить чистить картошку для борща, но что он в то же время с готовностью исполнит все, что не имеет никакого практического смысла...

Далеко в пустыне всходило солнце и гнало к морю длинные тени. Тени тянулись от дюны к дюне — острые остатки минувшей ночи, достигали домов, затаивались под заборами и деревьями. А тени ветряков терялись далеко в море.

В сонной тишине горланили петухи, кое-где с утренним задором тявкали собаки. Поселок еще спал. Только порт уже глухо гудел — слышался шум работающих машин, сигналили портовые краны. К причалу, медленно разворачиваясь, подходил большой теплоход. На море держалась легкая зыбь, даль утопала в глубокой темной синеве. И утреннее небо над густосиним морем казалось необычайно прозрачным и глубоким. Сколько раз уже Сонька и Игорь видели это, и все-таки новое утро поражало их радостной новизной, невиданной игрой красок.

Снова вдвоем притащили они к ветряку ящик с инструментом. Расстелили брезент.

— Все деревья засохли, — сказала Сонька, — теперь надо саженцы доставать, сад заново выращивать. Тут, возле изгороди, посадим смородину, тут персики и яблони, а виноград возле дома, чтобы вился по стене, как в интернате.

Игорь перебросил языком сапожный вар за другую щеку, шмыгнул носом и согласно кивнул.

— И будет здесь сад... — губы Соньки тронула слабая улыбка.

Подшипник они сменили за каких-нибудь полчаса. Однако лопасти ветряка даже не шевельнулись под напором крепкого морского ветра.

— Не будет он работать. — Игорь, как видно, пытаясь найти какой-то выход, принялся энергичнее жевать сапожный вар.

— Будет. Надо наростить лопасти дюралем.

Игорь вынул изо рта вар и присвистнул:

— Ого!

Сонька с засученными выше локтей рукавами стояла посреди двора, оглядывая ветряк. На брезенте валялись гаечные ключи, напильники, электродрель, мотки проволоки, дюралевые обрезки, ножницы для резки железа.

Немного отдохнув, они принялись за клепку дюралевых полос. Работа предстояла долгая и трудная.

С пронизывающим душу скрежетом выла

дрель. Руки болели от тяжелых ножниц, дюралюминий был тверд.

Игорь и Сонька по перемене сажали заклепки. Уже высоко в зенит поднялось солнце, работе не видно было конца.

— А что если опять крутиться не будет? — спросил Игорь, отирая со лба пот.

— Будет.

Работать Игоря заставляла лишь необыкновенная уверенность Соньки. Но с каждым часом и ее силы таяли, она уже часто промазывала — была молотком мимо заклепок.

Ни Сонька, ни Игорь не заметили, как во двор вошел Исаев. Он довольно долго стоял, с удивлением глядя на то, что происходило. Осмотрел инструмент, разбросанный на брезенте, захватанные расчеты, прижатые к брезенту напильником, чтобы не унесло ветром. Подошел, тихо спросил:

— Что это?

Сонька вздрогнула, оглянулась. Увидев летчика, запястьем отвела со лба светлую прядь. Лицо ее было грязно. Но глаза, усталые и угрюмые, вдруг радостно вспыхнули.

— Да вот... — Игорь смутился — он видел летчика впервые, — покосился на Соньку. — Достала подшипник... Сменили. Все смазали, а воду не тянет.

— Тебе все надо, чтоб получалось сразу. Хоп и готово... — Исаев ничего не говорил, только смотрел на Соньку.

— Теперь на заклепки, — продолжал Игорь, — листы посадили. Только он, наверно, все равно крутиться не будет...

— Будет! — Сонька сказала это не Игорю, а Исаеву. — Даже на слабом ветру будет. Я все рассчитала.

— Вижу, — странным каким-то тоном ответил летчик, — что ты, действительно, рассчитала... Что поделаешь, раз начали, будем вместе заканчивать. А сейчас идемте-ка в столовую обедать, вы уже языками не ворочаете.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

НАШ ТРАМВАЙ — РАННИЙ

**Анатолий
ЕРМАКОВ**

термист Уральского
турбомоторного завода
имени К. Е. Ворошилова

Рисунок
Е. Сижкина

После ночной смены, едва закусив, снова бегу на трамвай. На мне — синий длинноватый плащ, фуражка; в руке — дорожная сумка. Пристраиваюсь к окну — ехать почти через весь город, на вокзал. Люблю наблюдать улицы из скромно погромыхивающего трамвая. Люблю кануть в послерассветный город, уже начавший утреннюю рабочую смену, чувствуя и озорную свободу выходного дня, и приятную неприметность свою в уличной толчее...

Неприметность, но не незаметность!

Мы, рабочие, еще как заметны в этом уличном течении... Я чувствую, как разлита солидарность в людском потоке, полной грудью ощущаю, что в миллионном индустриальном городе мы — хозяева и по праву большинства, и по классовому праву...

На базаре, до отхода поезда, успеваю взять алую горку помидоров. Кто догадается, что помидоры поедут обратно в село? Не знаю, как умудрились дозреть эти, но на маминых грядках они еще шлифованно-зелены, и я вижу, как радостно и недоуменно всплеснут ее руки при виде алого плода. Шагнул в ограду и снова замечу, что великоват подкат пола — садится передом изба, что вроде подсох тополь, что покосился садок...

Почти двадцать лет назад кинул я эту избу, продав ее старикам Ипатовым, и они помогали выносить мягкие узлы с фуфайками, валенками, одеялами. И не знал я, что придется вносить через два десятка лет мне эти узлы обратно: наживется, наскучается мать в городе, запросится домой, да так, что откуплю я ту же самую избушку обратно и буду ездить сюда раза два в месяц, огорчаясь, что не поспевают мои

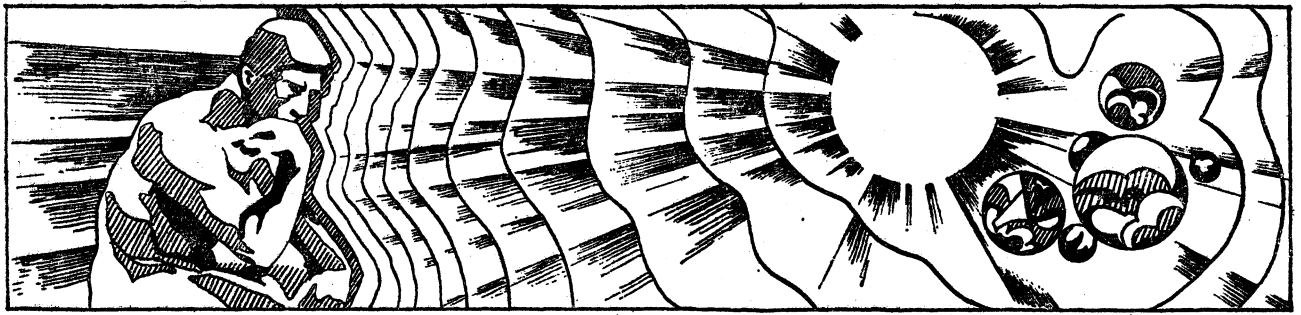
руки то за выпавшим пряслон, то за отскочившей доской, то за поплывшим на картошку сорняком.

Заботы, заботы... Уж не потому ли к сорока годам становишься молчаливым, что начинаешь понимать, кому, прости господи, интересны откровения насчет донельзя рядовой твоей жизни. Кому и по какому поводу расскажешь, как трогает сердце, когда выносит поезд на высокий мост через твою реку, у которой ты вырос, как несешь вечером по селу горьковатую в себе вину за что-то и за кого-то, тем более непонятную, что нет ничего сокровенней этой боли и светлей.

И разговор в вагоне в одну из таких поездок хорошо отложился в памяти, потому что, как мне кажется, он давно назрел во мне. Парень — лет ему шестнадцать — ехал со смешливыми своими подружками в полном сознании, что им приятно услышать все, что он скажет. Умный был парень. Понимал: прислушиваюсь и я — успевал повернуть разговор так, чтобы и мою реакцию вызывать. И хотя веселое настроение царило в купе, вещи он говорил серьезные.

— Самое страшное — уйти пылью, ничего не сделать, ничем на земле не отметиться. Помню, меня поразили эти муки в письмах Гоголя к матери. Тогда это было еще в ходу, делиться с матерью сокровенным. Ну разве можно сегодня сказать кому: я хочу быть великим... В худшем случае, посмеются, в лучшем — подкажут: поезжай, милый, в сельское профтехучилище, получи специальность, поработай, а там... А там один мой дружок окончил такое заведение, да и прикатил в первый же день под окно на комбайне. Подкатил, рот до ушей, говорит, вот, мол, приехал. Точно, говорю, при-

ехал! Дальше ехать некуда... И будет жизнь вечным повторением. Он вспашет землю, а она зарастет, он снова вспашет, а она снова зарастет! А тропа зарастать не должна. Народная тропа! Надо сделать...

Не дал я ему договорить, не выдержал. Сел поближе, еще не зная, что именно я возражу, но разницу в принципах я уловил.

— Не сделать надо, а делать! Уже делать! Мне симпатичней тот парень на комбайне... Все великие дела — общие. Мучился Гоголь неизвестностью своей, а талант его судьбу всей русской литературы решал! Парень просто пашет, а страна хлеб получает. Его-то поле и не зарастет, потому что он его сейчас пашет, а у тебя вот зарастает, если ты в семнадцать лет только-только собираешься мир удивить чем-то. Нет, мне симпатичней тот парень!

Еще бы он не был мне симпатичней! Я на шестнадцатом году ушел в ремесленное училище учиться на электрика. А что двинуло туда? Проливное лето было. Сушилка зерна мало-мальская едва успевала. А тут еще мотор погорел. Бригадир круть, круть, — не знает, как подсоединить проводки к запасному мотору. Он многое умел, этот бригадир, сильный был — мотор мог за пазухой унести, а несчастные провода не знал, как присоединить. Мок хлеб, электрик в другой бригаде был, а мы куковали из-за пустяка. Так меня поразило бессилие, даже оскорбительное, человека, который не знает простых вещей. (Я видел, что парень слушает с интересом. Может, напрасно я в чем-то его обвинил, но разговор зашел не напрасный, и мне хотелось высказаться...)

— В том-то и дело, что за маленьким событием жизни наша судьба проглядывает. И то малюсенькое,

ежедневное определяет, чему судьба отдана — общему ли делу — и тогда она велика, личному ли — и тогда она не завидна...

(Тут он вправе был спросить, а завидна ли моя судьба? Судьба простого сорокалетнего рабочего, не имеющего пока ни наград, ни известности и спешащего с килограммом помидоров в гости к матери, которая так сильно затосковала по родному дому. Давай разберемся...)

— Город, конечно, сильно махнул. Получил я профессию электрика и разъезжал по колхозным токмам на телеге. Моторы у меня не горели. Я теперь знал, что делать, если они сгорят. И с радостью чувствовал силу этого знания. Но я хотел знать еще! Помню, приехал к дяде в гости, а он возьми и покажи мне завод. Голова моя кругом: сколько тут можно знать еще! Перебрался в город, завел семью, получил квартиру, привез маму... А слышу по заводу фамилии знакомые: Никонов, Ялунин, Пешков, Костин... У нас так на Урале: если родство мое из деревни Ермаки, так и фамилия моя Ермаков, а рядом — села Никоново, Ялунино, Пешково, Костино...

Кто эти громады уральские строил — Уралмаш, Турбомоторный, Химмаш... Все те же — Ялунины, Пешковы, Костины... Где бы народ рабочий взяли, как не в селе? Такова была государственная необходимость, и мы, деревенские парни, струнулись в город. Строили, обживали... Так завидна ли моя судьба? И тут я вправе сказать: а завидна ли судьба известного всей стране моего Турбомоторного завода? А орденосного Свердловска? А страны всей, если хочешь, во всемирном масштабе? В том и моей, ермаковской, судьбы завидность...

А поезд подкатывал к моей стан-

ции. Встал я, взял свою сетку с помидорами, и понял, что вид мой очень обыкновенный, не совсем соответствует словам высоким о судьбе, да еще завидной. Не хотел я видеть в провожающих глазах парня иронии и непокорно. Мне показалось, что он может после моего монолога слово в слово повторить: «А тропа зарастать не должна! Народная тропа!»

...Парень тоже поднялся и вышел со мной в тамбур. Он видел невысокие дома, деревья, траву. Он видел и дорогу, по которой мне предстояло добираться. Я махнул юноше рукой, и он ответил мне.

С необычным, новым значением в душе преодолевал я ту дорогу до материнского домика.

...Что толкнуло меня зайти тогда в гости к термистам. Посидел-то полчаса, а вышел уже... не электриком. Работал еще по инерции год-два, а спал и видел себя только термистом. Что-то нечасто рассказываю я про такой рывок — в без малого сорок лет влюбился в новую специальность. Да и себе я толком этот шаг не объяснил...

И снова думаю: что же это я чуть ли не казнюсь — ведь это жизнь! Живая!

Белела впереди моя дорога, отходили от нее тропки в лес, терялись там. Жаль, что я не встретил тебя, парень, в том моем, самом утреннем трамвае, который люблю за покой в нем и сосредоточенность. Доехали бы до Турбинки, вышли...

Какая речича народу течет к заводу! И без лишних бы слов ты понял: куда-куда, но к проходной народная тропа не зарастает...

● «Как бить врага,
не мне вам
говорить...»

● Таким был
комиссар

● Бесстрашному
командиру

● Десять тысяч
Джудльбарсов

● Подруга Зои

● Прощался
кузнец...

«Здравствуйте, друг! Посылаю Вам привет. Очень сожалею, что не имею возможности встретиться с Вами. Но я хотел бы поддерживать с Вами связь и узнать о Ваших боевых успехах на этом самолете. Черкните пару слов о себе. Желаю Вам счастья и удачи, успешно бить врага, хотя, как бить врага, не мне Вам говорить».

«К летчику, который будет бить врага на этом самолете» — так адресовал в 1943 году свое письмо американский киноактер Рэд Скэлтон. Он купил на свои сбережения военный самолет и просил передать его лучшему боевому летчику.

Пилотом, принявшим самолет-подарок, был Петр Федорович Стрелецкий. Газета «Летчик Балтики» поместила его ответ: «Могу сообщить, что боевой счет на Вашем самолете уже положен. Потоплено два транспорта противника. Клянусь защищать Родину мужественно, умело, не щадя своей крови и самой жизни, до полной победы над врагом».

Эти интересные документы хранятся в музее Вологодской восьмилетней школы Кирилловского района Вологодской области.

Красный комиссар Александр Вермишев был контужен, попал в плен. Бело-

гвардейцы замучили его на глазах у жителей Ельца.

Но ребята 95-й елецкой школы знают Александра Вермишева не только как героя гражданской войны. Долгие годы следопытского поиска помогли открыть еще и одаренную многими талантами личность.

Альбом рисунков Александра Вермишева хранится в городском музее. Рисунки, слепки, эскизы, картины... Комиссар рисовал. Оригиналы пьес, книжка с его стихами. Комиссар был их автором. И еще одно открытие сделали ребята. Вермишев увлекался музыкой: написанная им песня «Вперед» многими хорами исполняется как народная.

Вот каким одаренным человеком был комиссар.

Калининскую, Новгородскую и Псковскую области исходили следопыты фабрики «Рабочий» и 335-й школы Ленинграда, собирая материалы о боевых действиях партизанского отряда Савченко.

Исклчительно смелым и находчивым командиром был капитан Савченко. Однажды фашисты, перекрыв все дороги, окружили отряд. Савченко дождался сумерек и применил очень рискованный маневр: он пристроил отряд к хвосту вражеской колонны, вывел

его, и потом партизаны дали бой. Бой этот был последним для командира.

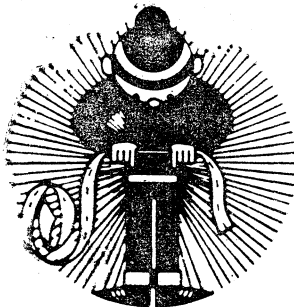
Десять лет назад ленинградские школьники и рабочие фабрики установили мемориальную доску в деревне Дедно, где в октябре сорок первого отрядом Савченко был уничтожен фашистский гарнизон и освобождено 500 советских военнопленных. Такая же памятка появилась у деревни Белка в Калининской области.

Нынче комсомольцы фабрики взялись за создание памятника командиру Особого Ленинградского отряда, чекисту-пограничнику капитану В. Б. Савченко. Из конкурсных работ, которые представили самодеятельные художники фабрики, выбран лучший проект. Памятник будет установлен в деревне Новая Маревского района Новгородской области.

Свердловчанин Толя Наумов служил на границе. Вместе с ним нелегкую службу несла его собака Гриф. Закончился срок службы, и хозяин с четвероногим другом вернулся домой.

Многие ребята из клуба юных собаководов уходят в армию со своими овчарками. Только из Свердловска в прошлом году отправились служить, взяв своих

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

питомцев, тридцать человек.

Не только мальчишки выращивают и дрессируют служебных собак: подарила армии свою овчарку Квант старшеклассница Лена Гусаква.

А всего за пятьдесят лет существования областного клуба служебного собаководства в Свердловске в армию и военным школам передано более десяти тысяч собак.

Собаки, подготовленные в клубе, работают не только в Свердловской области, но и далеко за ее пределами — на Кубе, в Монголии, Чехословакии, ГДР, Польше, Венгрии.

Партизаны попали в засаду. Видели товарищи, как Вера скосила автоматная очередь. Спустя некоторое время разведчики пробрались на место схватки и увидели только залитый кровью снег...

Партизанка Вера Волошина пропала без вести. Понадобились усилия многих людей и годы, чтобы установить судьбу москвички, студентки Веры Волошиной, исчезнувшей в ноябре 1941 года.

...Она была боевой подругой Зои Космодемьянской. Группы Зои и Веры почти одновременно вышли на задание. В тот день, когда фашисты повесили в Петрищеве Зою, в нескольких километрах от этого села, в Головково, гитлеровские палачи повесили и Веру Волошину. Она была взята в плен раненой, ее пытали. Перед казнью девушка сказала те же слова, что и Зоя: «Я не боюсь смерти, за меня отомстят товарищи. Наши все равно победят!»

В деревне Крюково, что под Наро-Фоминском, сейчас открылся музей Веры Волошиной, партизанки и героини.

Почерневшая от времени наковальня стоит в Волчихинском районном музее (Алтайский край). Такая надпись на ней: «Голубь Т. М. До свидания. 19/VIII-42 г.».

Тот, кто работал на наковальне и сделал прощальную надпись, погиб в боях за Родину. Звали кузнеца Тимофеем.

В селе Вострово, где работал Тимофей Голубь, в колхозе «Новый мир» его хорошо помнят. Помнят его золотые руки, его старательность, и еще — что был он на редкость отзывчивым человеком. В предвоенные годы, в начале войны, когда не хватало машин, колхозный кузнец был одним из главных людей на селе: на нем держался весь ремонт техники, от него зависело все механизаторское хозяйство.

А когда пришла повестка, кузнец собрал вещи и отправился на войну, написав на наковальне: «До свиданья». Не довелось ему больше свидеться со своей кузницей... Но память о кузнице и солдате Тимофее Голубе люди хранят.

● Во время войны исполком Коминтерна был эвакуирован в Уфу. Сейчас в здании, где работал штаб мирового коммунистического движения, находится авиационный техникум. Комсомольцы техникума собрали материал о деятелях и работе Коминтерна в военный период. В здании открыт музей.

● Мосты, маскировочные постройки, различные сооружения — много их было возведено за время войны. О боевых делах 29-го управления военного строительства и его отрядов рассказывает музей профтехучилища № 47 Москвы.

● Приглашение приехать в дивизию им. Чапаева пришло в Батыровскую школу-интернат (Чувашия). Командование поощрило ребят за многолетний активный поиск ветеранов дивизии.

● Кавалеров ордена Кутузова разыскивают следопыты вильнюсской школы № 37. Почему награжденных именно этим орденом? Имя полководца тесно связано с Вильнюсом: Кутузов был военным губернатором этого города.

● 400 саженцев посадили в новом парке учащиеся Ибской средней школы Сыктывдинского района [Коми АССР] — в память о 400 погибших односельчан.

● О морях легендарной лодки «Фрунзевец», бортовой номер «Л-13», рассказывают экспонаты музея 201-й школы Фрунзенского района Ленинграда. Ребята этой школы прикрепили мемориальную доску на боевую рубку подводной лодки «Л-13», навечно установленной в Лиенае.

● Материалы о памятниках и обелисках в честь выдающихся людей Страны Советов собирают пионеры минской школы № 28.

● Два десятка автомобилей стартовало с площади им. Кирова в Ленинграде. Следопыты — школьники, молодые рабочие — отправились по местам боев ленинградской армии народного ополчения. Автопробег посвящен 36-й годовщине создания армии народного ополчения.

● Музей «Бухенвальдский набат» создан при ЖЭК № 16 города Николаева. Письма бывших узников, экспонаты из концлагерей обвиняют фашизм.

● Умело изготовить мину — это искусство. Этим искусством в совершенстве владел двадцатилетний партизан Иван Чекланов. За особо удачную операцию, на железнодорожном перегоне Чернозем — Великие Луки, он был удостоен ордена Красной Звезды. Но поскольку партизан был вскоре тяжело ранен, он и не подозревал о награде. Орден, которым Чекланов был награжден за последнюю операцию, «нашли» следопыты 5-й средней школы города Великие Луки спустя тридцать с лишним лет.

● Лауреатом ежегодного заочного конкурса на лучшее туристское путешествие стала команда из города Первоуральска, совершившая поход на байдарках по реке Койве. Экспедиционный отряд хорошо выполнил задание общества охраны природы по обследованию реки и получил ценный приз.

Шел по войне батальон...

Рисунки
М. Паукера

**Зинаида
ШИПАНОВА**

В августе сорок четвертого я была на войне. Служила в пехоте — медсестрой стрелкового батальона. Командовал им земляк из Башкирии, уроженец города Бирска, капитан Виктор Георгиевич Каратаев. Человек молодой, смелый и веселый.

Батальон сражался в Румынии, которая запомнилась голубым небом и бесконечными кукурузными полями. Но сейчас мы смотрели на зеленые массивы как на отличную маскировку.

В те августовские дни в Румынии шло стремительное наступление со-

ветских войск в районе Яссы — Кишинев. Удивляло множество пленных. Безоружными колоннами тянулись они с переднего края в наши тылы. Кое-кто выкрикивал: «Гитлер капут!» Но это мы и без них знали...

Батальон капитана Каратаева в арьергарде наступающего полка за два дня наступления прошел около сорока километров в направлении города Яссы. Увидеть столицу первого на нашем пути заграничного государства всем, конечно, очень хотелось.

Но к вечеру второго дня на-

ступления нас внезапно остановили на недавней немецкой обороне в лошине, разрезающей кукурузное поле, где по высокому скату была вырыта траншея полного профиля с блиндажом в центре. Возле уже деловито копошились двое связистов с катушками.

Скоро сообщили, что в результате глубокого прорыва советских войск в немецкую оборону немцы попали в окружение. Среди них — эсэсовские части, которые добровольно в плен сдаваться не хотят, а, видимо, надеются вырваться из кольца. Днем они, якобы, прячутся в кукурузных полях, ночью нападают на наши тыловые подразделения.

Такой поворот дела, ясно, не очень понравился. Вместо того, чтобы праздновать освобождение города Яссы, нам необходимо сидеть в кукурузном поле и ждать, когда на нас нападут эсэсовцы. Они, конечно, пойдут напролом. А что, если их будет больше, чем нас?

Я, конечно, никому не говорю об опасениях, а лишь молча разбираю медикаменты и поглядываю на комбата. А он, гибкий, легкий, ходит по обороне, отдавая четкие распоряжения. Его уверенный голос, спокойное лицо и веселый взгляд рассеивают тревогу. Уж не потому ли боевые задачи батальон выполняет удачно?

Недавно комбат вернулся из штаба дивизии сияющим, с новеньким орденом Красного Знамени на груди. Такие ордена в нашем полку носят немногие солидные командиры, а капитану-то Каратаеву всего двадцать три года.

Орден он получил за высоту на плацдарме, которую удерживал несколько суток с одной ротой, пока через Прут не переправились наши основные силы.

Не знаю, как другие, но я считаю, что наш капитан — талантливый командир и, наверное, после войны станет крупным военачальником. К тому же у него такая отличная военная выправка — попробуй додумайся, что до 1941 года он был гражданским человеком — студентом лесного техникума в Уфе.

...Эсэсовцы не заставили себя долго ждать. Утром комбату передали по рации приказ вступить в

бой с идущей на прорыв немецкой частью, которая двигалась колонной километрах в десяти от нашего расположения. Для преследования придавалась танковая рота. Батальон (примерно около двух рот) быстро построился, и комбат, став посередине вытоптанной площадки, перед строем скомандовал:

— Добровольцы в танковый десант три шага вперед! — и еще прибавил: — Нужно сорок человек.

Строй чуть колыхнулся, и из него выступили добровольцы.

Боясь опоздать, я торопливо сделала три положенных широких шага и встала в строй добровольцев. Я хотела, чтобы комбат посмотрел и на меня. Предстояло что-то необычное: немцы, идущие на прорыв днем, танковый десант...

Однако капитан почему-то не торопился встречаться взглядом и строгое выражение его молодого лица, как мне показалось, ничего хорошего для меня не сулило.

Дело в том, что наши взаимоотношения с комбатом носили неровный характер. Они колебались в зависимости от обстоятельств, хозяином которых всегда, конечно, был комбат. Вот и теперь он может приказать мне остаться со старыми, молчаливыми солдатами, появившимися в батальоне после освобождения Украины. И десант уйдет без меня.

...В эти минуты, в строю добровольцев, я почувствовала, что главные события на войне для меня лично только начинаются. Но батальонный, кажется, хочет помешать мне. Нет, ничего у вас не получится, товарищ капитан.

Как только капитан поравнялся со мной, я дерзко вскинула голову. Ему тоже ничего хорошего не обещало мое упрямство. В такие минуты, забыв о дисциплине и считая себя правой, я могла надерзить капитану, что ему не очень нравилось.

Капитан понял мое настроение и равнодушно прошел мимо. Так он наказывал меня. Ну и пусть... Лишь бы в десант взял. Между прочим, у нашего комсорга, лейтенанта Шустрова, тоже очень красивые глаза и лейтенант внимательно ко мне относится. А когда проводит комсомольские собрания в батальоне, я пишу ему протоколы. И еще сказал как-то,

что я красиво хожу в строю. Так что от вашего равнодушия, товарищ капитан, я не умру...

...В густом вихре пыли, которая дугой стлалась над дорогой, мчались танки, оглушая окрестности слитным ревом моторов и железным грохотом гусениц. Я стою на головном танке у башни, одной рукой вцепившись в скобу на башне, а другую сжимает какой-то незнакомый боец из десанта. Мы держимся за руки, чтобы не свалиться с танка. В такт мотору стучит кровь в наших крепко сжавшихся руках. И мне кажется — это наши сердца стучат в моторе.

Это было редкое зрелище — так близко видеть колонну эсэсовцев, застигнутых врасплох, как сов в яркой день.

Они, видимо, не ожидали нападения и не успели рассредоточиться, а может, приняли наши танки за свои.

Было смешно смотреть, как, высоко поднимая ноги, отбегают от колонны фашисты и прячутся в кукурузе, подгоняемые ревом танков.

Все чувства как бы замерли, кроме одного. Это невыразимое чувство солдатского счастья видеть разбитого врага, обращенного в бегство.

Теперь уже вся колонна, бегущая по голому пригорку дороги, видна как на ладони. Но разве от танков убежишь?

Машина летит вперед и по-прежнему в позе, выражающей полное презрение к опасности, спокойно сидит на его крыле у открытого люка командир танковой роты с тяжелым парабеллумом в правой руке.

Как я люблю сейчас этого храброго капитана и запыленных бойцов на танке, у которых кроме автомата и собственной жизни, добровольно кинутой в опасный бой, нет большего богатства. Они сейчас для меня самые дорогие люди на земле. И я знаю, если мне будет плохо, они защитят меня.

Танки развернулись вправо и грянули по цепям из пушек. Десантники попрыгали с брони и, примостившись кто где, тоже бьют из автоматов и винтовок, неторопливо выбирая цель. Комсорг Шустров уперся плечом в телеграфный столб и стоя стреляет из винтовки. Лицо его

раскраснелось от возбуждения, сильные глаза холодно сощурены. Пустые гильзы падают у его ног, и он спокойно вставляет новый патрон. Самым надежным оружием пехотинца комсорг считает винтовку.

Немцы почти не отвечают на наш огонь. Только откуда-то из-за пригорка бьет неприцельным огнем малокалиберная пушка. Снаряды рвутся, не причиняя вреда, и лишь пугают гусей в кузове брошенной в поле крытой машины с награбленным. На каждый взрыв гуси отвечают громким криком. Они сидят в клетках, и я думаю, что как только кончится бой, их заберут хозяева из недалекой деревни и будут благодарить бога, что он не дал немцам увезти их добро.

Я стояла за танком, изнутри которого слышались команды стреляющих танкистов, и следила, не ранило ли кого. Капитан Каратаев был на левом фланге. Вот он позвал двух молодых автоматчиков и послал их в поле влево от танков, видимо, на разведку. Скоро пошел туда же и сам. Я, долго не раздумывая, отправилась за ним. Мало ли что может случиться... Да и пора уже было помириться с комбатом. Не люблю все же, когда с тобой подолгу не разговаривают.

Я догнала капитана на узкой пыльной дороге и пошла рядом. Он не возражал. Я раздумывала, с чего бы мне начать с ним разговор. По обеим сторонам дороги стояла густая кукуруза. Танки остались за спиной. Они еще стреляли. Впереди, видимо, было спокойно, иначе бы бойцы предупредили нас...

Дорога шла на оголенный холм. Вдруг из-за него — немцы. Шли развернутой шеренгой. Их было около взвода...

У нас еще было время спрятаться, отойти к танкам. Но, оказываясь, в критические моменты жизни человек порой поступает не так, как диктует ему ситуация, а как он подготовлен к ней всей прожитой жизнью. Мы сошли с дороги вправо на пустое поле и продолжали идти навстречу немцам, и я сейчас только обратила внимание, как широко шагает комбат. Искоса глянула на него. Лицо его поразительно изменилось. Оно стало белым и застывшим, как

маска. Большие голубые глаза стали еще крупнее и как бы почернели. Они в упор смотрели на приближающихся немцев. В полусогнутой правой руке капитан держал заряженный пистолет, направленный в сторону немцев. Но почему-то совсем ненадежным показался мне сейчас этот тяжелый трофейный парабеллум в руке капитана. В какой-то миг я подумала, что никакая помощь к нам прийти не успеет. И я сказала, на всякий случай, тихонько капитану:

— Товарищ капитан, стреляйте сначала в меня.

Шли точно эсэсовцы. Я поняла это по одежде. Они совсем были непохожи на обычных пленных в синезеленых хлопчатобумажных мундирах без всяких украшений. На этих были суконные мундиры мышиного цвета с серебристыми орлами на груди.

Когда нас разделяли шагов пятнадцать, капитан остановился. Немцы стали тоже.

— Бросить оружие! — хрипло сказал капитан. Я заметила автоматы у двоих солдат. Они разжали пальцы, и оружие упало на землю у их ног.

Вмиг оцепенение слетело с меня. Сменилось каким-то буйным озорством. Я быстро подошла к крайнему в шеренге эсэсовцу и, взявшись кончиками пальцев за рукав его мундира, повела к дороге. Он, конечно, мог меня не опасаться, ибо у меня в руках не было никакого оружия. Оставив его на дороге, пошла за вторым. Остальные поняли сами, чего хочу от них и встали в колонну по двое и молча ждали, что же будет дальше. Капитан по-прежнему держал их под прицелом. Он уложил бы первого, тронь он меня...

Я весело разглядывала выстроившийся передо мной взвод немецких солдат несокрушимого гитлеровского рейха и пыталась вспомнить хоть одно немецкое слово. Но все было как в немом кино: класс, учительница немецкого языка Вера Ивановна Кобылова, беззвучно открывающая рот. А ведь совсем недавно она хвалила меня за хорошее произношение. Я махнула рукой на немецкие слова. Время не ждало. А, была не была!

Я серьезно оглядела этот не-

обычный выстроившийся передо мной взвод эсэсовцев и, набравши в легкие побольше воздуха, скомандовала как можно громче, чтоб было слышно аж в самой Германии:

— А ну, фрицы, шагом марш в русский плен!

И удивительно, как хорошо поняли они русскую команду, как четко взяли ногу и тяжело затопали, разметая густую пыль на дороге. Я весело оглянулась на капитана. Здорово все получилось. Но лицо капитана не изменило своего сурового выражения и даже было каким-то печальным. Я отвернулась. Я не принимала капитана.

И тут я услышала какие-то непонятные крики. Отправленный мною в плен взвод немецких солдат остановился. Они почему-то не хотели идти дальше, а что-то кричали и призывно махали мне руками. Ах, вот оно что. Они же боятся!

— Да, идите же, никто вас расстреливать не будет. Кому вы нужны! — крикнула я им. Но они не двигались с места. Я вопросительно посмотрела на капитана. Он направился к пленным и встал сзади колонны. Я пошла впереди.

Мне было ужасно весело шлепать своими парусиновыми сапожками, одетыми на босу ногу, по пыльной дороге. Ветерок крутил легкую армейскую юбочку вокруг моих ног. Санитарная сумка, так и не открытая за сегодняшний бой, спокойно покачивалась на моем бедре. Над землей раскинулось удивительно синее румынское небо, на которое можно было смотреть всю жизнь. За моей спиной шел взвод немецких солдат, вероятно, так и не понявших: как это их, сильных, грозных завоевателей мира, может вести в плен русская девчонка с Южного Урала.

Я жалела об одном, что никто из моих знакомых уфимских ребят и девчонок не могут увидеть меня сейчас. Ведь рассказывать буду — не поверят.

Я вернулась в Уфу... через тридцать один год. Иду по асфальтовой дорожке к своей школе и каждый шаг отдается в висках. Ах, только бы сдержаться, только бы не рас-

плакаться. Я призываю мужество, с которым прошла по войне. В коридорах школы безлюдно. Идет урок. Я поднимаюсь на второй этаж и вижу мраморную доску с золотыми буквами. Школьники, погибшие в войну. И первая фамилия ударом в сердце — Белашов. Высокий юноша с правильным профилем, косой челкой над чистым лбом. Учителя постоянно спрашивали, как правильно пишется его фамилия: Белашов или Балашов. Потом идут незнакомые фамилии и вот — еще удар — Карелин. Худосочный мальчик с улыбкой Мефистофеля на тонких губах. Мы так и прозвали его — Мефистофель. Так значит вы погибли, мальчики...

Две милые молодые учительницы ведут меня в мой класс. Теперь там занимается шестой. Тридцать мальчиков и девочек, рослых, красивых, весело поднимаются навстречу из-за парт. Учительница что-то говорит детям обо мне. А я смотрю на вторую от стола парту. Мою парту. За ней сидит тоненькая девочка с косичкой «мышинный хвост» и плотный мальчик с голубыми глазами капитана Каратаева.

Только бы удержаться мне, только бы не заплакать. Они ждут от меня необыкновенных рассказов о войне.

А вижу только, как безбрежно колыхается зеленокукурузное поле... Оно сочно блестит под солнцем. У меня хватает сил начать рассказ о нем. И вот останавливаюсь. Вижу капитана Каратаева, мерно и широко шагающего белой пыльной дорогой. Он погиб позже. Уже под Берлином. Я скажу сейчас и об этом.

...Самое трудное на свете собраться с силами для этих слов.

За лучшую долю

**Андрей
МЕШАВКИН**

На рассвете, когда над речкой Кирчигаик еще висел густой туман, Ануфрий собрался в дорогу. Жена Мария Николаевна, утерев кончиком платка слезы, с тревогой сказала:

— Уж ты, Ануфриюшко, как-нибудь поосторожнее. Время вон какое: того и гляди пальнут из пушки. Поди, слышал: всю ночь опять грохали. Которые соседи уехали в Еловой лог переждать беду. Может, и нам податься туда?..

Ануфрий молчал, потуже подтягивая оборы у лаптей. Поднялся с лавки, притопнул. Николаевна тем

временем достала с полки холстяной мешочек с едой, припасенный с вечера, сунула его старику, спросила еще:

— Может, лучше в Еловой?

— Нельзя мне: слово дал.

— Тогда блюда мой наказ: малыми тропками иди, посматривай кругом.

— Знаю...

— Знаешь, да поберегись, а то, не ровен час, как бы беды не случилось.

— Оно, конечно, правильно, опасться надо. Только ведь не первый

раз пойду вдоль Уфы. Дорога хоть и глухая, но знакомая. Опасные места обойду...

— Ладно, иди. Только не зря ли ты связался с Нестерихой? Ей Чалуху жаль, а тебе какой прок?

— А такой: через ее кобылу мне лучше будет обделать свое главное дело. Да рази ты поймешь? Тут не твоего ума дело...

Только взялся старик за дверную скобу,— на пороге показался Колька Оболенский, мальчишка с Нижнеконской улицы.

— Я с тобой, дядя Ануфрий,— выпалил Колька, будто отдал беспрекословное распоряжение.

— В попутчики?

— Ага...

— А домашние не станут переचितь?

— Обскажу дорогой.— Колька, выждав момент, когда Николаевна заглянула за заборку, что-то шепнул Ануфрию. Тот, указав на лавку у припечки, сказал:

— Садись. Перед большой дорогой так по обычаю полагается.

Мария Николаевна вышла из-за заборки, перекрестилась и добавила:

— Оно так, конечно. Только вы уж поберегитесь: береженого бог бережет...

Вышли на тропинку, петляющую по косогору за прудом. Колька принаравливался шагать в ногу со стариком. Когда у Ануфрия ослабла оборва и он сел на пень подтянуть ее, Колька, вздохнув глубоко, сказал:

— Эх бы, ружье нам, а то винтовку...

— Зачем? — удивился Ануфрий.

— Р-раз бы в бандита на коне, два — другого. Сами б верхом да в седле: даешь Поползуху!..

— Не то говоришь,— поправил Ануфрий,— на коне оно, конечно, ловчей, а опасности больше, видней для бандитов. Пеше мы идем за Чалухой — и весь сказ, а заприметим куда больше.

Помолчав немного, Колька доверительно объяснил деду то, что не мог сказать при Марии Николаевне:

— Я от партизан, дядя Ануфрий, для доклада и донесения, ежели что случится.

— Отец направил, Михайло?

— Ага.

— Был у меня разговор... Так слушай: заметим кого — ты раз в кусты, в овраг, а то в арему — и нет тебя. А в одиночку кого встретим из беляков — держись возле меня, не робей, виду не подавай про боязнь.

— Я смелый. На Уфе который раз один сплю и дважды переpleываю ее — туда и обратно. Песню такую знаю: «Смело, товарищи, в ногу».

Деревня уже позади. Шагать по ровной луговой дороге стало легче. Только на душе у Ануфрия тревожные думы. Поручение Нестерихи — выпросить обратно у белых Чалуху,

которую они увели в Поползуху, считай, к самым Артям,— дело, конечно, подходящее.

Пока будет просить Чалуху, все приметит: где штаб, где пушки у колчаковцев расположены. Для партизан это важно. Отец Колькин, Михайло, вожак ихний, так и наказывал:

— На опасное дело, Ануфрий Иванович, идешь. Но знай: твое донесение поможет Красной Армии разгромить белогвардейский штаб в Поползухе.

Когда солнце выкатилось из-за высокой Саранушенной горы, Ануфрий с Колькой вброд переходили шумную Яман-Елгу. Через мельницу не пошли: место там как-никак опасное, может засада какая оказаться или посторонний недобрый глаз заметит. Спустились прямо в ивовые заросли. Ануфрий рзулу лапти. Колька броском за ним без шаровар. На том берегу умылись. Шагать стало ловчей.

Саранушку — маленькую лесную деревушку — обошли тряской болотиной.

Шагает дед Ануфрий и думает свои думы. «Царя спихнули с престола, а власть и богатство остаются у Гусевых да Пыжьяновых. Партизаны с большевиками в Каргах, Кирчигазе, в Азигуловой первыми раскусили это. В Сажино, в Манчаже и Артях буржуям не спится, зубами держатся за богатство. В Красноуфимске новая власть однако...»

Ануфрий прибавляет шаг. Колька не отстает. Он срывает то один, то другой цветок, спрашивает, как называется он. Старик думает о своем, отвечает коротко или невпопад. А когда Колька сорвал малиновый цветок и опять полез в вопрос, дед выложил:

— Это татарник. Красивый с виду цветок, а не ухватишь без осторожности. Буржуи, они такие же. С виду — шик, а подступиться нельзя, с тебя же сдерут последнюю лоптину. Война против них идет правильная. На партизанском сходе Михайло, отец твой, да Евсей Сморкалов так и объяснили: скоро народ станет хозяином всей земли, потому как Ленин, главный большевик, вперед зовет. Он знает все наскрозь. Опять же не один, а с партией, с народом, по-нашему сказать, — артельно.

К обеду стали подходить к кордону, притулившись на краю урманна возле Уфы. Ануфрий строго наказал Кольке:

— Помни нашу заповедь-уговор: ежели что, без оглядки беги в партизанский штаб. Да про пушку сказать не забудь.

— Про какую?

— Эх ты, разведчик,— Ануфрий тронул рукой отвисший козырек Колькиной фуражки.— Аль не заметил на Рахмат-горе, как блеснула

на солнышке. Беляки там как раз сторожат супротив симинчинской дороги. Как пойдут наши лугами — всех разнесут. Укажи место, упреди: засели бандиты на самом взлобке Рахмата. Не забудешь?

— Не-ет. А про ту пушку, которая за ельником, тоже сообщить?

— За каким ельником?

— А поближе к Куркам.

— Ну, молодец. Вострой у тебя глаз. А я ведь того, проглядел... Только то запомни: не робей в случае чего, виду никакого не показывай. Так, мол, и так, рыбачить пошел на Уфу, да с дороги сбился...

— Удочки же нет...

— Нако вот,— Ануфрий достал из кармана мохнатую волосяную лесу с большим, для налимов, крючком.— Главное — никакого виду. Иди, маленько поплеывай, а глазом все примечай. Сейчас самое опасное место будет: перевоз у беляков обязательно под охраной.

Шмыгнув носом, Колька оброрил:

— Понимаю, дядя Ануфрий.

— То-то. А сейчас идем за Чалухой. Поручение добрейшей старухи Нестера Сидоровича, кирчигазского богатоделателя...

Два миновали лес, на берегу Уфы заметили в дозоре белогвардейцев. Лопают просольскую брагу. Морды красные. Рядом винтовки — штыки вместе. Хорониться поздно. Ануфрий беззаботно посмотрел на паром. Сделал вид, что идет по делу не очень спешному. Колька запустил камнем в ворону, примостившуюся на сухостоине.

Ануфрий только приподнял войлочную шляпу с лохматой головы, хотел было поклониться «господам военным», как услышал строгий окрик:

— Стой, кто идет?!

Криворотый солдат, стоявший на посту, закинул винтовку на плечо, обшарил рваную одежку Ануфрия, осмотрел узелок с хлебом.

— Куда идешь? — стал допрашивать старика офицер с черными закрученными усами.— По какому делу посмел шляться в прифронтовой полосе?

— За Чалухой иду, ваше благородие,— заученно ответил Ануфрий.— А касаемо полосы фронта, так ведь седни один бог знает, где она: по пять разов на день меняется власть...

— Что это за Чалуху выдумал?

— Чалуха Нестерова, Нестера Сидорыча, дай бог ему здоровья, из нашей деревни он. Увели его Чалуху товарищи-господа для поездки в Поползуху, да и не возвратили. А мне Нестера Сидорыча жена, дай бог ей, благодетельнице, здоровья, поручила разыскать кобылку и привести домой.

Оглянулся дед Ануфрий, а Колька нет рядом.

Как и уговаривались, он незаметно нырнул в кусты и ниже кордона переплыл Уфу.

Подошел одиодеревенец Ванька Чурак, теперь колчаковец. Кивая на него, дед опять заговорил:

— Вы, господин офицер, просите вот этого человека. Он не даст соврать. Бок о бок робили у Нестера на полосе. Да и он знает, что Чалку ваши увели...

— Знаю,— зло буркнул Чурак,— увели у Нестера Чалку. Только и про другое мне доподлинно известно: ты, приплювь артинская, с партизанами путаешься! Может, ты спиёшишь по их указке?

— Иван,— Ануфрий медленно поднял голову,— да как ты мог сказать такое? За Чалухой, за Чалухой я иду, говорят тебе...

— Врешь! — Чурак вскинул винтовку на руку, округлил глаза.— Не пошел бы ты ради Чалухи в такую пору. Вот только вернемся в Кирчигаз, разберусь самолично во всем!..

Осыпав старика площадной бранью, Ванька обратился к офицеру:

— Ваше благородье, разрешите мне самолично отправить этого смутьяна в штаб в Поползуху. Там разберутся по всем правилам.

Усатый, махнув рукой, обронил: — Веди...

Чурак сильно толкнул Ануфрия в спину:

— Иди да не вздумай оглядываться, не то получишь...

Когда переправились через Уфу и пошлагали меж кустарников, Ануфрий сказал:

— Отпусти, Иван. Ведь ты бедняк и я бедняк. Стал быть, и дорога у нас одна. Скажу тебе правду: в нашем Кирчигазе красные никому вреда не делают, особенно заботятся о бедноте. У кого не было хлеба — дали. Ерме даже лошадь, хоть и хроменькую, дали.

— Смотри-ка ты! — Ванька опять ударил прикладом в спину Ануфрия.— А землицы они не обещают, лесу не сулят?

— Слыхал, будет и земля и лес всем поровну.

— Будет тебе земля, увидишь! Шагай, стерва!

Когда показали первые домики в овраге, Ануфрий еще раз попытался урезонить Ваньку:

— Отпусти, Иван. Мы же бедняки, и тебе нечего делать у Колчака. Он же буржуев собирает, поставит у власти, а нашего брата к ногтю. Да разве одолеть ему народ?

— Молчать! — Ванька опять ударил старика прикладом в спину.— Ты меня не учи, сволочь!

Три дня Ануфрия Ивановича Бурова держали белогвардейцы в амбаре под строгой охраной. Много раз выводили на допрос в штаб.

— Не знаю,— повторял Ануфрий одно.

Особенно лютовал усатый офицер с кордона. Он жестоко пытал старика, выбил ему глаз, переломил ногу.

— Говори! — шипел усатый.

— Не знаю, ничего я не знаю...

В последнюю ночь, отдышавшись на окровавленном полу, Ануфрий услышал тихий голос, доносящийся из тесного амбарного оконца:

— Это я, дядя Ануфрий. Колька... Бьют больно?

— А, Миколай... Ты потише, берись...

— Я узнал, где штаб и пушки.

— Скорей сообщи нашим. Пусть не теряют времени...

— Еще что сказать, дедушка Ануфрий?

— Скажи, погиб я... за правду ленинскую, за волю. Николаевне моей кланяйся...

— Давай убежим, дедушка! Тут доска одна скособочилась. А?

— Да уж где мне, Колька. Нога сломанная и силлов уж нету. Ты давай скорей к нашим, прямоком через Рахмат...

— Ага. Прощай, дедушка!..

Повезло Кольке: он нырнул в мокрую темень как раз до того, как Чурак пришел проверять, надежно ли охраняется Буров.

На следующий день белогвардейцы вывели Ануфрия из амбара. Старик, подпрыгивая на одной ноге, медленно двигался по Поползухе. Тот же усатый офицер хлестал плетью по исполосованной спине, направлял разгоряченного коня на Ануфрия, когда старик падал. В перелеске за оврагом остановились. Усатый заговорил:

— Землицы, видишь ли, захотел, партизанский шпион? Вот тут ты получишь три аршина,— спешившись, он сунул Ануфрию лопату.— Колай, да поживей!

Ануфрий выкопал себе могилу. Вскоре за оврагом прогремел выстрел...

...На высокой горе, где теперь расположен аэропорт, тогда разгорелся последний бой партизан с колчаковцами. Беяки были разбиты. Говорят, что в том бою был сражен партизанский пулей убийца Ануфрия — усатый офицер.

Там, где стояла Буровская избушка, через всю гору прошлым летом прошагали высокие опоры линии электропередачи.

Колька, коммунист Николай Михайлович Оболенский, не вернулся с Отечественной...

Но до сих пор хорошо помнят в Кирчигазе их — Кольку и деда Ануфрия.

АВТОР «КРАСНОЙ СТРАНИЧКИ»

Эта небольшая книжечка хорошо известна краеведам. Есть у нее подзаголовок — «Из истории IV Уральского полка». В ней описывается Далматовский бой, вспыхнувший у стен древнего монастыря 11 июля 1918 года, когда белогвардейцы рвались к Уралу.

Автор брошюры «Красная страничка» — участник боя, красноармеец Михаил Кашеваров.

Под знаменем IV Уральского полка Кашеваров сражался под Далматовым, Сухим Логом, Ирбитскими Вершинами, Нижним Тагилом, Кушвой. Красноармеец Кашеваров воевал с белогвардейцами и на Дальнем Востоке.

После демобилизации он работал в народной милиции, в Шадринском научном хранилище, которым руководил В. П. Бирюков, заведовал окружным архивом. Он писал статьи об установлении Советской власти на Урале, собирал и изучал революционный фольклор. В 1935 году в Свердловске вышла книга К. Боголюбова и М. Кашеварова «Песни уральского революционно-го подполья».

Во время Великой Отечественной войны М. С. Кашеваров снова надел солдатскую шинель — служил на санитарном поезде, а после ранений — в трудармии.

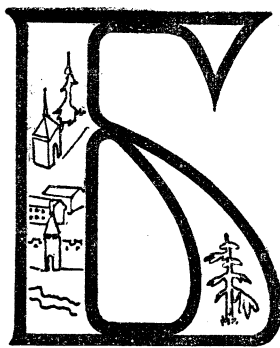
Умер М. С. Кашеваров в конце 1947 года.

Леонид ОСИНЦЕВ

Язык Земли

Краткий словарь географических названий Урала

Александр
МАТВЕЕВ

БАБКА, левый приток Сылвы, протекающий по территории Пермской области. Если *ка* является русским суффиксом, то основа *баб* может быть сопоставлена с татарским словом *баба* — «дед», «дедушка», которое в некоторых других тюркских языках выступает и в значении «отец».

Между Камой и Сылвой татарские по происхождению названия встречаются часто, а по притоку Камы Тулве татары живут и сейчас. С точки зрения значения в названии тоже нет ничего необычного (сравните: Айва, Анчуг). Значит, Бабка, как это ни курьезно выглядит, может оказаться Дедкой, а говоря серьезно — Дедовой, или Отцовой рекой.

К русскому слову «баба» название этой реки не имеет никакого отношения: тогда бы она звалась Бабьей.

БАЛАИР, левый приток Пышмы и село в Талицком районе Свердловской области. В татарском языке *бала* — «ребенок», «малыш», «сын», «дочь» (независимо от возраста), в роли прилагательного — «маленький», «молодой», *айыр* (диалектное) — «ответвление», «ветвь», «развилка». Таким образом, Балаир — «Ветвь малыша» или, скорее, — «Маленькая ветвь (реки)».

В языке барабинских татар, живущих в Западной Сибири, *бала елга* — «ручей», «родник» (дословно «маленькая речка»). И это подтверждает толкование «Маленькая ветвь (реки)».

БАРАБА, название двух сел в Свердловской области (в Артинском и Богдановичском районах). Еще недавно была деревня Бараба близ Камышлова. Есть населенные пункты с таким названием и в Курганской, Новосибирской, Томской областях. Но, пожалуй, самое интересное то, что наименование Бараба в Свердловской области нередко обозначает часть какого-либо населенного пункта. Так называется околочек (часть) села Знаменского в Ирбитском районе. Есть Бараба в городе Каменске-Уральском, а всего в Свердловской области обнаружено 10 таких Бараб. Фактически их, конечно, больше.

Происхождение этих названий помогает раскрыть диалектная лексика. В кунгурских и шадринских говорах отмечено слово *бараба* со значением «окраина села (города)». Поэтому становится понятной популярность слова в качестве наименования части населенного пункта.

Но откуда попало по всей вероятности заимствованное слово *бараба* в русский язык? Что оно первоначально обозначало? На эти вопросы до сих пор нет ответа, хотя попыток найти его предпринималось немало. Наиболее вероятно, что русское *бараба* и многочисленные топонимы Бараба как-то связаны с наименованием Барабинской степи (Барабы) и барабинских татар. Но тогда неясно главное: как произошел переход Бараба — «название рода (волости)» в *бараба* (Бараба) — «окраина». Можно, конечно, предположить, что западносибирская Бараба в первоначальный период завоевания Сибири казалась русским далекой окраиной, но и эту гипотезу трудно доказать.

Что касается происхождения тюркского собственного имени Бараба, то М. Т. Муминов видит в нем татарское слово *бараба* — «сойка». По его мнению, эта птица была тотемом рода Бараба.

БАРАНЧА, левый приток Тагила (Свердловская область). По нему назван рабочий поселок Баранчинский.

По сообщению путешественника XVIII века Гмелина, манси, некогда жившие в этих местах, называли Баранчу Еллинггя (современное мансийское Ялынггя) — «Святая река». Это позволяет исключить мансийский язык из числа возможных источников топонима.

В старинных документах упоминается остяцкое личное имя Баранча. Так как это имя по своим звуковым

Продолжение. Начало см. в № 1, 1978 г.

характеристикам очень походит на тюркское, а древние обско-угорские личные имена в значительной мере тюркского происхождения, источник топонима надо искать в одном из тюркских языков и прежде всего — в татарском.

Наилучшее объяснение предложено краеведом В. А. Ложкиным: Баранча из татарского *беренче* — «первый», поскольку это первый крупный приток Тагила, если считать от верховьев.

БАРДА, название нескольких рек в Пермской области (значительного правого притока Сылвы, левого притока Тулвы и правого притока Сайгатки). Есть еще река Бардым, приток Серги, на юго-западе Свердловской области (отсюда Бардымский хребет).

Напрашивается сравнение с башкирским *бярде* — «хариус», татарским *бярде* — «пескарь». Трудность в том, что бардымские татары, живущие по Тулве и ее притокам, называют реку только Барда, а хариуса — *пярде*. Суффикс *ым* тоже не поддается убедительному объяснению.

Кроме того, на Среднем и особенно на Южном Урале довольно часто встречаются небольшие речки с названиями Бердяш, Бердяшка, Бердянка (сюда же, может быть, Бердяуш), связь которых с башкирским и татарским *бярде* довольно вероятна, хотя происхождение элемента *яш* затемнено (если это не суффикс, то, возможно, из *бярде аш* — «хариусовая еда», «хариусовый суп»). Возникает вопрос, почему одно и то же тюркское слово по-разному передается в русском языке?

Наконец, надо иметь в виду еще одно близкое по звучанию тюркское слово — татарское *бяртяс* — «язь», башкирское *биргас* — «голавль».

Все это и заставляет относиться осторожно ко всем предложенным толкованиям.

БАСЕГИ, хребет в Пермской области между верховьями Усьвы и ее притока Вильвы. Различают вершины Северный, Средний (самая высокая точка — 993 метра) и Южный Басег.

Заманчиво сравнить с коми-пермяцким *басок* — «красивый», тем более, что Басеги действительно красивы. Но как объяснить в этом случае происхождение конечного *г* в Басег? Кроме того, коми-пермяцкое слово не может быть особенно древним, так как оно явно заимствовано из севернорусского *баской* — «красивый». Поэтому здесь есть еще пища для размышлений.

БАШКИРИЯ, Башкирская АССР — автономная республика в РСФСР (образована 23 марта 1919 года). Из этнонима (название народа) башкиры, который в арабско-

персидских источниках раннего средневековья приводится в формах башкард, башгард, баджгард, баджгурд, басджирт, башхарт. Упомянуты в этих источниках также горы Башхарт или Башкырт, обычно отождествляемые с Южным Уралом. Сами башкиры называют себя башкорт.

Насчитываются десятки попыток истолковать этот этноним. Основываясь на предполагаемом длительном сосуществовании башкир и мадьяр (венгров) в Предуралье, его сравнивали с мадьяр — «венгр» (в средневековых памятниках также маджгар, маджар), хотя для этого нет никаких оснований. Толковали как «пять племен» и т. п. Пожалуй, наиболее рационально объяснение из *баш* — «голова», «главный» и *корт*, *курт* — «волок», дословно «голова-волок» («главный волок?»), то есть одно из характерных для тюрков названий-тотемов. Если учесть этнографические данные о культе волка у тюркских народов, которые считали волка своим прародителем и покровителем, этот взгляд не кажется лишненным оснований.

БЕЛАЯ, наиболее значительный приток Камы, протекающий главным образом по Башкирской АССР. По-башкирски Агидел — «Белая река» в противоположность Карайдел — «Черной реке», как башкиры называют Уфу, крупнейший приток Белой. Трудно сказать, как возникло это противопоставление: может быть, потому, что воды Белой, быстрой реки, текущей меж высоких гор Южного Урала, чуть светлее, чем воды Уфы, а может быть, потому, что Белая течет с юга, со светлого полудня, а Уфа — с севера, с черной полуночи.

Русское название реки — Белая — в равной мере может быть калькой (переводом) как с башкирского, так и с татарского языка, в котором Идел — «Волга» (собственно «Река»), Агыдел — «Белая». В связи с этим любопытно, что в «Книге Большому Чертежу» 1627 года Белая фигурирует под названием Белая Воложка.

По реке получил название город республиканского (АССР) подчинения Белорецк. В 1762 году в верхнем течении Белой был основан Белорецкий металлургический завод. В 1923 году поселок Белорецкий завод стал городом.

БЕРЕЗНИКИ, город на левом берегу Камского водохранилища, крупный центр химической промышленности (Пермская область). Ког-

да-то на Каме был остров Березовый. Со временем протоку между островом и левым берегом реки затянуло песком. Это место стали называть урочищем Березники.

В XVI—XVII веках здесь начали добывать соль. Появились поселения солеваров — Дедюхино, Ленва и другие. В 1883 году здесь был сооружен содовый завод, названный Березниковским. Рядом прошла железная дорога на Соликамск, на которой появилась станция Березники.

В 1929 году началось строительство Березниковского химического комбината. В 1932 году на месте поселка содового завода Березники и близлежащих населенных пунктов — Дедюхино, Веретия, Зырянка и других — был образован новый социалистический город Березники.

БЕРЕЗОВО, поселок городского типа, центр Березовского района Ханты-Мансийского национального округа. Расположен на левом берегу Северной Сосьвы. Основан русскими казаками в 1593 году (город Березов). Имя свое получил по бывшему здесь до прихода русских городку, который ханты по данным «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера называли Сугмут-ваш, манси — Халь-уш (современное хантыйское Сумят вош, мансийское Халь ус или Хальп ус) — «Березовый город».

БЕРЕЗОВСКИЙ, город областного подчинения в Свердловской области.

В 1745 году крестьянин Ерофей Марков нашел золото в окрестностях села Шарташ. Первый рудник в этих местах — Шарташский — возник в 1748 году, второй — Березовский — в 1752 году. Название свое он получил по реке Березовке, правому притоку Пышмы. Чуть позже здесь же возник золотопромышленный Березовский завод. Постоянное селение существует с 1754 года. В 1938 году рабочий поселок Березовский стал городом.

БИЛИМБАЙ, рабочий поселок к западу от города Первоуральска (Свердловская область). Расположен на правом берегу реки Чусовой у устья реки Билимбаихи (Билимбаевки). Есть предание, что до основания в 1730 году Билимбаевского чугуноплавильного завода здесь жил татарин или башкир Билимбай, по имени которого и был назван завод. Хотя имеются сведения, что Билимбаиха в старину называлась Теленбайхой и Теленбайкой, больше оснований исходить из формы Билимбай. Во-первых, в Очерском районе Пермской области есть деревня Билимбаиха, якобы основанная в XVIII веке выходцами из чусовского Билимбая, принудительно направленными в эти места для строительства нового завода, но бежавшими от насилий хозяев в глухие леса. Во-вторых, в Талицком рай-

оне Свердловской области есть урочище Билимбаиха.

Очень вероятно, что в основе здесь тюркское личное имя, составленное из слов *белем* — «знание» и *бай* — «богатый», то есть «богатый знаниями». Имена такого типа в башкирском и татарском языках обычны. Таковы, например, башкирские Бюлякбай — «богатый дарами», Алтынбай — «богатый золотом», Кунакбай — «богатый гостями».

Территориально здесь, однако, скорее следует ждать татарское слово, чем башкирское. Так как татарское *e* представляет собою нечто среднее между русскими *э* и *и*, Белембай в русском языке могло восприниматься, как Билимбаи. Впрочем, и в некоторых татарских говорах звук *e* переходит в *и*, так что форма Билимбаи могла возникнуть и в языке-источнике.

БИСЕРТЬ, правый приток Уфы (Свердловская область). По реке получила название Бисертская крепость, основанная в 1735 году, и Бисертский железоделательный завод, построенный в 1761 году (ныне рабочий поселок Бисерт).

Одно из самых интересных и загадочных названий Среднего Урала. Есть две основные версии его происхождения.

Некоторые ученые считают его пермским, то есть родственным коми и удмуртскому языкам. Они выделяют компонент *серть*, поскольку, кроме Бисерты, есть еще названия Сысерть и Кишерть и сравнивают его с коми *сьорт* — «сырое место в долине реки, поросшее кустарником». Кроме того, Кишерть можно сопоставить и с коми *кишор* — «каменный ручей», правда, это уже исключает сравнение с *сьорт*.

Но оставшаяся часть *би* в коми языке означает «огонь», и было бы очень странно толковать Бисертть как «Огненная река». Географический термин *сьорт* в названиях рек в коми языке тоже неупотребителен. Наконец, есть большие основания видеть в конечном *-ть* русскую добавку уже потому, что местное татарское население называет реку Бисертть — Бисер. В этом случае *t* могло возникнуть в русском языке в прилагательных типа Бисертский, Сысертский, образованных от названий Бисер, Сысер. Действительно, между длительными согласными (какими и являются *s* и *r*) в русском языке иногда развивается вставное *t* (сравните русские диалектные *ндрав*, *страм* вместо *нрав*, *грам*). А из форм Бисертский, Сысертский и были получены Бисертть, Сысерть.

За это предположение и такие факты: есть река Бисер, приток Койвы (на ней рабочий поселок Бисер Пермской области) и река Бисера в верховьях Вятки — это уже в Кировской области.

Так что коми *сьорт* не стоит привлекать для объяснения гидронима Бисертть. Совсем другое дело — выделить здесь элемент или формант, как говорят топонимисты, *-сер*. Очень похоже, что такой формант *сер* или *чер* часто встречается в Приуралье в названиях рек (сравните коми гидронимы Висер, Ньысер, Тымсер и русские Печера — современное Печора, Очер, Янчер).

Такие видные специалисты по коми языку как В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев даже приводят в своем «Кратком этимологическом словаре коми языка» слово *сер* — «река», которое употребляется только в топонимах. Но нет сейчас такого слова в коми языке, да и по-прежнему непонятно, что такое *би* в начале слова Бисертть. Поэтому вполне может быть, что все эти названия на *сер*, *чер* вовсе не пермские, а принадлежали какому-то другому народу.

Другая версия сводится к попытке связать названия типа Бисер(ть) с венгерскими данными. Хорошо известно, что венгры жили некогда где-то на Урале (их ближайшие родичи — манси) и что они, захваченные потоком переселения народов, только в IX веке нашей эры оказались на Дунае. Следы предков венгров — протомадьяр — ищут и в Башкирии и в собственно Прикамье. Между тем в венгерском языке «вода — *виз*, «поток воды» — *визар*, *визер*.

Обратимся теперь к топонимии Приуралья. И кроме Бисерты, Бисера, Бисеры обнаруживаем еще Бизяр (приток Бабки) и две реки Бизь в бассейне Сылвы. Случайно ли все это? Очевидно, нет. Однако протомадьярский вариант — только гипотеза, против которой тоже много контраргументов — это и три Вишеры, о которой мы расскажем в словарной статье Вишера, и река Бисерка в бассейне Оки, и сам факт существования целой серии названий на *-сер*, *чер* (а ведь у нас Виз-ер!).

Короче говоря, во всем этом пока больше неясного, чем ясного, но первые наблюдения обнадеживают, и по ним можно сделать вывод, что Бисертть и вся родня этого названия окажется ключом ко многому в Приуралье. Во всяком случае в Зауралье таких названий нет.

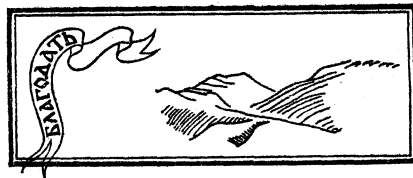
БИЧУР (БИЧУРСКОЕ), село в Артемовском районе Свердловской области по реке Бичурке (бассейн Ирбита). Урочище Бичурайка есть и в Камышловском районе той же области. Из татарского *бичура* — «домовой».

БЛАГОДАТЬ, гора на Среднем Урале близ города Кушвы (Свердловская область) — богатейшее месторождение магнитного железняка. О нем сообщил в 1735 году манси Степан Чумпин. Фактически гора была открыта отцом Степана — Ани-

симо Чумпиным, который умер в 1734 году.

В том же 1735 году В. Н. Татищев лично отправился осмотреть вновь открытое месторождение и, как он записал в своем путевом журнале 9 сентября, «я, видя, что оное сокровище подлинно можно благодатью... назвать, того ради... назвал Благодать, которое значит собственное имя ее императорского величества». В. Н. Татищев имел в виду царствовавшую тогда императрицу Анну Ивановну, имя которой Анна по толкованию святцев означает по-древнееврейски «благодать».

Еще одна гора Благодать есть в окрестностях Юговского завода к югу от Перми.

БОГДАНОВИЧ, город областного подчинения в Свердловской области. Первоначально железнодорожная станция на дороге Екатеринбург — Тюмень, построенная в 1883—1885 годах, а с 1935 года — рабочий поселок, с 1947 года — город. Станция была названа в честь генерала Евгения Васильевича Богдановича, военного деятеля и дипломата второй половины XIX — начала XX века, который поддерживал и пропагандировал идею «Великого Сибирского пути». Е. В. Богданович был ярким монархистом и ловким придворным, заслужившим от современников прозвание «Великого лицемера».

БОЛВАНОВИЗ (точнее, очевидно, было бы БОЛВАНОВИЗ), гора в верховьях Печоры. На одной из ее двух вершин возвышается семь высоких (до 30 метров) каменных скал-останцев в форме столбов, видных на очень большом расстоянии. Есть еще скала Бѣлбана из по реке Язьве в Красновишерском районе Пермской области, где живут коми-язьвинцы.

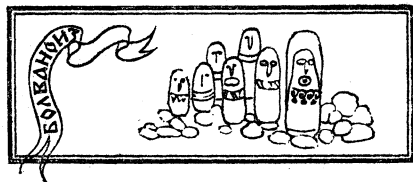
В коми-зырянском языке *болбан*, *болван* — «болван», прилагательное *болбана*, *болвана* — «болванский», поэтому Болвановиз (как и коми-язьвинское Бѣлбана из) — «Гора болванов», или «Болванская гора». Еще одно аналогичное название Балбанты (Болбанты?) — озеро в верховьях реки Хулги на Приполярном Урале — надо переводить с коми-зырянского языка «Болванское озеро». Но в этих обоих случаях имеется в виду не болван в общеизвестном оскорбительном смысле, а истукан, каменный столб, идол (каменный или деревянный). Такое значение, кстати говоря, известно и русскому языку. В толковом словаре В. И. Даля читаем: *болван* — «истукан, статуя, идол, языческий изваян-

ный бог». А в русской топонимии засвидетельствованы названия Болванский Нос (мыс) и Болванская Сопка.

Коми-зырянское слово в обоих его значениях заимствовано из русского языка, но и русское слово пришло из дальних краев: в его основе древнетюркское *балбал* — «надгробный камень», «памятник» или казахское и узбекское *палван*, турецкое *пяхливан* — «борец», «силач», «герой», в свою очередь заимствованное из персидского *пяхливан* — «герой», «борец». Развитие значений могло происходить так: герой — памятник герою — истукан, идол — болван (ругательство). Так что от героя до болвана иногда путь не столь уж далек.

Замечательно, что старожильческое русское население в деревнях по верховьям Печоры называют каменных идолов Болваноиза Богатырями, перенося на Северный Урал былинные образы.

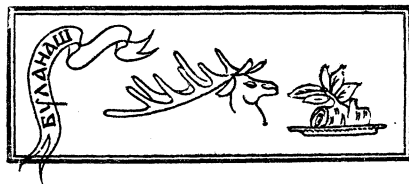
Однако наиболее интересны мансийские предания. Манси именуют Болваноиз Мань-пупыг-нёр, то есть «Малая гора идолов», а сами болваны — *ёрн пупыгыт* — «ненецкие идолы». По легенде, отражающей древние столкновения манси и ненцев, великаны-самоеды решили пойти на манси войной. Поднялись они на одну из вершин в верховьях Печоры и увидели невдалеке страшного в своем гневе Тагт-талых-ялпынг-нёр-ойку — «Святой старик Урал в вершине Северной Сосны», более известный картографам как Сосвинский Молебный Камень, или Сосвинский Ялпынг-нёр. И превратились великаны в каменные столбы. Так они теперь там и стоят.

БРОДОКАЛМАК, село на востоке Челябинской области. Находится на берегу реки Течи (приток Исети). Село было основано на урочище Калмацкий брод и получило от него название в несколько измененной форме (первоначально — Бродокалмацкое). Калмацким брод назывался потому, что калмаки (кальмыки), жившие в XVII веке в верховьях Иртыша и Оби и нападавшие на башкирские и русские селения на Южном и Среднем Урале, обычно именно здесь переправлялись через Течу.

Были и другие урочища с названием Калмацкий брод: через Пышму, Бродовку (приток Нейвы), Исеть. Свердловчанам будет интересно узнать, что еще несколько десятков лет тому назад Калмацким бродом называлось место на берегу Исети, где сейчас расположен всем извест-

ный дачный поселок Гать. Именно об этом Калмацком броде писал Г. Ф. Миллер, повествуя о событиях XVII века в своей «Истории Сибири»: «Говорили также, что видели калмыков, переправившихся через реку Исеть у Исетского озера, и направлявшихся в сторону русских слобод».

БУЛАНАШ, рабочий поселок к юго-востоку от города Артемовский в Свердловской области. Назван по речке Буланаш, левому притоку реки Ирбит. Наименование речки татарского происхождения: *болан* — «олень», *аш* — «еда», то есть «Оленья еда».

БУНАР, гора между верховьями Тагила и Нейвы. Здесь начинается река Бунарка — левый приток Нейвы. В литературе засвидетельствованы также варианты Бынар и Бынарка.

Из-за ударения на последнем слове напрашивается прежде всего сравнение с тюркскими языками, например, с турецким диалектным *бунар* — «родник, источник». Это слово могло со временем исчезнуть в местных тюркских наречиях, но сохраниться в других тюркских языках, вообще очень близких друг к другу. Однако возможно здесь в основе мансийское сложение с компонентом *-нар* — «гора»: сравните современное мансийское *нёр* — «скалистая гора, хребет» и название горы Качканар.

БУРИБАЙ, рабочий поселок на юго-востоке Башкирской АССР (Хайбуллинский район). По-башкирски Бюребай с совершенно прозрачным толкованием «Повелитель волков» или «Богатый волками» (*бюре* — «волк»). Скорее всего это широко распространенное тюркское личное имя, известное у башкир, казахов, узбеков.

«Волчьи» имена в старину нередко давались новорожденным, если дети часто умирали. Такое имя должно было охранять ребенка, отгонять от него напасти — это профилактическое имя. По древним языческим верованиям, характерным не только для тюрков, но и для других народов, в частности, славян, само название такого страшного зверя, как волк, обладало особой силой.

БУРМАНТОВО, деревня на берегу реки Лозьвы в Ивдельском районе Свердловской области. До революции самое северное русское поселение в этих местах. Основано в конце XIX века Никитой Бурманто-

вым, выходцем с реки Колвы. Бурмантов — распространенная фамилия среди русских старожилов на Северном Урале, но она явно коми-зырянского или коми-пермяцкого происхождения и восходит к более раннему Бурмортов, зафиксированному среди пермяков в актах XVII века.

В коми языке сочетание *бур морт* означает «добрый человек». Переход Бурмортов — Бурмантов — Бурмантов легко объяснить на почве русского языка, который «не любит» двух *р* в одном слове: именно поэтому из *февраль* (сравните латинское название этого месяца *февруариус*) в конце концов получился февраль, а из *рекрут* — в просторечном произношении даже *некрут*.

Есть и еще одно интересное свидетельство. На севере Пермской области и сейчас существуют две деревни с названием Лекмортово, причем одна из них по переписи 1623/1624 годов названа Лекморт. Между тем *лэк морт* в коми языке — «недобрый, злой человек». Таким образом, эти два толкования хорошо гармонируют и поддерживают друг друга.

БУТКА, село на юго-востоке Свердловской области южнее города Талицы. В этих же местах есть деревня Буткинское Озеро. Название населенных пунктов производны от наименования реки Бутки, правого притока Беляковки, в свою очередь впадающей в Пышму.

Село Бутка (первоначально Буткинская слобода, затем село Буткинское) находится на правом берегу Беляковки значительно выше устья Бутки. Дело в том, что сперва Буткинскую слободу по указу 1676 года хотели построить в устье Бутки, однако это заболоченное место оказалось неудобным, и слободу построили выше по течению Беляковки, сохранив наименование Буткинская слобода.

Среди жителей этих мест бытуют две легенды о происхождении названия села. В одной говорится, что первый житель поставил на берегу Беляковки будку, где и жил. Из слова *будка* будто бы возникло Бутка. Другая легенда гласит, что первые жители в этой болотистой местности вынуждены были «збутить» болото, то есть заваливать его камнями и землей. Обе эти легенды — поздняя выдумка, так как в той же царской грамоте 1676 года говорится о постройке слободы «на усть Бутки речки».

Название Бутка, как установил П. Т. Поротников, тюркского происхождения и связано с татаро-башкирским *бутка* — «каша», которое имеет и вторичное переносное значение — «беспорядок», «неразбериха». Название это явно дано за болотистый характер местности, особенно в стороне Буткинского озера.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ЧУГУЕВСКИЕ КАЗАКИ

**Василий
ЮДИН**

Среди последних документов, подписанных Петром I в конце 1724 года, было и распоряжение о выдаче очередного жалования казачьим войскам, состоявшим на государевом коште,— Малороссийскому, Донскому, Яицкому, Терскому, Гребенскому и Чугуевскому.

Наиболее крупным казачьим войском было Малороссийское с его знаменитой Запорожской Сечью. Оно насчитывало 60 тысяч человек — 10 полков. А самым маленьким, совсем крохотным, можно сказать, было Чугуевское войско, которое держало в строю всего 214 сабель.

В 1638 году запорожские казаки восстали против засилия и притеснений польской шляхты. Борьбу возглавили атаманы Яцко Остряница и Карп Скидан. Но неравными были силы, и паны одолели казаков. Потерпев поражение, Яцко Остряница с остатком своего войска перешел русскую границу и послал в Москву гонцов с просьбой о принятии казаков-переходцев под царское покровительство и на русскую службу. Царь Михаил Федорович принял челобитную благосклонно и особым указом разрешил «гетману Яцки Остренину с сыном и товарищи» поселиться на Чугуевом городище на вечное житье.

С той поры, как образовалось Крымское ханство, русские земли часто подвергались опустошительным набегам южных соседей — татар. Московские князья возводили оборонительные рубежи, закладывали станицы и остроги, пустынные земли Дикого поля заселяли казаками — беглыми холопами-переселенцами, которые и составляли гарнизоны порубежных крепостей и городов.

Чугуево среди порубежных крепостей упоминалось еще при Иване Грозном. Но к концу XVI века поселение было заброшено и стало называться Чугуевым городищем — местом, где стоял когда-то город.

Между тем, именно через Чугуев проходил основной путь, по которому крымцы совершали набеги на южные города Руси. И отсутствие надежного заслона здесь серьезно беспокоило московского царя. Летописец отметил эту озабоченность: «а только государь и великий князь всяя Руссии Федор Иоаннович велит город поставить на Донцы на Северском, на

Чугуево городище». Однако возрождение города затянулось, так как не находилось охотников жить на столь беспокойном и опасном месте.

20 февраля 1626 года царь Михаил Федорович писал князю Григорию Тюфякину:

«Послал бы служилых, жилецких, охочих и иных людей, стрельцов и казаков на Чугуево, земляные и деревянные крепости велел бы поделат...»

Князь Тюфякин не выполнил царского наказа. Вскоре он проворовался и угодил в тюрьму. На Чугуевом городище ветер по-прежнему играл пеплом. И тут подвернулся Остряница со своими казаками, закаленными в боях, но обездоленными и бесприютными, с семьями и скрабом, готовыми жить, где укажут, и служить на любых условиях. Они быстро возродили Чугуев. Обнесли его крепкой каменной стеной и рвом, слепили хаты, вырыли погреба, построили храм. Им отвели пахотные земли, покосы, лесные угодья и рыбные ловли.

Местные власти встретили «нововыезжих черкасов» недоброжелательно. Белгородский воевода прислал чугуевским казакам, словно на смех, пушку, «из которой стрелять не мочно». И только было собрались казаки перевести дух и воспользоваться предоставленными им благами, как появились татары. Орда подступила небольшая, на укрепленный Чугуев напасть не решилась, но окрестности она опустошила основательно. Яков Остряница повелел казакам подыматься в поход, чтобы отогнать крымцев. И случилось неожиданное: чугуевцы воспротивились, взбунтовались и в слепом гневе убили своего атамана.

Гонец на взмыленном коне привез худую весть в Москву. Царь рассердился. Над чугуевцами нависла неотвратимая угроза жестокой расправы и опалы. Но они сами скоро опомнились, похватили зачинщиков смуты и под давлением старшин на кругу покаялись и приняли суровую «поручную запись». Она не оставяла казакам выбора и не допускала впредь никакого своеволия. В записи говорилось, что «...чугуевские полковые казаки поручились... жить на

Чугуеве и служить государеву... казачью службу всякую... и с Чугуева не сбежати, и государю не изменять, и в Крым, и в Ногаи, и в Литву, и в Немцы не отъехати, и государева денежного жалования и коробина, и пороху, и свинцу несть и не пропить, и не проворовать, и в карты и в зернь не играть, и вином и табаком не торговать...»

И впредь чугуевские казаки несли государеву порубежную службу старательно и самоотверженно, прославились лихостью и отвагой и совершили немало ратных подвигов во славу Отечества.

А служба в Чугуеве была очень беспокойной. Почти каждое лето нападали крымцы, и по тревожному набату дозорного колокола приходилось оставлять работу в поле и браться за оружие. Бывало, враг наваливался такой силой, что на защиту крепости и примыкающей к ней слободы вставали не только строевые казаки, но все, кто мог держать оружие, даже жены и дети — с вилами, дубьем... И из каждого сражения чугуевцы выходили с честью. В 1642 году белгородский воевода князь Горчаков доносил царю: «...под городом с твоими московскими стрельцами и со всякими чугуевскими служилыми и жилецкими людьми был бой. И божеу милостью...» татар от города отбили, слободы же не дали. И татары пошли от Чугуева. И я послаа за ними в поход».

Летом следующего года чугуевцы отразили несколько нападений и устояли даже против двухтысячной орды. Они «татар громили и многих побии и ранили и в реке потопили... и полону 34 человека, их лошадей со 100, коров 300, да животины отбили...»

Осенью 1644 года вместе с русской армией ходили в Крым и чугуевские казаки. Недавняя вина была прощена, и с 1645 года их стали именовать царскими кормовыми чугуевскими казаками. В 1668 году им пожаловали полковое знамя, и этим было официально засвидетельствовано рождение Чугуевского казачьего полка.

Городом стал Чугуев. Под защитой отважного гарнизона крепости в окрестностях селились хлебопашцы и виноградари. Развивались здесь ремесла и торговля. На многолюдные и богатые ярмарки в Чугуев съезжались из дальних мест.

В 1679 году под водительством полковника Григория Донца Чугуевский полк разгромил десяти тысячную неприятельскую армию и отбил захваченные татарами «и полон, и животинные стада, а шел за ними до Берестовой, оттуда и воротился, потому что далее уже идти было нельзя — слишком уже орда большая».

Спустя три года чугуевским казакам поручили «строить на Изюме город большой», и они построили его

быстро и добротню — крепости возводить они умели.

Заслуги и боевой опыт чугуевцев высоко оценил молодой Петр I. В 1698 году он упразднил все городские казачества, но три сотни чугуевских казаков оставил. Более того, он указал «чугуевских казаков в подушную (для обложения налогами) перепись не класть, а только для ведома: служилых же казаков детей и племянников писать на вакансии в их службу». В 1700 году на государственной службе числилось 446 чугуевских ратников.

Чугуевский казачий полк Петр I выделял своим вниманием и доверял ему самые ответственные операции. 28 сентября 1708 года в сражении у деревни Лесной Петр I поставил чугуевцев в тылу русской армии с приказом стрелять в любого, кто попытается перед шведами, включая и его самого. Но эта крайняя мера не понадобилась. Шведская армия была разгромлена и Чугуевский полк бросил на преследование ее остатков.

Чугуевцы участвовали в Семилетней войне, ходили в Пруссию и провели в боях и походах десять лет. Екатерина II дала Чугуевскому полку лестную характеристику: «знаменитый стройностью и прославленный победами во многих прусских походах». Но эта царская любовь обернулась и приговором, уничтожившим остатки былой казачьей вольности.

Перед новым 1770 годом в полк прислали офицеров-дворян, и он стал обычным регулярным полком русской армии. Вскоре его направили против пугачевцев, под крепость Татищеву, затем на Волгу. Однако чугуевцы, среди которых было немало потомков сподвижников Булавина, не показали должного усердия в карательных экспедициях, и полк отвели на отдых, а некоторых офицеров уволили в отставку.

Зато в боях за независимость Родины чугуевцы дрались с неизменной лихостью и отвагой. Они сражались под Очаковым, штурмовали Измаил. Донесения тех лет сохранили имя чугуевского казака Федора Иванова, который с товарищами при штурме Измаила захватил турецкую батарею с пятью пушками и четыре вражеских знамени и получил из рук А. В. Суворова награду...

А затем наступили кошмарные времена: в 1817 году славный и вольнолюбивый Чугуев был объявлен окружным центром аракчеевских военных поселений. Всех чугуевцев, от мала до велика, зачислили в солдаты и, оторвав от семей, от земли, от хозяйства, заставили с утра до вечера маршировать, выкидывать артикулы. Доведенные до отчаяния, чугуевцы отправили челобитную царю:

«Прибавь нам податей, бери с каждого дома по сыну на службу, отбери у нас все и выведи нас в степь; мы безропотно подчинимся,

у нас есть руки, мы и там возьмемся за работу, и там будем жить счастливо, только не отнимай нашей одежды, обычаев отцов наших, не делай всех нас солдатами».

Царь велел отыскать смутьянов — авторов письма. Чаша терпения переполнилась, и чугуевцы восстали. Они потребовали ликвидации военных поселений, перебили ненавистных начальников, выбрали своих и захватили власть в городе. Аракчеев сам прибыл в Чугуев во главе карателей. Будущий декабрист М. И. Тургенев, находившийся в Чугуеве в те трагические июньские дни 1819 года, был свидетелем свирепой расправы над восставшими: «Матери бросались со своими малолетними детьми под ноги кавалерии, присланной для подавления, решившись быть раздавленными, чем опять впасть в рабство».

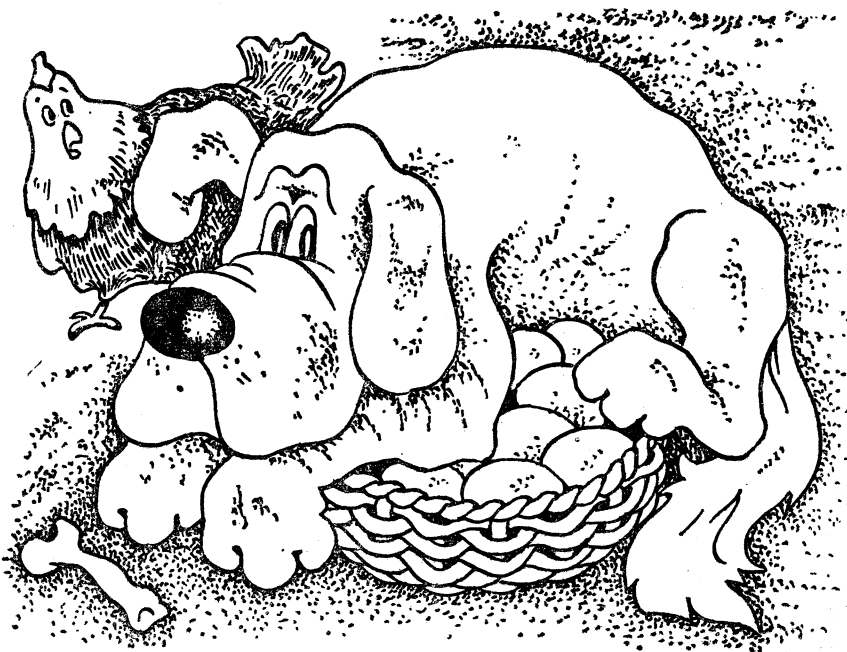
По приказу Аракчеева в Чугуевском и Таганрогском полках арестовали две тысячи солдат. 275 из них военный суд приговорил к смертной казни, 235 — к ссылке в оренбургские крепости. По милости царя казнь заменили шпицрутенами. В Чугуеве на глазах у несчастных жен и детей устроили кровавую порку. Каждый помилованный 24 раза был проведён сквозь строй в 500 солдат. Многих засекали насмерть. Расправа продолжалась десять дней. Прогрессивная Россия содрогнулась, узнав о чугуевском злодеянии. А. С. Пушкин отозвался об Аракчееве едкой эпиграммой:

**В столице он — капрал,
В Чугуеве — Герон;
Кинжаал Зандова
Веаде достоин он.**

ДОБРЫЕ ЗВЕРИ

**Владимир
МЕЗЕНЦЕВ**

Рисунки
С. Ашмарина

Чувства животных. Что мы о них знаем? Наверное, совсем немного. Если о рассудочной деятельности (конечно, в ее элементарной форме) многих обитателей суши и моря исследователи накопили уже немало фактов и выводов, то мир эмоций у «братьев наших меньших» еще ждет своих первопроходцев.

Ждет пристального непредубежденного взгляда и глубокой научной оценки.

Оценки конкретной. Как-то незаметно, но твердо укоренился по- существу неправомерный для науки взгляд: все или почти все поступки животных объяснять инстинктами, ответной рефлекторной реакцией.

А если говорить об эмоциях животных, то они известны: это испуг и страх, раздражение и гнев; может быть, еще любопытство и ненависть. Чего же боле? А доброта, любовь, печаль, сострадание...

Наконец, даже чувства красоты, благородства, справедливости? Нет, что вы! Это уже не что иное, как субъективные представления, желание и стремление увидеть в поведении животных свойственное нам самим.

Что-то ненаучное. Ненаучное... А, собственно, почему? Не лежат ли в основе любой науки опыты и факты, взятые из окружающего нас мира? Те самые факты, которые, как свидетельствует вся история наших знаний, являются воздухом ученых. Разумеется, в конечном счете дело сводится к обобщению фактов, к научным умозаключениям. Но их-то как раз всегда предостаточно! Из одних и тех же делаются нередко самые различные выводы. И как часто здесь, увы, не последнюю роль играет небезызвестный афоризм: «Результат зависит от точки зрения».

Нет спора: в основе психической деятельности животных лежит механизм рефлекса — ответная инстинктивная реакция организма на те или иные воздействия. Но разве мы не видим во многих и многих случаях того, что выходит за рамки инстинкта? Нередко на этот вопрос следует категорический ответ — не выходит. Каждый необычный факт, наблюдение отвергаются только потому, что они противоречат утвердившемуся мнению. А проблема остается, остаются сомнения, поскольку традиционные объяснения поразительных случаев поведения животных далеко не всегда убеждают.

Впрочем, как говорят философы, истина всегда конкретна. Перейдем и мы к фактам.

Наверное, все помнят, как погиб воспитанный в семье Берберовых лев Кинг. Его гибель пережили все члены семьи. Но, как оказалось, больше всех смерть Кинга потрясла собаку, жившую у Берберовых. Она умерла через несколько дней. Вскрытие показало, что причиной был обширный инфаркт сердечной мышцы.

Сердце «зверя» не выдержало боли утраты...

О собачьей верности ходит по свету множество историй. Трудно допустить, что все они — одни выдумки. Кто из нас не слышал о собаках, сохраняющих удивительную преданность своим давно погибшим хозяевам.

...Многие годы пес приходит на побережье и ждет возвращения утонувшего рыбака. Другая собака столь же длительное время приходит на трамвайную остановку и всматривается в лица сходящих пассажиров — не придет ли на этот раз ее единственный друг, который обычно приезжал сюда с работы. Не дождав-шись, она понуро бредет домой; где ей знать, что человек погиб.

На Личановском кладбище во Львове есть надгробный камень, на котором изображены собаки. Уже никто не помнит имени и фамилии умершего; время стерло надписи на камне, но память о том, что с могилы этого человека не пожелали уйти две его собаки и здесь погиб-ли — жива в народе.

Сжившись с человеком, наши четвероногие друзья показывают порой такие примеры сообразительности, что чувствуют (понимают, видят!) предательство своих хозяев заранее. «Никак не могу поверить», — пишет автор прекрасной статьи «Собачья жизнь» С. Старикович, — что человеческая речь, жесты и мимика для толковой одеренной собаки толь-

ко тогда имеют значение, когда отдаются команды, когда звучит сигнал, вызывающий якобы лишь рефлекторные действия. И сколько бы ни упрекали меня в антропоморфизме, все же расскажу об одном случае. Когда моя семья переехала в новый дом на окраине Москвы, вокруг еще стояли хибарки с садиками. Дни их были сочными — район быстро застраивался. Когда владельцам одной из хибарок предложили благоустроенную квартиру, они затеяли спор: брать ли с собой овчарку, долго и верно сторожившую их сад и имущество. Спор длился не один день. И закончился он плохо — собака умерла.

Могут сказать, что она умерла от старости и от голода. Но почему она отказалась от еды? Почему она тоскливо глядела на хозяев, а те стыдливо отворачивались от укоряющих собачьих глаз? По-моему, пес понял, что происходит и не смог пережить предательства».

Конечно, при желании, при определенном складе мышления о таких «душеспипательных» историях можно всегда сказать: явное преувеличение, домыслы! Но что вы скажете о свидетельстве человека, которого уже никак нельзя обвинить в незнании того, о чем он говорит. Ветеринарный врач Московского цирка Б. Н. Визиров, лечащий зверей более четверти века, в интервью «Неделе» на вопрос, часто ли болеют животные, ответил:

— Все как у людей. И болезни те же: грипп, желудок, нервы... Да, да, нервы!

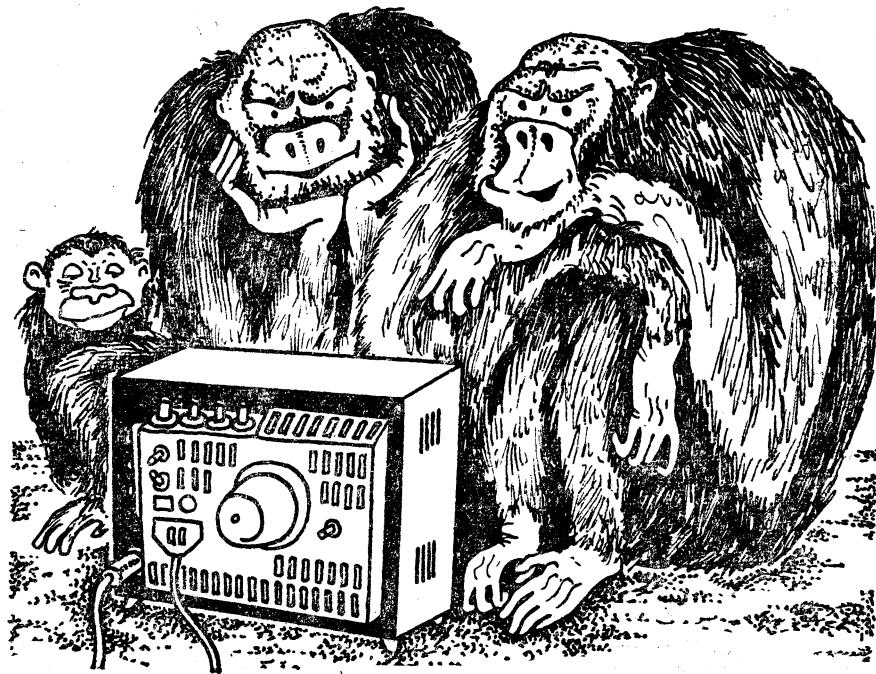
Повышенная нервозность проявляется у зверей при работе с нервными дрессировщиками, а у домашних собак — вследствие нервозности их владельцев. Все домашние невзгоды, натянутые отношения в семье собаки очень тонко чувствуют и тяжело переносят, в результате — злокачественные опухоли. Как правило, они возникают у комнатных собачек в возрасте пяти-шести лет. Охотничьи, сторожевые и беспородные псы нервничают реже.

Вот так!

Доброта в мире животных... Та, которая вряд ли помогает процветанию рода и даже противоречит велениям инстинкта. Существует ли она?

Вот о каком поразительном случае рассказывает зоолог Д. Рекассель. В жаркий полдень пришло на водопой стадо антилоп импала. Одну из них схватил крокодил. Трагический исход был бы делом минуты, если бы не мирно дремавший в воде бегемот. «С сердитым фырканьем он устремился к месту неравной схватки, вздымая волны, словно приличная канонерская лодка, — пишет ученый. — Крокодил, естественно, не стал дожидаться рукопашной со столь грозным противником, предпочитая скрыться в мутной глубине».

Дальнейшее было еще более удивительным. Бегемот подтолкнул носом импалу подальше от воды и... принялся зализывать раны антилопе. «Редчайший случай в животном мире — самое настоящее проявление милосердия, причем к представителю совершенно иного вида! Увы,

помощь пришла слишком поздно. Через полчаса антилопа умерла от шока и потери крови...

А бегемот еще четверть часа оставался около нее, отгоняя слетевших грифов, пока, наконец, палящее солнце не загнало его обратно в речную прохладу.

Пожалуй, здесь стоит вспомнить «шкалу умственного развития», которую составил швейцарский зоолог А. Портман. По этой шкале за человеком (214 баллов) идет дельфин (195 баллов), третье место ученый отводит слону (150 баллов), четвертое — обезьяне (63 балла); затем идут зебра (42 балла), жираф (38 баллов), лиса (28 баллов), а самый глупый, по оценке Портмана, — бегемот, у него только 18 баллов. Но вот, как мы уже видели, на что оказался способен этот «глупый» зверь!

Бывалый швейцарский охотник на слонов Нансен рассказал о случае из своей практики:

— Однажды я убил слона. Когда животное упало на землю, я с изумлением увидел, что у него не было хобота, — он атрофировался, очевидно, еще в детстве... А ведь слоны в состоянии есть и пить, только помогая себе хоботом. Как же он жил? Объяснить можно только одним: о нем заботилось стадо. Насколько же у них развито чувство стадности и взаимной выручки? Слону было не меньше пятидесяти лет, и все это время стадо кормило его и поило...

Здесь, конечно, можно сослаться на «закон рода» — помогать друг другу, чтобы выжить. Но как это выглядит убедительно! У владык джунглей исследователи обнаруживают явный ум. Разве не естественно ожидать от них и таких качеств, как доброта и сострадание.

«Приведу несколько записей, сделанных в разное время, — пишет В. Песков. — Эти факты не нарушают закона о «жестокое нраве природы», однако они не вполне находятся с ним в согласии. В Воронежской области охотник Василий Анохин рассказал мне о паре неуловимых волков, убивавших овец загадочным образом, — часть из них была просто задушена без малейших укусов, а на месте волчьего пиршества находили куски оторванного, но не съеденного мяса. Когда волков на облове настигла картечь, все стало ясным. Матерый волк жил в паре с молодой волчицей. Волк потерял зубы, но не утратил силу и опыт жизни. Мудрость и молодая выносливость образовали союз. Сдружество помогало успешно охотиться, чтобы избежать опасностей и ловушек. Молодая волчица во время еды отры-

вала для беззубого друга куски мяса».

Все правильно: такое содружество, возможно, было выгодно молодому зверю. Но разве оно могло возникнуть без привязанности, без большой дружбы?

Третьего апреля, рассказывает рижанин Е. Титов, я приехал на дачу и стал убирать сад. Слышу, за сараем скулит собака. Туда же бежит собачонка, держа в зубах кость. За сараем как-то боком, наклоняя голову, сидел большой серый дог, а две собаки как бы поддерживали его. Собачка с костью подошла к догу, встала на задние лапы и подала ему кость.

Выяснилась трогательная история. Дог, пролезая через забор, зацепился крючком ошейника за проволоку. Он не мог двигаться, а только сидел, наклоняя голову, проволока была от земли высоко и крепко натянута.

«Подойти к догу я не решился, собака была без намордника. Попробовал палкой отцепить крючок, но не смог. Наконец взял лопату на случай, если собака набросится на меня, и стал медленно к ней приближаться. Собака оскалилась, заворчала и залаяла, но когда поняла, что я хочу ей помочь, умоляюще заскулила. Я стал ее успокаивать. Осторожно протянул руку к ошейнику и отцепил его».

Какое-то время пленник сидел, потом медленно встал и, качаясь, пошел. Его окружили собаки. Дог

всех перелизал — ведь они не один день кормили его.

Возможно, такая взаимопомощь «неразумных» животных как-то связана с инстинктами продолжения рода. Но почему же мы встречаемся с ними далеко не у всех особей? Только потому, что это не просто инстинкты. Это — добрые инстинкты. А доброта, увы, свойственна в мире далеко не всем.

Особенно удивительно видеть дружбу, в которой есть и доброта, и отзывчивость, и благодарность между совершенно различными представителями животного мира.

В царстве пернатых вороны не случайно сlyвyт за «гениев». Они не только сообразительны. В старинном парке Ялтинского санатория «Днепр», рассказывает П. Кешанский, живет семейство павлинов. Они облюбовали высокий ясеню у третьего корпуса. Как-то в серое осеннее утро, когда птицы завтракали, к ним подлетела уставшая и голодная ворона, схватила корку хлеба и стала жадно ее рвать.

Старый павлин поглядел на незваную гостью и дал ей местечко возле себя. Наевшись досыта, ворона взлетела на сук и продремала до вечера.

Хозяева поделились с ней ужином, не прогнали и утром. С тех пор, как только солнце прячется за Ай-Петри и птицы занимают свои ветки, рядом с отцом пернатого семейства усаживается ворона-«приемыш».

На дружбу ворона ответила благодарностью. Старый павлин сломал ногу, кое-как взобрался на ясьень, а на землю спуститься уже не смог. Его пернатые сородичи беспомощно топтались под деревом. Ворона почуяла беду. Она набрала в клюв хлебных крошек и, вернувшись на ветку, принялась кормить павлина, как своего птенца. Две недели носила она пищу на дерево, пока павлин не выздоровел...

А этот случай произошел в Африке. В семье пропал щенок. Искатели его несколько дней. В той же семье жила ручная ворона. И вот заметили, что птица, вместо того, чтобы есть пищу, которую ей давали, забирала ее в клюв по кусочкам и куда-то улетала. Каково же было изумление людей, когда они обнаружили, что ворона носила еду щенку, который попал в силки, расставленные на диких зверей. В течение целой недели ворона, верный друг щенка, не забывала приносить корм, пока его не нашли и не привели домой.

А какую редкостную дружбу наблюдал и поведал о ней в своих «Удивительных маленьких историях» писатель Николай Семенович Тихонов: «Выйдя рано утром на балкон, я увидел, как на соседнем с нами участке бродят по траве два существа. Я замер от удивления. Рядом с нашим Рыжим ходила ворона, ходила размеренным шагом, а кот поглядывал на нее и шел рядом. Это было зрелище необычное, я при-

знаюсь, не мог его объяснить. Кот дошел до штакетника, разделяющего участки, пролез по низу и зашагал уже между цветочных гряд, ворона легко перелетела штакетник и опустилась с ним рядом. Так они, шагая между цветов, вышли на дорожку к выходу и пошли рядом к воротам, как будто старые знакомые.

Я рассказал обо всем домашним, оказалось, что не только я один видел это. Больше того, с каждым днем и мы, жившие в доме, и все приходящие были свидетелями столь необыкновенной дружбы. Утром рано, часов в шесть, ворона появлялась перед нашей дачей и расхаживала, поджидая Рыжего. Он выходил, и они с вороной отправлялись прогуливаться по нашему участку или шли на соседний. Их видели на той же липе, где они были впервые, и там кот, повиснув вниз головой, цепляясь лапами за ветки, показывал свое искусство лазанья, а ворона сидела молча и смотрела на его акробатические упражнения. Потом он садился на ветку, а она начинала непрерывно каркать. Со стороны казалось, что она не то обшучивает его гимнастику, не то что-то рассказывает ему, а он терпеливо слушает. Так они сидели долго, а потом отправлялись снова гулять.

Эта история стала притчей во языцех. Приходили люди специально смотреть на кота с вороной. Те не боялись людей и не думали обращаться в бегство, когда к ним приближались. Потом ворона улета-

ла и появлялась на следующее утро.

Но кончилась эта история печально. Вдруг ворона пропала. Ее нашли у забора убитой. Мальчишки с соседнего двора упряжались в стрельбе из духового ружья и попали в нее, когда она, делая вираж, слишком низко пролетела над соседним участком, чтобы попасть на наш...

Рыжий еще некоторое время рано утром выходил и ждал ее у дачи. И мы не имели никакого представления, каковы его переживания. Мы так мало знаем о внутренней жизни животных».

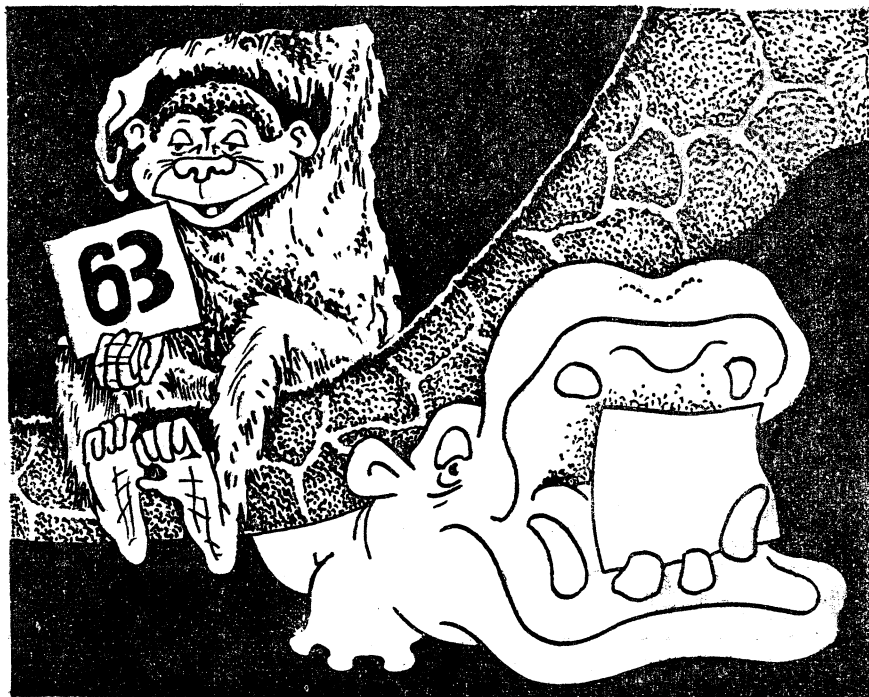
Не могу не рассказать об одном удивительном эксперименте, раскрывшем мир чувств у крыс, к которым мало кто относится с симпатией. Исследователь решил выяснить, испытывают ли эти животные способность к сопереживанию. Крыс приучали нажимать на рычажок, чтобы получить пищу. Умные четвероногие быстро усвоили урок — не нажмешь на рычажок, останешься голодной.

Однако получение пищи было связано с весьма неприятным зрелищем: всякий раз как животное нажимало на рычаг, оно причиняло другой крысе острую физическую боль, и видели, как та корчится в муках.

Как же это воспринимали подопытные крысы? Выяснилось, что всех их можно разделить на три группы. Первая — в ней оказалось большинство, — видя страдание, быстро отказывалась от лакомства, будучи даже сильно голодными. Во второй группе, тоже довольно многочисленной, были крысы, которые отказались от пищи только после того, как сами «побывали в шкуре» животных, подвергаемых боли. И только третья, совсем небольшая группа крыс продолжала нажимать на рычаг — а, значит, мучить своих сородичей — и после того, как сама испытала эти боли.

Обсуждая результаты эксперимента, ученые справедливо расценили поведение крыс третьей группы, как отклонение от нормы, как жестокость, не свойственную нормальным животным.

...Доброе, прямо-таки заботливое отношение многих животных к рядом находящемуся существу особенно заметно проявляется в отношении детенышей. Сколько ярких примеров тому мы знаем! Тут и общая забота всего стада о своих подрастающих, и самопожертвование родителей ради спасения беспомощных еще детей, и усыновление чужих несмышленишек, потерявших отца и мать. Чужие родители легко принимают детенышей даже других видов, кормят их, защищают и обу-

чают как собственных. И здесь порой приходится наблюдать необыкновенные вещи.

Однажды мы увидели, рассказывает итальянский кинооператор и путешественник Ф. Куиллини, на водопое группы старых буйволов. С ними был маленький слоненок, который, очевидно, потерял мать. Когда мы приблизились, буйволы обратились в бегство, не забыв, однако, впихнуть слоненка в середину. Легонько подталкивая слоненка рогами, они заставили его удирать вместе с ними.

Рассказывая о приемышах у птиц и зверей, стоит вспомнить и такой редкостный случай, когда дворовый пес не только усыновил цыпленка, но прямо-таки «высидел» его. Заметка об этой истории публиковалась некогда в печати. Дело было в Берлине. Собака утащила из гнезда наседки яйцо, из которого вот-вот должен был уже вылупиться цыпленок, и притащила в комнату. Она положила яйцо на диван, и в то время как цыпленок всеми силами старался выбраться из своей темницы, осторожно лизала яичную скорлупу, пытаясь размягчить ее; затем языком помогла цыпленку выйти из скорлупы и отнесла его на солнце, чтобы обсушить.

Приемная мать ухаживала за новорожденным с поразительной любовью и заботливостью, ей не раз приходилось защищать своего питомца от других пернатых.

...О чувствах животных можно говорить во многих аспектах. Вот еще один из них. Обитают в Ав-

стралии небольшие птицы — атласские беседочницы, родичи наших ворон. Их страстное хобби — «коллекционирование» всякого рода блестящих цветных вещичек. Они тащат к своему гнезду раковины и цветы, яркие птичьи перья и камешки, пуговицы и лоскутки материи — все, что привлекает расцветкой, блестяще.

И не только собирают, а по-настоящему любят, играют со своим богатством. Натуралисты отмечают, что эта черная птица способна часами играть со своими безделушками. Особенно «распаляется» самец, показывая свою коллекцию самочке. Хватает в клюв то один, то другой яркий предмет, показывая их подружке.

Рассказывают, что в одном из таких «наборов» были найдены ножи, вилки, пряжки, зубная щетка, стеклянный глаз и даже бриллианты.

Впрочем, пальму первенства тут по справедливости надо отдать индийским воронам. Эти тащат понаравившиеся им вещи даже из комнат. У индийцев исчезают таким образом перчатки и носовые платки, пудреницы и ленты. Однажды следователю пришлось разбираться с ограблением ювелирного магазина — систематически исчезали золотые оправы для очков. Преступниками оказались две индийские вороны.

С большим трудом клептоманию птиц можно увязать с «велемием инстинкта»! Но что же это тогда? Чувство красоты?

Кстати говоря о наших инстинктах, известный австрийский ученый Конрад Лоренц, один из создате-

лей этологии — науки о поведении животных, — остроумно замечает: «Я демонстрирую то огромное наследство, которое мы получили от животных и которое живет в нас по сей день. И если я говорю прямо, что молодой самец влюбился в галочку-самку, то тем самым не облакаю животных в человеческие одежды — напротив, я вскрываю остатки инстинктивного поведения у человека, полученные нами от животных».

Следующее свидетельство я бы не стал приводить, если бы говорил об этом люди случайные в науке о поведении животных. Нет, свидетельствуют известные всему миру натуралисты супруги Адамсон. Более двух десятилетий они провели в Кении в обществе четвероногих, хорошо узнали жизнь львов, слонов, других животных. И вот они пишут о том, что наблюдали у слонов и скорбь об умерших, и поведение, похожее на раскаяние... «Я знаю об одном слоне, — пишет Джой Адамсон, — которого особенно любили его товарищи. Когда он умер, трое из них несколько дней не отходили от его тела, потом вырвали клыки у мертвого и захоронили их неподалеку... Во время одного сафари мы узнали от местных жителей, что недавно слон убил человека и с тех пор ежедневно приходит на место трагедии и стоит там по часу и по два. Мы проверили, и это оказалось правдой».

«Для меня, — признается зоолог Изн Дуглас-Гамильтон, долгое время изучавший жизнь африканских слонов, — смерть слона — самое печальное зрелище на свете... Я не сомневаюсь, что при виде бездыханного тела сородича остальные члены семейства испытывают чувство, весьма похожее на нашу печаль. К сожалению, наука пока не в силах измерить чувства человека, что уж говорить о животных».

Слоны пытаются оказать помощь родственнику даже после смерти. Мы не раз наблюдали подобное, и, уверяю, такую сцену нельзя видеть без волнения. Били Вудли, сотрудник национального парка Абердэр в Кении, рассказывал мне, что семейная группа в полном составе трое суток не отходила от тела умершей молодой самки. Еще более удивительный факт приводит в своей книге Р. Бир: он видел, как мать больше недели переносила на бивнях разлагающееся тело своего детеныша!

В основе этого, без сомнения, лежит инстинкт взаимопомощи, свойственный стадным животным. Он позволяет слонам возвращать к жизни временно обездвиженного сородича. Но чем объяснить заботу о заведомо умершей особи? Подобный альтруизм, насколько мне известно, отмечен лишь у слонов и бабуинов».

О любопытстве обезьян пишут не один век. Но вот вопрос: насколько оно осмысленно?

Описан случай с четырьмя гориллами из Нью-Йоркского зоопарка. Когда осенью их перевели из вольеры в клетку, обезьяны стали постоянно ссориться. Дело доходило до серьезных потасовок. Решили применить необычное средство: перед клеткой установили телевизор.

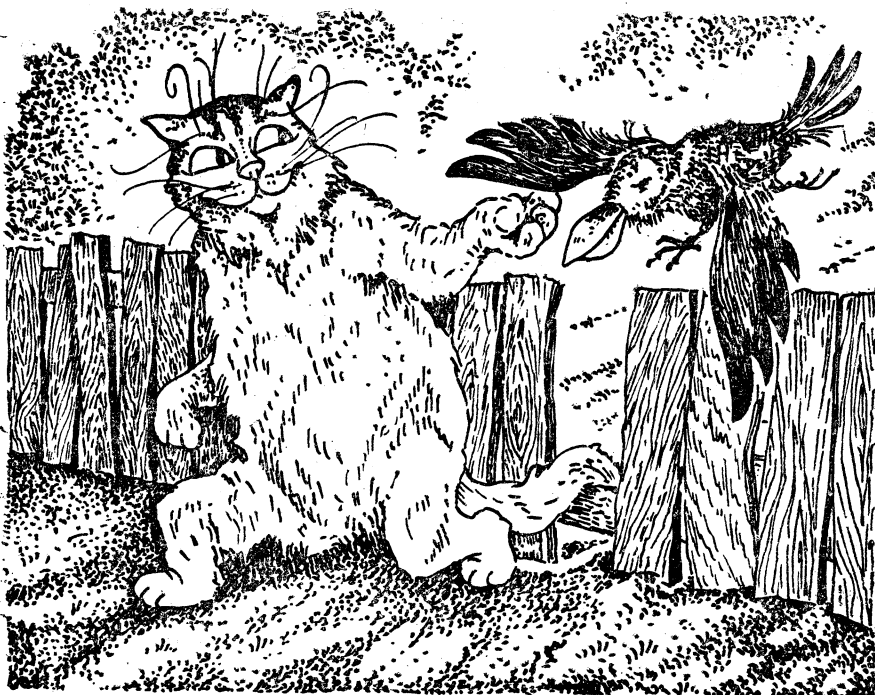
«Когда его включили, обезьяны застыли на месте, прижались к решетке и впились в экран глазами, — рассказывал служитель зоопарка. — Перебранки и скандалы исчезли».

Гориллы часами смотрели разные телепередачи. Но предпочитали вполне определенные. Особенно нравились картины с быстрыми движениями на экране: ковбойские бои, фильмы про индейцев и танцевальные программы для подростков.

Чтобы убедиться, как воспринимают обезьяны телепередачи и кинофильмы, ученые провели ряд экспериментов. Исследователь Клувер демонстрировал нашим далеким предкам кинофильмы: «Обезьяны и змеи», «Собаки и кошки», «Играющие дети». Обезьяны внимательно следили за событиями, развертывающимися на экране, увлекались так, что их было невозможно чем-то отвлечь. К тому же выводу — что обезьяны страстные телезрители — пришел директор научного центра по изучению психологии обезьян в городе Атланта (США) Г. Борн. Его опыты очень убедительны. В клетке с обезьянами ставили телевизоры. Если программа нравилась, обезьяны весело смеялись, «хлопали в ладоши»; телепередачи грустного содержания они смотрели нахмурившись, с грустными лицами.

А приходилось ли вам слышать о поющих орангутангах? Длительные наблюдения показали, что лишь в некоторых случаях это является формой «ухаживания». Обычно животное поет для собственного удовольствия. Натуралисты, жившие бок о бок с этими человекообразными обезьянами, подробно описывают, как это происходит. Сначала животное (только самец) как бы задумывается, затем начинает петь полным голосом. Увы, с нашей, человеческой точки зрения обезьянье пение очень далеко от того, чтобы доставлять удовольствие: оно несколько напоминает звуки, которые мы слышим при переключении скоростей у автомобиля. Орангутанги придерживаются другого мнения. Когда обезьяна поет, на лице ее не трудно видеть полное довольство.

Доброта, преданность, сострадание... Чувства удовольствия, радости и печали... Наверное, нельзя отказы-

вать во всем этом мире животных. Увлекательный, безграничный и неповторимый, он дает нам богатейшую пищу для размышлений.

И не таким уж большим увеличением звучат слова известного американского биолога, одного из основоположников науки о поведении животных, Э. Уилсона. «Наши этические принципы, — утверждает он, — нередко имеют свой прообраз в животном мире. И чаще, чем это принято считать. Возьмем, к примеру, альтруизм. Это качество проявляется в поведении многих видов животных — от насекомых до приматов. Я сказал бы даже, что людям оно свойственно в меньшей степени, чем животным. Шимпанзе распределяют пищу между своими слабыми или больными сородичами. В некоторых районах Африки так же поступают дикие собаки. И делают они это исключительно в силу биологической солидарности по отношению к себе подобным. Мы же, люди, кому-то что-то давая, обычно рассчитываем получить что-либо взамен. Вершина альтруизма — самопожертвование — тоже качество, свойственное не одному лишь человеку. Мы знаем, что многие птицы, прикидываясь ранеными, уводят хищника от гнезда с птенцами, хотя и рискуют при этом собственной жизнью».

Можно, конечно, не соглашаться с излишней категоричностью ученого, когда он заявляет, что альтруизм свойствен человеку в меньшей степени, чем многим жи-

вотным. Но у нас есть все основания говорить, что альтруизм в животном мире — реальность.

Весь животный мир, включая человека, прошел миллионлетний путь развития, совершенствуясь и усложняясь по мере восхождения по эволюционной лестнице. Отсюда следует, что у животных, стоящих на этой лестнице ближе к человеку, должны существовать признаки, черты основных качеств рода *homo sapiens*. Поведение различных животных неизбежно должно нести и нести на себе отпечаток общего происхождения. Столь же закономерно другое: духовная деятельность человека несет на себе следы родственных связей с животными.

Либо мы согласимся, что духовная деятельность человека обязана своим происхождением какому-то чуду, либо свойства, из которых развились человеческие способности, должны в зародыше быть у животных. И не только в зародыше, когда мы обращаемся к высшим животным!

ПЕСТРЫЙ БУКЕТ

Юрий
ЧЕРНОВ

Рисунки
Н. Мооса

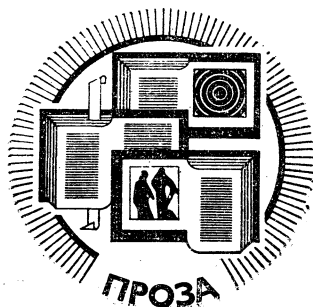
Двое

Люблю речные трамвайчики. Их гудки, зовущие невесть куда, тугой, с холодными брызгами ветер открытой палубы и легкую, располагающую к раздумью качку, которая начинается тотчас, едва ступаешь на зыбкий под ногою трап.

Наш трамвайчик возвращается в город. Палуба завалена кладью пассажиров—огромные рюкзаки, палатки, корзины, удочки. От моего соседа—сухонького старичка в вислополой шляпе—густо пахнет свежей рыбой и дымом. Я завел было с дедком всегда приятное гутарство про рыбалку, но тут внимание снова привлекли двое пассажиров напротив—мать и сын...

Я заметил их еще на пристани, когда они,

опаздывая, бежали к трамвайчику. Сын — смуглый рослый парень в элегантной форме курсанта летнего училища — в три-четыре мягких прыжка отрывался от спутницы, останавливался и нетерпеливо поджидал ее, — хрупкую, черноволосую, лет сорока пяти.

Бежать женщине было неудобно: в одной руке — сумка, в другой — небольшой букет цветов. Провожаемые десятками глаз — удел всех, кто опаздывает, — мать и сын прошли к пустой скамейке напротив меня. Парень небрежно откинулся на спинку, нахлобучил от солнца козырек. На его шоколадном краснорубом лице застыло то кислотоватое отсутствующее выражение, которое в моде у молодых людей. Теперь могло показаться, что он даже незнаком с пожилой женщиной, которая сидела рядом и огорченно оглядывала увядший букет. Словхватившись, женщина достала из сумки стакан, сходила за водой. Она поставила посуду между собой и сыном, замеревшим все в той же отчужденной позе, и стала неспешно, по цветку, перебирать букет. По краям стекла уже горели оранжево-желтые фитильки жарков, бледно-розовыми и голубенькими фонтанчиками опадали соцветия петушков и колокольчиков, а посередине разваренных добела корзинок кашки нежно проглядывал фиолетовый крестик кукушкиных слезок.

Женщине что-то не нравилось в букете. Она то перетасовывала цветы, то поднимала ладонями их опущенные головки. Те снова падали, как падает голова ребенка, когда он не хочет просыпаться. Женщина хмурилась, и казалось, от того, оживет или завянет букет, удасться или нет найти ему лучшее сочетание, зависело нечто большее, загаданное про себя. Вот она поднесла букет к лицу и, сложив трубочкой такие же красные, как у сына, губы, стала один за другим раздувать уснувшие бутоны. Профиль лица ее, в сочетании с пышной короной черного с проседью волоса, был строг, но каждая деталь, взятая в отдельности, — мягка и беззащитна: и экономно очерченная линия прямого с едва уловимой горбинкой носа, и светло-карие задумчивые глаза, затененные хвоями бровей.

Терпеливо и озабоченно женщина все пестовала и оживляла свой букет, думая явно о чем-то другом. Рассеянно-невидящий взгляд ее пронизывал цветы, был где-то далеко.

Женщина покачивает головой, поджимает губы, хмурится. Э-э, да сколько морщинок враз сбежалось на лице. Как состарили они женщину! Невольно я дорисовал ее портрет таким, каким он будет лет через восемь — десять. Совсем, совсем старушка. Седенькая. Тихая.

Мне стало грустно, даже неловко от того, что заглянул в недозволенное, хоронящееся не только от стороннего глаза, но и от своего. Я отвернулся, стараясь больше не думать о чужих

тайнах души, о матери и сыне и о том, что же произошло сегодня между ними. Да и что я мог домыслить, что я о них знал? Может, сын уезжает, может, женится, может, испрашивает трудного совета. Все это может и не может быть. Попробуй, разгадай узор морщинок, на чертаных временем...

А дымный город все надвигался, кричали и бились над волнами чайки, летели брызги. Прошло, должно быть, около часа. Вот и причал...

Я мельком взглянул на женщину. Она уже сидела на скамейке не в полуоборот, а прямо, подперев кулачками подбородок. стакан с цветами стоял все там же, но самого букета не узнать. Цветы, напившиеся воды, словно воскресли. Поднялись, расправились и жарки, и ромашки, и петушки. Фиолетово-синий крестик кукушкиных слезок был уже не виден: утонул в белоснежной кипени кашек...

Парень, наверное, тоже заметил перемену. Он тихонько дотронулся до плеча матери, скупо улыбнулся и почти неприметным кивком показал на букет. Женщина очнулась, посмотрела на цветы, и лицо ее вмиг просветлело. Морщинки исчезли, а как оживились, помолодели глаза!

Трамвайчик уже разворачивался к причалу, и вечернее солнце подпало волосам женщины. пышная корона вспыхнула золотом и пригасила седину. Но какое-то мгновение — и неуловимая перемена в лице, та, что в зрелые годы может или состарить или омолодить. В этот миг я увидел девушку — очаровательную и полную жизни.

Трамвайчик уже пристал к берегу, на трап хлынула толпа и увлекла моих незнакомцев. Вот они идут — он, большой, блистательный, и она, хрупкая, едва поспевающая за его размашистым шагом.

Мать и сын уходили, а я смотрел им вслед, сожалея, что не могу сказать этому сильному, занятому собой юноше что-то очень важное; сказать, к примеру, каким волшебством омоложения он обладает. Всего-то надо ему почаше обласкивать взглядом мать, дотрагиваться до ее руки... Всего-то! Но как это скажешь! И поймет ли?

Эй!..

Не забудутся, никогда не забудутся теплые рыбацкие ночи на Нуре. Как сейчас помню — на крутых ивняковых берегах шепчется с камышами пережат и тихо-тихо покачивает спя-

щую в омуте луну. Ветра нет, только на нашем мыску ленивая перетяга: то дохнет с воды прохладный, отдающий тиной низовик, то с берега накатит, ласково касаясь щеки, парная полынная волна. В этот сумеречный час из нор, изпод коряг-топляков выползают на добычу раки. Тихой сапой пробираются они на мелководье, крадутся к малькам, приткнувшись на ночь к береговой кромке.

Мы с Петькой тоже не зеваем. Я иду с рюкзаком по берегу, а Петька в огромных отцовских сапогах осторожно бредет с фонариком по отмели. Яркий луч рыскает по золотистому песчаному дну, зажигает разбросанные тут и там блесны-ракушек и вдруг утыкается в размытые очертания оцепеневшего под светом рака. Выпученные глаза его изумрудно мерцают, антеннами шевелятся усы... Петька запускает в воду оголенную до плеча руку — цоп! — и первая добыча шмякается у моих ног. Случалось, Петька промахивался, и тогда рак, будто выстреленный из рогатки, нырял в глубину.

Через час рюкзачок полон — в нем беспрестанно скребутся, кусаются и шепчутся раки. Мы возвращаемся на стан.

На нашем мыску вновь оживает погасший было костер. Сушняка на Нуре мало — подкладываем под таганок кизяки. Они занимают не скоро, едко дымят. Котелок для чая затягивает тонкую куриную песенку и будет тянуть ее долго, до первых петухов. Но и нам спешить некуда. В эти короткие ночи мы не ложимся: боимся зорьку проспять,

А луна забралась под лохматую овчину. Враз потемнело. Тесно, зябко стало у костерка. Ближний куст ивняка зашевелился, закривлялся. Лопнувшей струной ударил в омуте всплеск какой-то рыбины. В такие жутковатые минуты мы и вспоминали о дедушке Сейдахмете, караулившем неподалеку отару, и, замерев от напряжения, ждали, когда снова раздастся в ночи его глуховатый, отрывистый окрик.

— Эй! — послышался, наконец, спасительный зов пастуха.

Страхи на время отступают. Кто-нибудь из нас зашевелится, поправит огонь. Чтобы не выдать себя, мы помалкиваем, а сами улавливаем малейший шорох. Костер гаснет. Темень липнет к спинам. На куст лучше не смотреть.

— Хуп-хуп-хуп, — неожиданно зашуршало что-то над головами. Мы обмерли, втянули шею. А парящий шорох уже объявился с другой стороны — ближе, ближе...

— Эй! — расшвыривает темные силы Сейдахметов клоч.

И так — до утра, до того блаженного мига, когда на востоке сначала просветлеет, а потом заполыхает маками небо. Какими же нелепыми кажутся теперь ночные страхи. Мы забываем о них тут же, и о Сейдахмете с его странными окриками. Но однажды под утро следом за визитом совы (вот кто пугал нас шорохом крыльев!) налетел шквальный ветер и принес дождь — нудный, обложной. Рыбалка сорвалась, и мы отправились в свой поселок Кинес. По дороге завернули к Сейдахмету, выпускавшему из загона отару. Аксакал в сапогах, в плаще с поднятым башлыком стоял к нам спиной, покрикивал на овец.

Мы робко поздоровались. Пастух обернулся и долго, пристально осматривал нас — промокших и жалких.

— Уй-бай, — тихо воскликнул старик и покачал головой. Нам показалось, что он плакал и... смеялся. Розовые щеки были мокры, с обвислых белых усиков стекали светлые капли, зато живые острые глаза щурились, будто в насмешливой улыбке. Сейдахмет зашел в свою будку и вскоре показался в дверях с полными пиалами кумыса.

— Пей, теплый будешь.

Потом угостил твердыми, как камень, сырными шариками — курдами. Они показались нам куда слаще конфет! И тут Петька — он всегда был бойчее меня — спросил:

— Дедушка Сейдахмет, зачем вы всю ночь кричите — «эй» да «эй»? Что это за слово?

Сейдахмет улыбнулся, отчего еще больше сузились щелки острых, устремленных куда-то в степь глаз, пояснил:

— Эй — хорошее слово, балалар¹. Кричу

¹ Мальчики.

«эй!» — волк к отаре не пойдет. Сон голову берет — себе кричу...

— Эй! — вдруг выкрикнул Сейдахмет зычно, по-ночному. На этот раз пастух кричал на овец, отбившихся от отары.

Мы расстались со стариком, пообещав, что теперь, если заночуем на Нуре, обязательно будем с ним переключаться...

С тех пор минуло много, много лет. Жизнь развела нас с Петькой по разным стрелкам, но друг друга мы не потеряли. Не забыли и Сейдахметово слово, которое обрело с годами более мудрый смысл. Бывает, захандришь или, напротив, замурлычешь от житейской сытности. И только поймашь себя на этих постыдных точках, тут и гаркнешь: «Эй! Что же ты, брат, дожил до такого!» Крикнешь — и полегчает, будто сбросишь с плеч десяток лет, а с ними — усталость, лень душевную и все, что исподволь стремиться тебя убавлять, остепенить.

Изредка мы встречаемся с Петькой, извиняюсь, с Петром Ивановичем. «Эй!» — еще издали кричит он, все такой же взбалмошный и шустрый. ««Эй!» — отвечаю я, хлопая его по плечу. И мы пристально оглядываем друг друга.

— Ну давай выкладывай, как жилось-работалось, — говорит кто-нибудь из нас.

Таганок

У таежников эта вещь не в ходу. Кому взбрет в голову тащить на загорбке в лес увесистую громоздкую железяку: достаточно и топора, чтобы изладить из сушин рогульки для костра. И все же я иногда беру с собой в лес это треногое чудо, изобретенное степняками-кочевниками. Беру, потому что таганок у меня необычный, памятный таганок...

Забравшись в приобские дебри, я наслаждаюсь уединением и бесконечно притягательным созерцанием костра. Когда я смотрю, как веселое пламя лижет черный обруч таганка и удобно устроившийся на нем котелок, я могу думать о чем угодно, и мысли могут течь неспешно, отрывочно, подобно клочковатому дыму, которым играет ветер.

Но однажды в этой бесконечной цепи воспоминаний всплыла, как наяву, картина давней военной поры. Вспоминался мне наш горько-попынный степной Алтай и летний вечер во дворе глинобитного дома. Посреди этого двора дымное огнище, а на нем — таганок с чугуном молодой картошки. У костра нас пятеро: три старших сестренки, уставшая, поминутно засыпающая у тепла мама и я — единственный в доме голопузый мужик.

В животе у меня урчит с голодухи, а кизяки горят медленно, не горят, а шают. Вода и не думает закипать. Очнувшись, мама нашаривает в мешке кизячную лепешку — потоньше, посуше, — укладывает с наветренной стороны, а мы по очереди до головокружения и слез раздуваем пламя. Дров нет. Кто-то идет на задворки, приносит пучок сухобыльника, чтобы «нагарнуть» костер. С искрами взвивается столб огня и так же быстро гаснет, после чего делается

еще темнее, а лень кизячного костра невыносимее. Но терпения у нас хватает. Часа через два картошка доходит. Мама сливает воду, добавляет в парной чугунок полстакана молока, сырое яйцо, соль и зеленый лучок. Все тщательно перемешивается, и, наконец, готово знаменитое блюдо голодных лет — картофельная толченка! Даже сейчас, через столько лет, я ощущаю это обжигающее сладковатое варево, его запашистый, ни с чем не сравнимый аромат. Жаль, что не готовят сейчас толченку, ту толченку, на которой мы выросли...

Чем труднее детство, тем дороже и светлее память о нем. Спасибо тебе, таганок, что воскресил в памяти светлые минуты, спасибо и тебе, Человек, за этот треногий подарок. Где ты сейчас, добро ли в твоём курене?.. Хочется верить, что все хорошо и ладно, что в эту же минуту другой таганок, брат моего, купается в огне где-нибудь на берегу Хопра или Дона,

а возле стоит невысокий коренастый человек, седоусый, седоволосый, с пронизательным и добрым прищуром во взгляде — Шолохов. В мысли такой нет и намека на приобщение к великости другого, но меня согревает сознание, что пользуюсь вещью из рук щедрого человека, вещь такую же, как у него. И в который раз оживает в памяти июльский вечер на берегу тихого Хопра. Здесь нам с приятелем посчастливилось встретиться с Михаилом Александровичем и его женой Марией Петровной, разделить их простое крестьянское хлебосолье — отдающий дымком кулеш, малосольные огурцы, вареники. А забываемое всего был разговор — душевный и веселый...

Утром, когда мы прощались с гостеприимными хозяевами стана, я увидел у костра два прокаленных дочерна массивных таганка. В необъяснимом волнении смотрел на них, как на посланцев из детства; смотрел, очевидно, дольше, чем следовало. Не знаю, был ли перехвачен этот взгляд, но Михаил Александрович вдруг предложил:

— Возьмите в дорогу и таганок — пригодится. У нас их два.

Мы из вежливости отказывались, потом сдались:

— Который же из двух?

— Любой.

— Тогда берем вот этот, с кривой ножкой. По крайней мере у него какая-то индивидуальность.

Так были разлучены два чумазных собрата, а Обь и Хопер, выходит, породнились через них таким вот причудливым образом...

Об этом я думаю уже по дороге домой, шагая с большим рюкзаком за плечами. Думаю, не замечая его тяжести.

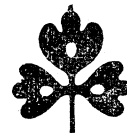
Березовые планеры

Роняет береза лист. Тихо-тихо в лесу, и светлые листики слетают через небольшие паузы по известной только им одним очереди. Вот у самой макушки дерева затрепетал, кувыркнулся и пошел вниз по плавной спирали золотистый планер. Прошло минуты две, и спикировал еще один — с откинутой в сторону ветки. Краток, но упоителен ритуальный полет листа!

Я лежу под березой, гляжу на вросшую в синеву крону и никак не могу угадать, какой лист полетит следующим. Вон-вон уже опять летит самолетик, делает мертвую петлю, уходит резко в сторону и с шорохом опускается на траву. Все смолкло, но шелест у палого листа повторился, мне даже показалось, что кто-то маленький побежал оттуда к моей березе. Снова тишина, и снова едва уловимый шорох углубляется уже на дереве, все выше, выше. Легкий хлопок, и березовый планер зачертил синеву... Ба! И как я не мог догадаться! Да это же Маленький принц взбирается на белый березовый ствол и в который уже раз отправляется в полет. Видите, как от его золотых волос засветились, запылали листья?

Если бы я мог написать Экзюпери, что Маленький принц вернулся...

Друг Достоевского

**Алексей
ПОДЧИНЕНОВ**

Свердловский инженер Елена Белова передала в Ленинградский литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского уникальные материалы. Среди них отдельное издание романа «Подросток» (1876 год) и единственный выпуск «Дневника писателя» (1880 год), в котором помещена знаменитая речь о Пушкине, произнесенная Достоевским на торжествах по случаю открытия памятника поэту в Москве.

Обе книги с автографами Ф. М. Достоевского адресованы И. И. Румянцеву, прадеду Беловой. Надписи на титульных листках лаконичны, выразительны: «Доброму другу отцу Иоанну от автора» и «Дорогому человеку Ивану Ивановичу Румянцеву от автора».

В 1872 году Достоевские сняли на лето дачу в Старой Руссе — уездном городе Новгородской губернии (ныне центр Старорусского района Новгородской области). Город, расположенный на живописном берегу реки Полисти, в бассейне озера Ильмень, издавна знаменит курортами и минеральными источниками.

Много деталей, отдельных эпизодов, зарисовок, пейзажей провинциальной Старой Руссы можно обнаружить в романах 70-х годов — «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

Достоевские сняли дом в Старой Руссе у местного священника, настоятеля Георгиевской (Благовещенской) церкви И. И. Румянцева.

«...зная, что мы приедем около 15 мая, — читаем в воспоминаниях Анны Григорьевны Достоевской, — священник и его семья поджидали нас и теперь сидели и стояли у ворот. Все они нас радостно приветствовали, и мы сразу же почувствовали, что попали к хорошим людям. Батюшка, поздоровавшись с ехавшим на первом извозчике моим мужем, подошел ко второму, на котором я сидела с Федей на руках, и вот мальчуган, довольно дикий и ни к кому не шедший на руки, очень дружелюбно потянулся к батюшке, сорвал с него широкополую шляпу и бросил на землю. Все мы рассмея-

лись, и с этой минуты началась дружба Федора Михайловича и моя с отцом Иоанном Румянцевым».

Через месяц после приезда в Старую Руссу в одном из писем Достоевский делится своими первыми впечатлениями: «Народ здешний... не совсем хорош. Кроме нашего священника, все остальные странны, глупы и грубы».

Не раз отец Иоанн выручал писателя. Когда Достоевские повезли на срочную операцию свою дочь в Петербург, девятимесячный сын Федя остался на попечении нянечки в семье священника. В 1875 году Румянцев, используя свои знакомства, помог Достоевскому в короткое время получить заграничный паспорт для поездки в Эмс на лечение. Писатель находился тогда под негласным надзором полиции, и это существенно затягивало оформление документов.

Румянцев оказался чрезвычайно полезен Достоевскому и в его творческом деле, в познании «до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемой действительности».

Достоевский высоко ценил острый ум Ивана Ивановича Румянцева и его доподлинное знание провинциальной жизни. Незадолго до своей смерти, в конце 1880 года, он писал одному из своих знакомых: «Батюшка Румянцев есть мой давний и истинный друг, достойнейший из достойнейших священников, каких только я когда-нибудь знал».

Отец Иоанн был не совсем обычным священником.

«Вступив давно когда-то в управление егорьевским приходом, — свидетельствует известный театральный деятель П. П. Гайдебуров, знавший И. И. Румянцева, — он не продвинулся ни на шаг по пути духовной карьеры, за всю свою жизнь не заслужил ни одного знака отличия; начальство не благословило его даже простой камилавкой, так что его умное, лукавое лицо, с глазами, укрытыми дымчатыми очками, оведалось

свободными прядями волос, сперва черных, а позднее седых.

Ум у отца Ивана был светлый и острый, а язык и того острее. Немало соли сыпал этот язык на головы духовенства, доставалось и обывателям, не спускал он и начальству — всем сестрам по серьгам...

Об отце Иване с полным основанием можно было сказать, как впоследствии Горький сказал о Егоре Булычове, что он «не на той улице родился».

Истинным увлечением, даже страстью священника Румянцева было строительство. Строил он без чертежей, планов и расчетов, но всегда успешно. В основном это были дачи для приезжающих на воды больных. Об одной постройке Румянцева — о здании старорусской школы — стоит сказать особо. Школа была основана в 1883 году по инициативе А. Г. Достоевской и получила имя Ф. М. Достоевского.

Румянец строил оба дореволюционных помещения для школы — в 1885 и в 1893 годах. Он состоял при школе законоучителем и был первым ее заведующим, вплоть до смерти в 1904 году. К сожалению, первые здания школы, как и дом Румянцева, не сохранились — во время немецкой оккупации в период Великой Отечественной войны Старая Русса была полностью разрушена. Но старорусская средняя школа и теперь носит имя Ф. М. Достоевского.

Первая бесплатная библиотека в Старой Руссе была открыта в 1885 году также при активном содействии Румянцева.

Многое о жизни И. И. Румянцева неизвестно, забыто, невосстановимо. Большею частью утерян его архив, в том числе письма Достоевского к нему. Мы даже не можем с уверенностью назвать год его рождения. Но мы знаем, что это был большой почитатель таланта Ф. М. Достоевского, человек, удостоившийся великой чести быть другом великого писателя. Некролог на кончину Ивана Ивановича Румянцева так и был озаглавлен — «Друг Достоевского».

Золотая долина

Борис
ПАНФИЛОВ

Золотой называют долину реки Миасс. Она начинается в Башкирии в Учалинском районе и протекает у подножия Чашковских и Ильменских гор — отрогов Уральского хребта. Здесь добывали до пуда золота из 100 пудов песка. Долина славится и самородками. Именно близ Миасса были найдены крупнейшие самородки в мире.

Широкой известностью пользуется один из первых самородков весом 8 фунтов 7 золотников. Найден он был в 1824 году в Царево-Александровском руднике мастеровым Дементием Петровым — вторым за три часа до приезда на свой рудник царя Александра I, пожелавшего лично «поработать» в забое, куда заводские подхалимы и подкинули самородок. Официально самородок этот назывался «Царским», а в народе его нарекли «Подкидышем».

В 1847 году на месте, где царь «нашел» самородок, был сооружен памятник. Имя мастерового Дементия Петрова-второго, как и имя мастерового Дементия Петрова-первого, нашедшего на том же руднике 15 самородков за месяц, было забыто.

Самый крупный и до сего времени непревзойденный самородок, названный из-за своей формы «Большим треугольником», был найден в 1842 году. В Свердловском архиве хранится рапорт известного ученого в области горного дела и металлургии Урала П. П. Аносова.

«Господину Главному начальнику горных заводов хребта Уральского, артиллерии генерал-лейтенанту и разных орденов кавалеру Глинке,

от Горного начальника Златоустовских заводов и директора оружейной фабрики, генерал-майора Аносова.

Рапорт

Чсть имею донести Вашему Превосходительству, что на Царево-Александровском руднике, при преследовании золотосодержащего пласта от плотины к фабрике 26-го октября сего года, найден редкой величины самородок весом два пуда семь фунтов девяносто два золотника. Он находится ниже плотины в 17-ти сажнях, в старом русле речки Ташкутарганки на самом материке, состоя-

щем из диорита, в глубине к поверхности земли на $4\frac{1}{2}$ аршина. Содержание близлежащих к нему песков было в 10 золотников от 100 пуд. По необыкновенной величине сего самородка, я почел обязанностью представить его при сем с штабс-капитаном Шуманом, старшим смотрителем Царево-Александровского рудника на благоусмотрение и дальнейшее распоряжение Вашего Превосходительства. Сей самородок найден мастеровым Миасского завода Никифором Сюткиным, которому на основании 1773 ст. VII тома Свода законов причитается в награду по 15 коп. за золотник 1266 рублей 60 копеек серебром; но как подобной величины самородок до сего времени встречаемо не было, то я обязанностью себе поставил испросить на выдачу причитающейся награды разрешения Вашего Превосходительства.

Горный начальник и директор
генерал-майор Аносов.
30 октября 1842 года.
№ 9760.

С препровождением золотой самородки. Златоуст».

Штабс-капитан Шуман, сопровождавший самородок в Петербург, был пожалован орденом Станислава 3-й степени, управляющий золотыми промыслами майор Широкий — годовым окладом жалованья. И мастеровой Никифор Сюткин получил награды. Но ни фарт, ни выпавшая на его долю мировая известность не могли изменить к лучшему судьбу подневольного казенного мастерового. Сюткин запил горькую, за опоздания на работу был нещадно и принародно бит розгами. Умер он в нищете.

Второй по величине самородок — «Кашеевский» — весом в 18,5 килограмма был найден в 1882 году в нескольких сотнях метров от того места, где сорок лет назад нашли «Большой треугольник».

...Мой прапрадед Аким Панфилов — крепостной, «пригнанный из Пензы золото робить», прадед Егор Акимов Панфилов и дед Иван Егорович Панфилов, которому посчастливилось дожить до Советской власти,

были мастеровыми Миасского завода золотых рудников.

У нас в доме сохранились любопытные документы. Первый — «Выдан из Миасской Заводской Полиции по записке в Книгу под № 14 на постройку деревянного дома мастеру Егору Панфилову Марта 15 дня 1859 года», второй — «Владенный акт 1871 года Октября месяца 2 дня... из Миасской заводской Конторы Сельскому обывателю Миасской волости Егору Акимову Панфилову, уволенному от обязательной службы по 3 категории, в том, что принадлежащая ему усадебная земля, находящаяся в Оренбургской губернии Троицкого уезда в 3 части Миасского завода, по Щадринской-Набережной улице... отдается ему, Панфилову, на основании 18 и 28 статей высочайше утвержденного 8 Марта 1861 года положения о горнозаводском населении казенных заводов ведомства министерства финансов, безвозмездно в собственность...»

Каждый документ скреплен подписями должностных лиц и печатью конторы Миасского завода золотых рудников с двуглавым орлом.

Прадед, отдав все силы и здоровье казенному заводу, лишь перед смертью «высочайше удостоился права» на клочок земли под жилой дом, в котором ему уже не довелось пожить. Жили в нем, продолжая «рывать золото», мастерской Иван Егорович Панфилов с женой Анной.

Тяжелым был старательский труд. Мокрую, налипающую на лопату массу глинистого песка выбрасывал дед из ямы наверх. Там бабка нагружала грабарку и везла на Сивке к бутаре, установленной возле воды. Затем велась промывка. Дед подавал лопатой массу на решетку бутары и шуровал, бабка одной рукой закачивала ручным насосом воду на решетку бутары, а другой подшуровывала массу скребком. И так от света до темна, «каквинный божий день, окромя воскресеньев да христовых светлых праздничков», — вспоминала Анна Степановна.

Как-то, помню, бабка обмолвилась:

— Твой-то отец на золоте родился.

Я пристала с расспросами, и она рассказала.

— Рубили мы, стало быть, возле Каскина. Я уж в тягости была. Нако вот, перед самым-то полдником он как ворохнет. Сказала самому-то. «Иди, — говорит, — к становой, все одно исть пора. Что дак — шарбу изады». Я и пошла, да и... родила Степушку-то.

— Как! — вскрикиваю я, — да неужто одна, без врача или фельдшера?!

— Пошто одна, — отвечает, — мир не без добрых людей: прибегла соседка, добрая душа, пособила...

— А дальше-то что было? —

— Ну, пополадничали, стало быть. Оклемалась я, да и... пошла пособлять Ивану-то Егоровичу. А как же: ить урок-от надо кончать было. Куда денешься...

Так что не случайно отец мой, Степан Иванович Панфилов, самоучкой ославивший начальную грамоту, а во время военной службы окончивший в Петербурге школу телеграфистов, один из своих рассказов («Месть»), помещенных в 1900 году в Петербургском «Всемирном путешественнике» (приложение к журналу «Родина»), посвятил жизни на золотых приисках.

«Добыча золота, — говорит один из героев рассказа штейгер Ильменского прииска Алтаев, — дело не шуточное, опасное дело, требующее как от служащих, так и от рабочих, большой неустрашимости, сметливости, крепких неразвинченных нервов. Иначе пропадешь, как говорится, «ни за понюшку табака»... И сколько печальных случаев с моими товарищами-сослуживцами и рабочими я могу припомнить за эти 15 лет штейгерства в Кочкарской системе? И не перечтешь! Пожалуй, жутко вспоминать...»

Даже в дозволенном цензурой рассказе говорится о злоупотреблениях на прииске. «Находящийся в родстве с главноуправляющим приисками заведующий работами Ветлугин, будучи во главе Надеждинской шахты, неправильно, чуть ли не подложно, удерживал в свою пользу «малую толику» из заработной платы рабочих». А проще сказать, — нагло и безнаказанно обрабатывал их. В рассказе описаны условия труда в шахте и горная «техника» того времени. «Работа в шахтах продолжается круглые сутки, на три смены по восемь часов каждая». Смена обязана была «сработать замер (урок)». Но, как видно из рассказа, далеко не все справлялись с уроком из-за чрезмерной величины его, примитивной техники и опасных условий труда.

Только Советская власть положила конец произволу золотопромышленников. Для успешного решения задач индустриализации страна остро нуждалась в золоте. Начались коренные изменения условий труда на рудниках добытчиков и вообще всего процесса золотодобычи. Новая жизнь пришла в золотую долину Миасса. Появились ударники, поднимающие выработку на небывалую высоту.

В рабочей газете Всесоюзно-Государственного предприятия «Миассзолото» «Шахтерский натиск» за 10 января 1935 года на первой странице выделяются слова наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе: «Дело добычи золота есть дело первой государственной важности».

В этом же номере газеты была помещена такая заметка: «На областной съезд Советов Челябин. области от

Миассзолото едет лучший ударник Мелентьевского прииска тов. Суслин — рабочий, шахтер, систематически перевыполняющий производственную программу. Его бригада добилась лучших показателей». Под фотографией была подпись: «Ударники-старатели Панфиловы (отец и сын), нашедшие крупные самородки золота».

Это был младший брат моего прадеда Роман Акимович Панфилов, которому все же посчастливилось принести пользу Советской власти, народу.

...В конце 1935 года в Сысертском районе был найден самородок весом 13 878 граммов, названный из-за его формы «Лосиным ухом».

31 января 1936 года в заброшенной шахте Староандреевского рудника, близ речки Тьелги, бригадой А. Ф. Сурова был найден третий по величине среди сохранившихся в мире самородок весом 14 370 граммов. Он был назван «Большим Тьелгинским».

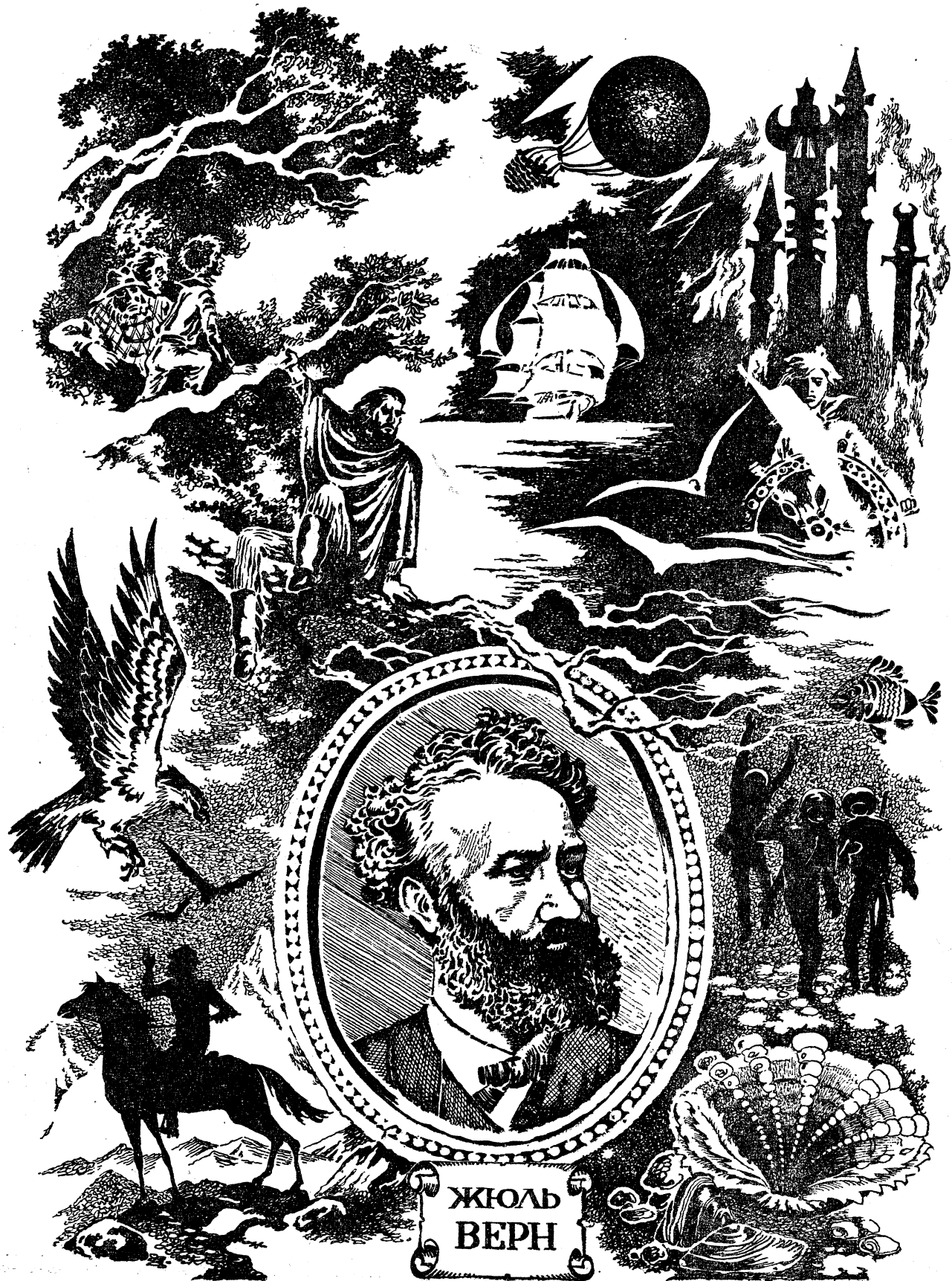
Любопытно, что за два дня в этой шахте был обнаружен целый куст самородков, общим весом в 50 килограммов! К сожалению, слепок «Большого Тьелгинского» самородка не был сделан тогда, и мы не знаем, как он выглядел, каким был по форме.

Старательская артель А. Ф. Сурова выделила тогда четыре килограмма золота на укрепление оборонной страны — купила самолет. По 50 золотых рублей подарила Тьелгинской и Андреевской школам, 5000 золотых рублей артель внесла в неприкосновенный запас — на случай помощи нуждающимся.

Тьелгинские самородки привлекли внимание ученых. Авторитетная комиссия сделала заключение, которое было напечатано в газете «Известия» за 18 марта 1936 года.

«Комиссией установлена возможность образования крупных масс золота непосредственно в рудных жилах. Это разрешает научный спор геологов об условиях образования крупных золотых самородков. Теория, что большие самородки могут находиться только в россыпных месторождениях, оказалась неправильной. Геологи-разведчики сделают из этого ценные выводы для своей дальнейшей практической работы».

Оснащенная современной и высокопроизводительной техникой Миасская золотая долина и сегодня пополняет советскую государственную казну.

ЖЮЛЮ ВЕРНУ — 150 ЛЕТ

8 февраля 1828 года в старинном французском городе Нанте родился Жюль-Габриэль Верн, знаменитый фантаст, юбилей которого ныне отмечает весь читающий мир. Мы обратились с рядом вопросов к Е. П. Брандису — ленинградскому писателю, автору шести книг о Жюле Верне, действительному члену «Жюльверновского общества».

— Евгений Павлович, в чем, на ваш взгляд, секрет популярности Жюля Верна?

— Прежде всего приведу данные книжной статистики: цифры красноречивее слов! Жюль Верна читают везде, куда проникает печатное слово. По сведениям международных библиографических справочников ЮНЕСКО, в конце 60-х — начале 70-х гг. по числу переводов на языки народов мира Жюль Верн находился на третьем месте, уступая сочинениям В. И. Ленина и В. Шекспира. А вот любопытная справка, предоставленная Всесоюзной книжной палатой (1977): «За годы Советской власти в СССР издано 374 книги Ж. Верна общим тиражом 20 507 тысяч экземпляров на 23 языках народов СССР и зарубежных стран...» Из иностранных классиков по числу изданий Жюль Верна опережают в нашей стране только два писателя: Виктор Гюго и Джек Лондон. К этому нужно добавить, что в разных странах — разумеется, и в Советском Союзе — продолжают появляться новые кинофильмы, телевизионные постановки и театральные пьесы по сюжетам «Необыкновенных путешествий». Напомню читателям «Уральского следопыта», что так была озаглавлена самим автором колоссальная серия книг, — 63 романа и два сборника повестей и рассказов, — над которой Жюль Верн работал более сорока лет, поставив целью «описать в форме романа весь земной шар».

Жюль Верн — из тех феноменов мировой культуры, которые принадлежат не только породившему их народу, но всему человечеству. Феноменальность его — в огромном, неоспоримом влиянии на умы сменяющихся поколений.

Во-первых, можно говорить о громадном цивилизующем воздействии его книг. Приключенческий роман искусно используется для художественной популяризации знаний — географических, естественнонаучных, инженерно-технических. К тому же — с взглядом вперед приблизительно на полвека, а иногда и на целое столетие. Подтверждение многих прогнозов Жюль Верна еще при жизни писателя создало ему славу «провидца». Но из суммы реальных знаний, которыми насыщены «Необыкновенные путешествия», время отодвинуло в прошлое, лучше сказать, **опредило** едва ли не большую часть когда-то вполне достоверных фактов, оставив в силе, да и то с некоторыми поправками, обильные сведения по физической географии. В этом смысле романы Жюль Верна заметно устарели. Однако, как известно, они продолжают жить, издаются, читаются во всем мире. Стало быть, секрет его популярности не в познавательной ценности, а в чем-то другом.

Во-вторых, продолжая разговор о воздействии Жюль

Верна на читающие поколения и тем самым на цивилизацию нового времени, мы должны вспомнить прекрасные слова его соотечественника, французского академика Жоржа Клода, назвавшего детского беллетриста (а Жюль Верн писал исключительно для детей и юношества) **вдохнителем научных исканий**. Можно было бы привести десятки, если не сотни, признаний великих умов человечества, крупнейших ученых многих стран, в том числе, конечно, и русских (К. Э. Циолковский, В. А. Обручев, И. А. Ефремов и др.), о том, что увлечение книгами Жюль Верна помогало выбору жизненного призвания и даже вдохновляло их на научные поиски. Кстати, на страницах «Уральского следопыта» как-то промелькнула заметка о французском инженере Лебефе, конструкторе подводной лодки с **двойным корпусом**, заявившем, что на эту идею его натолкнуло описание конструкции «Наутилуса» и потому он, Лебеф, считает Жюль Верна **соавтором** своего изобретения. Мне известно немало подобных примеров; стимулирующее воздействие этого писателя на развитие научно-технической мысли — факт, не подлежащий сомнению. Напомню о недавно подтвердившемся прогнозе, высказанном писателем в его знаменитой лунной дилогии «От Земли до Луны» (1865) и «Вокруг Луны» (1870): место старта космического снаряда (полуостров Флорида), экипаж из трех человек, начальная скорость, эффект невесомости, вычисление трассы, приводнение в Тихом океане в четырех километрах от той точки, куда спустя столетие опустился в действительности «Аполлон-9», обогнувший Луну...

И все-таки подтверждение конкретных прогнозов и даже великая роль Жюль Верна как вдохнителя научных исканий не объясняют секрета его популярности. Секрет этот, несомненно, — в силе таланта, в умении построить захватывающий сюжет, привлечь симпатии к героям романов, их подвигам и дерзаниям.

Жюль Верн — мастер приключенческого сюжета, хитроумной интриги, художник, создавший немеркнущие образы целеустремленных, отважных, благородных людей — таких, как Немо, Паганель, Филеас Фогг, Дик Сэнд, Роберт Грант, Сайрес Смит... И в этом — секрет его литературного долголетия.

Именно поэтому 150-летие со дня рождения Жюль Верна будет широко отмечено во всем мире. Конечно, мероприятия не могут и не должны быть приурочены к одному памятному дню. Знаменательные годовщины побуждают пристальнее присмотреться к «юбиляру», постараться понять, чем он дорог для нас **сегодня**, в чем заключается непреходящее историческое значение его творческого подвига для всего человечества. И тут, конечно, не обойтись юбилейными вечерами, лекциями и беседами,

встречами писателей-фантастов, «внуков» и «правнуков» Жюль Верна, с его сегодняшними читателями. Я знаю, что такие мероприятия намечены и в Москве, и в Ленинграде, и в других городах нашей необъятной страны. Поступают сведения о подготовке к юбилею Жюль Верна и из братских зарубежных республик...

В нашей стране, насколько мне известно, появляются новые издания его книг. Среди них — большой том в «Библиотеке мировой литературы для детей», содержащий романы «Дети капитана Гранта» и «Вокруг света в восемьдесят дней». Издательство «Прогресс» выпускает обширную монографию «Жюль Верн» внука писателя Жана Жюль-Верна — самое подробное, подтвержденное документами жизнеописание знаменитого писателя. Это плод почти сорокалетней работы исследователя, изучившего множество архивных документов, в том числе письма Жюль Верна к издателю Этцелю, поступившие несколько лет назад в Национальную библиотеку Франции. Внук Жюль Верна хорошо помнит своего деда, умершего в 1905 году в возрасте 77 лет. Когда Жан Жюль-Верн издал свою монографию, ему самому уже было за восемьдесят, но и поныне он является почетным президентом французского «Жюльверновского общества»...

— Вы упомянули «Жюльверновское общество». Чем оно занимается? Какое участие вы, на правах действительного члена, принимаете в его работе?

— Общество возникло в 1935 году и объединяет писателей и исследователей творчества Жюль Верна во Франции, Бельгии, Голландии, Италии. Находится оно в Париже. В 1968 году совершенно неожиданно я получил членскую карточку этого Общества с извещением, что избран от СССР его действительным членом. С тех пор регулярно получаю «Бюллетень Жюльверновского общества», где опубликовано немало ценных статей, освещающих многообразные аспекты жизни и творчества писателя. По просьбе секретариата я периодически сообщаю о новинках советской «Жюльвернианы», и эти сведения печатаются на страницах «Бюллетеня». Там же напечатана одна из глав моей монографии о Жюль Верне. По возможности посылаю им и советские издания, в частности, отправил несколько романов, выпущенных на армянском языке.

— Жюль Верну нередко противопоставляют другого знаменитого фантаста — Герберта Уэллса. Полагают при этом, что именно Уэллс — родоначальник современной фантастики. А ваше мнение на этот счет? Прослеживается ли влияние Жюль Верна в современной фантастике?

— Жюль Верн и Уэллс — две вершины, дающие начало двум основным потокам современной фантастики. Конечно, Уэллс более современен, более социален и ближе к мироощущению XX века, нежели Жюль Верн, хотя в поздние годы творчества французский писатель касался тех же проблем, что и его младший современник (наука на службе зла, использование ее во вред людям, разрыв между возможностями науки и техники и совершенствованием нравов, отстающих от научного прогресса). Жюль Верн создал новое направление в литературе — классическую научную фантастику — и новый тип романа, органически сочетающий три компонента: приключенческий сюжет, популяризацию знаний и научную фантазию, в основном инженерно-техническую. Как создатель «школы», он ощутимо повлиял на развитие мировой фантастики. Стадийно это фантастика доуэллсовского периода — популяризаторская, приключенческая, прогнозическая, — но в действительности, особенно в юношеской литературе, она продолжает свое развитие и поныне. Едва ли не каждая страна выдвигала своих «Жюль Вернов» — учеников, последователей, подражателей, а иногда эпитонов родоначальника и первого классика научно-фантастического романа приключений.

— Евгений Павлович, расскажите в заключение о ваших работах, посвященных жизни и творчеству Жюль Верна.

— Жюль Верн был моим любимым писателем в детстве. И теперь, когда приходится о нем так часто писать, — это как бы возвращение «долга» за те радости и за то счастье, которое он доставил мальчишке 20-х годов.

Началось с предисловия к роману «Вверх дном», которое написал по заказу издательства. Роман так захватил своим изяществом и остроумной выдумкой, что я решил перечитать всего Жюль Верна. Потом было комментирование 12-томного Собрания сочинений, затем вышла моя первая книжка о нем — более двадцати лет назад, в 1956 году. А недавно появилась шестая — документальная повесть «Впередсмотрящий»... Попутно, в промежутках, написано немало предисловий к романам, не включенным в 12-томник, выпущен в трех больших книгах его историко-географический труд «Великие путешествия и великие путешественники» (первый том я переревел полностью, остальные редактировал), публиковались очерки о Жюль Верне, основанные на собственных изысканиях, приоткрывающие какие-то новые грани его творческой деятельности. В конце минувшего года в «Мире приключений» вышла еще одна документальная повесть «Жюль Верн — писатель и путешественник», где впервые восстанавливаются маршруты путешествий самого Жюль Верна, запечатленные на страницах его книг...

Жюль Верн писал для детей, но он, при всей его простоте и доступности, более сложен и более глубок, чем казалось его первым биографам, создавшим легенду о кабинетном затворнике, благополучном буржуа и ортодоксальном католике. На самом деле он был писателем дальновидным не только в отношении технического прогресса. Чтобы раскрыть и понять его до конца, еще хватит работы не одному поколению исследователей. За последние четверть века создана многоязычная «Жюльверниана» — целая библиотека книг и статей, посвященных «Необыкновенным путешествиям» в связи с историей литературы, науки и техники, общественной мысли. И я должен сказать с гордостью, что именно в нашей стране автор приключенческих романов Жюль Верн впервые был включен в академическую «Историю французской литературы». Писатель обрел в России как бы вторую родину. И недаром советские ученые, получив с огромного расстояния фотографии обратной стороны Луны, присвоили имя «Жюль Верн» одному из «потусторонних» лунных кратеров...

Рисунок
Е. Стерлиговой

Из романов — в жизнь

Действительность догоняет мечту... Помните высказывание Жюль Верна, в качестве вопроса фигурировавшее в нашей прошлой викторине! «Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал — все это будет уступать истине, ибо настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения...» Кое-кому эти слова показались чрезмерно осторожными: «Еще что за фантаст такой неуверенный!» — отозвался о них один из наших читателей. И два девятиклассника из Нижнего Тагила, не сговариваясь, упрекнули неведомого им автора в заниженной оценке возможностей человеческого воображения...

Между тем, Жюль Верн, конечно же, подразумевал отнюдь не творческую мощь человечества в целом, которая действительно безгранична (ведь, говоря словами другого великого мечтателя, «сначала не и бежно идут: мысль, фантазия, сказка...»). Конкретного, отдельно взятого человека — крохотную единицу могучего человеческого коллектива — имел в виду Жюль Верн, в данном случае — самого себя, свою собственную силу воображения.

Докончим начатую в скобках цитату из Циолковского: «...За ними [фантазиями] шествует научный расчет. И уже в конце концов исполнение венчает мысль».

Все более и более венчаются исполнением мысли, высказанные когда-то Жюлем Верном. Об этом и идет речь в публикуемых заметках.

НАСЛЕДСТВО РОБУРА

Что за таинственный автомобиль разъезжал по дорогам штатов Пенсильвания, Кентукки, Огайо, Теннесси, Миссури и Иллинойс, развивая фантастическую скорость в двести с лишним километров в час? Что за неведомое скоростное судно крейсеровало в водах Новой Англии между мысами Северный и Сейбл? Что за подводная лодка маневрировала в глубинах озера Кирдол, штат Канзас? Что за невероятный летательный аппарат, похожий на какое-то крылатое чудовище, словно гигантская хищная птица, взлетел над котловиной, что на вершине горы Грейт-Эри, и исчез в восточном направлении?

Немало испытаний и приключе-

ний выпало на долю полицейского инспектора Строка, прежде чем он смог дать ответ на все эти вопросы. А благодаря Жюлю Верну и его роману «Властелин мира» результаты проведенного Строком расследования стали широко известны. Это инженер Робур, знакомый уже читателям по роману «Робур-Завоеватель», окончательно разочаровавшись в человечестве и озлобившись на весь мир, удалился в Аллеганские горы и там в потаенной котловине с несколькими своими сподвижниками построил фантастический аппарат, способный быть одновременно автомобилем, самолетом, судном и подводной лодкой... Правда, даже эта сверхсовершенная машина не сделала Робура властелином мира. И тем не менее столь универсальное транспортное средство не было построено до сих пор — за все семьдесят три года, прошедшие после первой публикации романа.

Но вот недавно доктор Б. Пападейлс из Политехнического института и Университета штата Вирджиния сообщил о разработках универсальных гидропланов, способных летать по воздуху, плыть по поверхности, а также погружаться под воду и маневрировать на глубине. Пока это еще проекты и экспериментальные разработки. Реальные машины, как считает доктор Пападейлс, появятся лишь в начале восьмидесятых годов. Однако они сразу же найдут себе применение. Главным образом такие гидропланы будут использоваться для исследований, при которых измерения делаются под водой в большом числе пунктов, удаленных друг от друга на значительные расстояния; для снабжения водолазов, подводных домов и подводных лодок в погруженном состоянии (особенно во время штормов, когда всплытие на поверхность затруднено); для спасательных работ и поисковых операций.

В отличие от существующих гидропланов, ныряющие машины будут изготовлены не из алюминия, а из титана и композиционных материалов. Они будут снабжены шасси на воздушной подушке, которое позволит одинаково легко взлетать и с воды, и с суши, а при необходимости — и двигаться по суше, что также имеет определенное значение. Силовая установка гидроплана будет состоять из подъемных винтовых и маршевых турбовентильторных двигателей. Довершаю проект будущей машины до предела автоматизиро-

ванная система управления и стреловидное крыло.

Что ж, инженер Робур, пожалуй, с удовольствием перешел бы с мостика своего «Урагана» в пилотскую кабину такого гидроплана...

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

Многие, наверное, помнят эту историю: из глубин Вселенной в околоземное пространство прилетел болид, чтобы затем, не справившись с путями земного притяжения, стать спутником нашей планеты. С точки зрения астрономии такой захват — дело обычное. Необычным оказался сам болид, состоявший из чистого золота, этаким самородок, весьма приблизительно оцененный в пять или шесть триллионов франков. Он так и обращался бы самым спокойным образом вокруг Земли, если бы в Париже на него не обратил внимание чудаковатый изобретатель по имени Зефирен Ксирдаль, который с помощью открытых им «нейтрально-винтообразных токов» заставил болид плавно опуститься на поверхность планеты где-то на побережье Гренландии... Чем кончились все эти события, помнит каждый, кто читал роман Жюль Верна «В погоне за метеором».

Сам писатель не дожид до выхода этого романа в свет: книга принадлежит к числу десяти, изданных уже после смерти Жюль Верна. Но великий фантаст, без сомнения, немало удивился бы, узнав, что и на этот раз оказался весьма недалек от истины. Золотой болид действительно существовал!

Именно таково мнение группы английских ученых, изучавших геологическое строение юго-западной Африки. Один из золотосных районов этой части континента имеет форму эллипса площадью около двадцати пяти тысяч квадратных километров. Именно так обычно располагаются обломки метеоритов, вошедших в атмосферу Земли под пологим углом. Отсюда напрашивается вывод: золотые россыпи — остатки метеорита, вошедшего в атмосферу и взорвавшегося над этим районом, просыпавшись на землю золотым дождем.

Вот только произошло это не в начале двадцатого века, а двумя миллиардами лет раньше...

КУРОРТЫ... ПОД ЗЕМЛЕЙ

У подавляющего большинства людей, независимо от их возраста или профессии, представление об угольных, соляных и других подземных шахтах достаточно стандартно: темнота, духота, сырость, угольная пыль... Это в значительной мере справедливо — недаром труд шахтеров даже сейчас, в век техники и автоматики, считается тяжелым. И вполне естественна улыбка, с которой читаются высказывания старого шахтного мастера Симона Форда, героя романа Жюль Верна «Черная Индия»: «Ваши леди ездят летом подышать воздухом в Ньюхейвен и Порто-Белло, а лучше бы они проводили по несколько месяцев в Эберфойльских копях». Или: «В чудном климате Нового Эберфойла, где неизвестны перемены погоды, не удивительно прожить целых два столетия...»

Роман был написан в 1877 году. А в семидесятых годах нашего века, почти столетие спустя, один за другим стали открываться подземные санатории в выработанных угольных и соляных шахтах: воздух этих искусственных подземелий в самом деле оказался целебным. Первая такая здравница была создана в Румынии в предместьи города Тыргу-Окна. Пациенты превосходно чувствуют себя в просторных и светлых залах, будто и нет над ними статридцатиметровой земляной толщи. К их услугам не только оборудованные по последнему слову медицинской техники кабинеты, но и комнаты отдыха, и прогулочные галереи, и даже теннисные корты. Без применения медикаментов здесь излечиваются больные, страдающие астматическими заболеваниями, в принципе трудно поддающиеся исцелению...

Появились подобные подземные санатории и в нашей стране. А всего в мире насчитывается уже несколько десятков тысяч человек, прошедших курс лечения в заброшенных шахтах. Ну, как тут не вспомнить Симона Форда и, конечно же, автора «Черной Индии»!

РЕАКТОР ДЛЯ... «НАУТИЛУСА»

Очень часто писателю-фантасту удается довольно верно предугадать будущее развитие техники в той или иной области, но, как правило, эти прогнозы верны в принципе, а дета-

ли совпадают лишь в самых редких случаях. Это применимо и к Жюлю Верну.

На «Наутилусе» все приводилось в действие электричеством. Что ж, история показала, что развитие техники в самом деле пошло именно по этому пути. Но откуда черпал электроэнергию капитан Немо? Писатель дает ответ и на этот вопрос: основным элементом батарей «Наутилуса» был натрий, добываемый из морской воды. «Ртуть в элементах не разлагается,— пояснял капитан Немо профессору Аронаксу.— Расходуется только натрий, а его мне поставляет море. И надо сказать, что, помимо всего, натриевые элементы по крайней мере в два раза сильнее цинковых». Казалось бы, Жюль Верн на этот раз ошибся: долгое время энергетика подводных лодок основывалась на дизель-генераторах и аккумуляторах, а современные лодки в качестве источника энергии используют атомный реактор. И все же... Все же французский фантаст и на этот раз оказался в значительной степени прав. Конечно, как ни усовершенствован элемент Бунзена, он никогда не сможет дать энергию для движения подводной лодки. Но вот натрий...

В одной из американских исследовательских лабораторий, где велись поиски источников тока для электромобилей, в 1973 году (то есть через сто пять лет после выхода в свет «Двадцати тысяч лье под водой») был создан электрохимический реактор, вырабатывающий энергию на основе взаимодействия чистого натрия и дистиллированной воды. Весь секрет заключался в ступенчатом регулировании высокотемпературной реакции. Как только эта проблема была решена, оказалось возможным передать силу реакции на ротор специальной турбинки, вал которой связан с генератором.

Американские ученые считают свое детище весьма перспективным. При дальнейшем усовершенствовании натриевый реактор станет опасным соперником существующих свинцовых батарей: имея одинаковый вес, он сможет дать по крайней мере в сто раз больше электроэнергии. В сто, а не вдвое, как считал Жюль Верн!

Жюль Верн — И МЫ

Пятый вопрос нашей прошлой годней викторины превратился в своеобразную микроанкету, посвященную Жюлю Верну.

Ниже мы печатаем некоторые из ответов.

Лично мне книги Жюль Верна дали толчок к занятиям исследовательской работой. Сайрес Смит и Фергюссон, капитан Немо и капитан Грант — все эти люди незаурядного ума, огромного мужества и энергии с детства привлекали меня. Когда я закончу институт, в котором учусь, у меня будет специальность инженера-исследователя. Хотя бы чем-то я буду похож на Сайреса Смита, и в этом заслуга Жюль Верна...

7 февраля 1978 года исполняется 150 лет со дня рождения этого замечательного человека. Надеюсь, это будет настоящим праздником любителей фантастики всего мира.

Андрей КОНОВАЛОВ,
студент 1-го курса (Красноярск).

Некоторые из его книг можно с удовольствием перечитывать по несколько раз. Особенно «Таинственный остров». Именно рассматривая этот роман, можно дать общую оценку его творчества. Главное во всех его произведениях — это настоящая личность человека, который, в какие бы ситуации ни попадал, наделенный умением и знаниями, всегда выходит победителем.

О. ТИМОХИН
(Дрогобыч).

Для своего времени он, конечно, был открытием. Сейчас же он как-то оgoшел. Приключенческая сторона его произведений по-прежнему захватывает, но фантастическая во многом устарела...

В. ЕЖОВ
(Ленинград).

Читала ли я его книги? Конечно, все, что издано у нас! И каждый год перечитываю ранее прочитанные... Как я их оцениваю? А как можно оценивать книги Пушкина, Шекспира, Толстого? Я ставлю Жюль Верна в один ряд с ними. Его книги, воспитавшие не одно поколение ученых, инженеров, исследователей, являются гордостью человечества. И как жаль, что многие так не считают!

Ирина ГОРОХОВА,
10-й кл. (Семипалатинск).

Он помогает, когда читаешь его романы, освоиться с будущим изобретением и понять, какие оно будет иметь последствия — забавные, волнующие или вредные...

Владимир ШАТАЛОВ,
8-й кл. (Сараны Пермской обл.).

Думаю, что книги Жюль Верна нужно читать «вовремя». Когда они прочитаны в период увлечения путешествиями, открытиями, приключениями, то в этом случае в памяти навсегда остается определенный настрой, воспоминания, которые помогут потом, с высоты современных знаний, не отбросить, не «раскрикивать» технические и научные описания фантаста, а взвесить их на точных весах времени, того времени, когда жил писатель...

О. КИТАЕВА
(Свердловск).

В книгах Жюль Верна интересны всевозможные приключения и научные предвидения. Но... в его книгах мало показана психология человека, его внутренний мир. Все-таки произведения современных фантастов мне нравятся больше...

Михаил МИРКЕС,
10-й кл. (Новосибирск).

Впервые мне попала его книга — это была «80 000 километров под водой» — классе в пятом—шестом. Я прочитал этот роман взахлеб и принялся за другие произведения Жюль Верна. Где-то к восьмому—девятому классу я охладил к этому писателю. Но недавно вернулся к нему, и он мне открылся с другой стороны. Читая романы Ж. Верна, я отчетливо вижу науку и технику девятнадцатого века, и это помогает мне лучше понять людей того времени. Увлекают также положительные герои Ж. Верна — они, хотя несколько линейны, но благородны, отважны и человечны. Недавние телевизионные фильмы по произведениям Ж. Верна, по-мое-

му, не удалась потому, что не показали нам истинных жюльверновских героев...

Марат ИСАНГАЗИН,
студент 1-го курса (Омск).

Да, я с удовольствием читаю книги Жюль Верна... Мне легко удается настроиться таким образом, чтобы современные научные и технические достижения, а также современный размах социальной и философской фантастики не зачеркивали достижений старой научной фантастики и позволяли читать ее и даже наслаждаться ею. Чего желал бы многим...

Г. КУЗНЕЦОВ
(Новосибирск).

Я удивлюсь, если мне назовут человека, который не читал книг Жюль Верна...

Алексей КИСЕЛЕВ,
9-й кл. (Москва).

Его книги можно сравнить с энциклопедиями. Из приключенческих они давно превратились в романы по истории техники. В его книгах я нахожу все — и приключения, и мечты о технике будущего, и описания неведомых стран и животных, и трагические человеческие судьбы...

Олег НИКОЛАЕВ,
10-й кл. (Мурманск).

Я читала многие его книги, некоторые не по одному разу. Конечно, Верн уступает многим современным фантастам в изобретательности и фантастичности, но зато его книги более романтичны, наполнены добротой к их героям и вообще к людям.

Алиса ШЕРБАКОВА,
8-й кл. (Пермь).

Лучшие из его произведений практически не стареют, хотя и написаны в среднем сто лет назад. К сожалению, этим не отличаются многие произведения наших современников, написанные в течение последних 30—40 лет...

В. КОБЛОВ
(Свердловск).

Романы Ж. Верна и Г. Уэллса были первой научной фантастикой, которую я прочел. Благодаря им я навсегда полюбил фантастику. Сейчас, правда, я предпочитаю произведения, в которых главное — не будущее науки, не техника, а человек и его мир, как в фантастике Стругацких. Однако я считаю, что

научная фантастика Ж. Верна не утратила своего значения и до сих пор.

Н. СЕМАКОВ,
(Феодосия)

Технические фантазии Ж. Верна сейчас, естественно, выглядят наивно, но, как это ни парадоксально, представляют интерес для интересующихся техникой прошлого века. Географические описания, умело вплетенные в канву повествования, ничуть не утяжеляют книгу и не замедляют развертывания событий. Оптимизм автора, его уверенность в конечной победе добра над злом, привлекательность его героев, умелое развитие сюжета — главные достоинства книг Ж. Верна. Многим современным писателям-фантастам не мешало бы пройти школу литературного мастерства у родоначальника жанра.

С. ПОШЕВЕЛЯ
(Новочеркасск Ростовской обл.).

Все его книги были прочитаны в возрасте от 10 до 13 лет, неоднократно перечитывались. Относительно оценки, по-моему, двух мнений быть не может, стоит только вспомнить часы, проведенные за чтением романов Жюль Верна. Можно только позавидовать тем, у кого это впереди...

Н. КАРДАШ
(Красноярск).

Столб Арсеньева

Из таежного похода вернулись ванинские краеведы. Они точно установили местонахождение так называемого столба Арсеньева. Адрес следопытского поиска школьникам дал охотовед В. Ефимов.

...В 1928 году известный исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев шел из Совгавани в Хабаровск. Путь лежал в верховья Тумнина.

21 июля 1928 года Владимир Клавдиевич достиг перевала, которому еще в 1909 году он дал имя Русского Географического общества. По свидетельству участников похода там сохранилась доска, на которой были занесены дата открытия перевала, фамилия Арсеньева и тех, кто его сопровождал.

Почти через два десятилетия Арсеньев к тому же столбу прибил новую доску, где были вырезаны фамилии участников перехода и дата.

По всей видимости, охотники имели в виду эти доски, когда говорили о столбе Арсеньева.

Сейчас, после похода следопытов, стало ясно: столб Арсеньева, о котором говорят охотники и краеведы, установлен именно на перевале Русского Географического общества. Школьники с помощью старейшего охотника побережья Г. Акунхи отремонтировали доски, подновили на них надписи, определили на карте местонахождение столба Арсеньева.

Виталий БЕРЕЗИН

Метеорит «Анжуйский»

Рабочий Билибинского горно-обогатительного комбината А. Чередниченко нашел на берегу ручья Свеча металлическую болванку. Клиновидная, размером примерно 40 на 30 сантиметров, находка оказалась необычайно тяжелой — 58 килограммов.

Металлический клин был доставлен в Магадан. Ученые сразу определили, что это — метеорит, что на землю он упал давно —

много тысячелетий назад.

Из чего же состоит космический пришелец? Сделали спектральный анализ, и метеорит разложился на элементы. В основном это — железо и примеси: никель, кобальт, цинк, хром, медь, магний, марганец, кальций, алюминий, титан.

Метеорит, найденный близ Билибино, получил имя «Анжуйский».

85 000 километров на велосипеде

Глеб Леонтьевич Травин, демобилизованный командир Красной Армии, спортсмен, в 1928 году отправился в путешествие на велосипеде вдоль границ Советского Союза.

24 октября 1931 года в Петропавловске - Камчатском была сделана последняя отметка в путевом журнале Травина, подтверждающая, что он преодолел 85 тысяч километров.

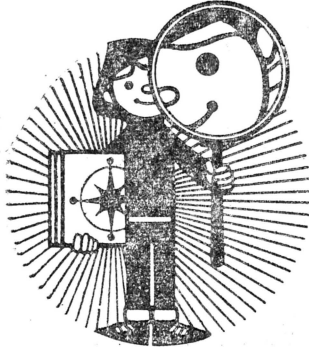
Недавно Г. Л. Травин, живущий сейчас в Пскове, отметил свое 75-летие.

— Я был не только путешественником, — вспоминает Глеб Леонтьевич, — но и представителем Советской власти в отдаленных уголках нашей Родины. Встречаясь с местными людьми, я агитировал за новую жизнь.

До сих пор Травин получает много писем от туристов, солдат, пионеров, которые просят его дать советы о велосипедных путешествиях по стране.

В столице ГДР Берлине имя Травина присвоено клубу туристов-велосипедистов.

Дмитрий ЕГОРОВ

МИР

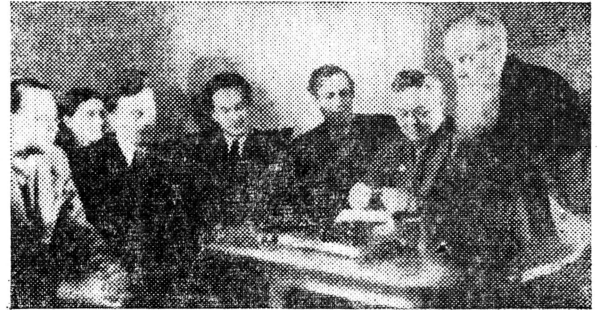
на лагони

В. Иванов и П. Бажов на киностудии

Этому снимку четверть века. На нем в кругу молодых тогда уральских литераторов — известный советский писатель Всеволод Иванов и автор «Малахитовой шкатулки» Павел Петрович Бажов.

В 1948 году Всеволод Иванов побывал на Урале и в Сибири — там, где прошла его юность. Работники Свердловской кинохроники пригласили тогда московского гостя и корифея уральской литературы Павла Петровича Бажова на творческую встречу.

Беседу мастеров пера с молодыми уральскими литераторами снимали для киножурнала, а ассистент оператора Олег Воронцов (сейчас режиссер художественных фильмов) щелкнул лентой. Так и появилась на свет эта фотография.

Продается герцогство

Имение Бронте — герцогство, подаренное королем Сицилии Фердинандом IV английскому адмиралу Нельсону в честь его победы над флотом Наполеона в 1799 году, пущено с молотка. Последний прямой потомок знаменитого английского адмирала изъявил желание избавиться от наследства за солидное вознаграждение.

Имение Бронте расположено на склонах вулкана Этна в окрестностях сицилийского города Катания и занимает площадь 240 гектаров. На его территории находится замок XVIII века и церковь XII века.

Канал Рейн — Рона

Началось строительство канала Рейн — Рона, который соединит Северное и

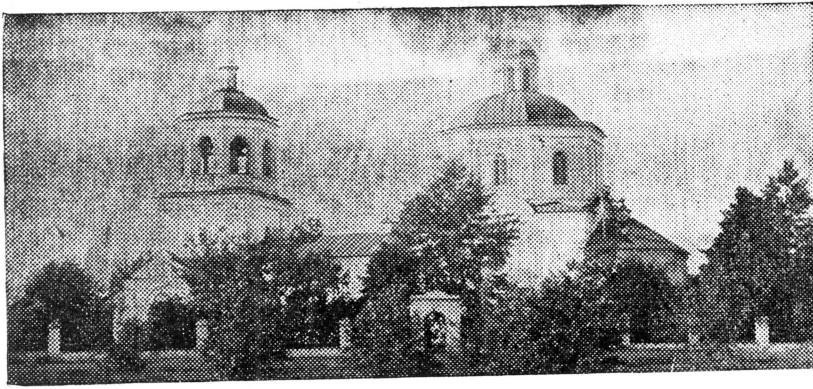
Средиземное моря. Длина канала с 24 шлюзами (перепад высот — 264 метра) составит 230 километров. На канале будет широко использоваться автоматизация. Так, например, шлюзы станут открываться от импульсов, посылаемых радиолокаторами, фиксирующими подход судна. Строительство канала рассчитано на 10 лет.

Люди плавающих островов

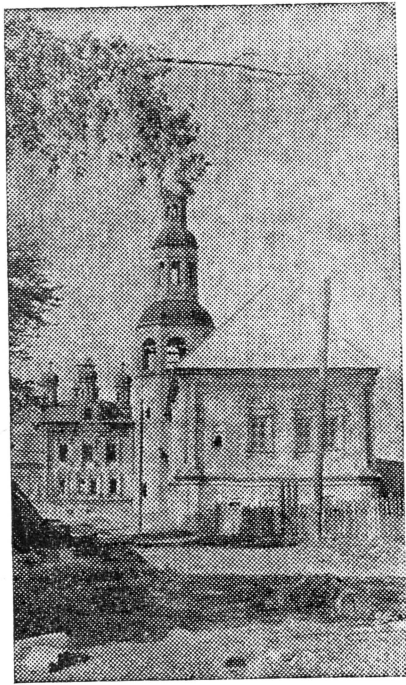
Этнографы ГДР открыли в Перу, на озере Титикака, остатки древнейшего племени уру, которое считали вымершим. Люди этого племени живут на плавающих островах, представляющих собой сгустки тростниковых зарослей. Островитяне не знают земледелия и питаются только рыбой.

Рисунки А. Андреева (г. Херсон), А. Савчука (г. Киев)

Старое Усолье

Творения народных мастеров, создавших в Усолье Спасо-Преображенский собор, дом Строгановых, усадьбу Голицыных, Никольскую церковь, Покровскую часовню-ротонду, управление сользаводами, — шедевры архитектуры.

Присоборная площадь... В давние времена сюда стекался народ по зову вечевых колоколов для решения важнейших и неотложных дел. Здесь же велась оживленная торговля. Можно себе представить, как в далекие времена на площади стоял шумный гомон крестьян и мастеровых, приехавших на усольский базар...

Теперь площадь пустынна, ближе к собору густо поросла травой, пересечена тропинками. Как памятники архитектуры творения усольских зодчих охраняются законом.

Скоро, в связи со строительством моста через Каму, старое Усолье оживет. И здесь, в старом городе, надо создать архитектурно-этнографический заповедник.

На снимках: старинные соборы Усолья.

Юрий ЗМЕЕВ

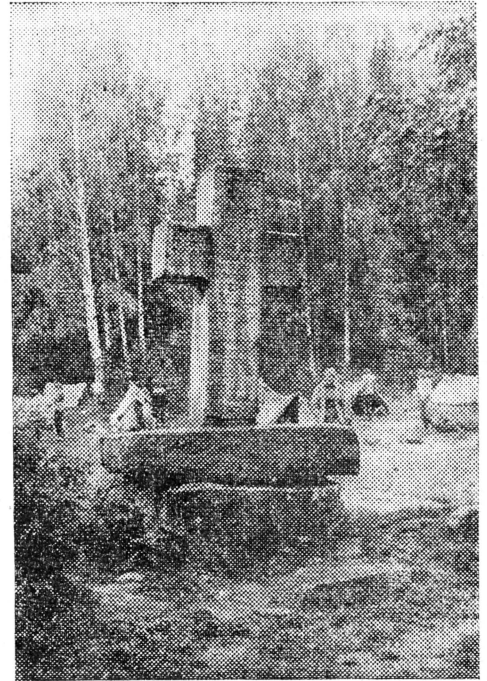

Мужская держава

На севере Греции, на полуострове Агион-Орос, находится эта страна монахов. Здесь, на Святой горе, на площади в 321 квадратный километр раскинулись владения двадцати монастырей. Они объединены в самостоятельную «державу», которая управляется святой общиной, имеет свою стражу и свой суд. Многочисленные туристы приезжают посмотреть на это диковинное царство, но пускают сюда только мужчин. Представительницы прекрасного пола могут любоваться Святой горой лишь издали. Святые отцы (половина из них — старше семидесяти лет) не едят даже кур, а вот петухов обожают...

Демидовский крест

В среднем течении реки Чусовой, на левом берегу, ниже села Еква, установлен массивный, в рост человека, высеченный из монолитной глыбы серый гранитный крест.

На первый взгляд, памятник обработан грубо, нарочито грубо. Однако стоит приглядеться, как точно высечен крест из крепчайшего материала, как четко вырезаны буквы надписи, начинаешь понимать, какой труд и мастерство вложены в памятник.

Надпись — без абзацев и интервалов — читается легко и все объясняет:

«1724 года сентября 2 дня на сем месте родился у статского действительного советника Акинфия Никитича Демидова (что тогда был дворянином) сын Никита статский советник и кавалер святого Станислава поставлен оной крест на сем месте по желанию его 1779 года мая 31 числа».

На тыльной стороне креста, в центре, аккуратно выдолблен еще один небольшой крестик.

Памятник стоит без малого 200 лет. Сохранность его отличная.

На другом берегу Чусовой высятся скалы Писаный Камень. На нем стоит такой же крест. Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке «Бойцы» писал, что надпись на нем стерлась.

Александр СЕМИКОВ

От расшивы до «Ракеты»

В музее речного волжского флота при Горьковском институте инженеров водного транспорта экспонируются макеты судов. По ним читается история Волги, история русской кораблестроительной техники.

Вот судно-труженица — расшива. 25 тысяч пудов соли или зерна убралось в ее объемистое нутро. Деревянная мачта высилась над богатыршей на 15 сажень.

Вот еще один могучий корабль — коломенка, что была в ходу в XVII веке. Шли коломенки по Чусовой, Каме, Волге, пробираясь неспешно на Нижегородскую ярмарку. В трюмах был тяжелый груз — уральское железо. А казались на ходу коломенки белыми лебедями — на их постройку шла ель. И конопатились суда белой паклей.

Были, разумеется, в то неблизкое время и «аристократки» — украшенная затейливой резьбой, грациозная царская галера. На ней путешествовали коронованные особы и их отпрыски.

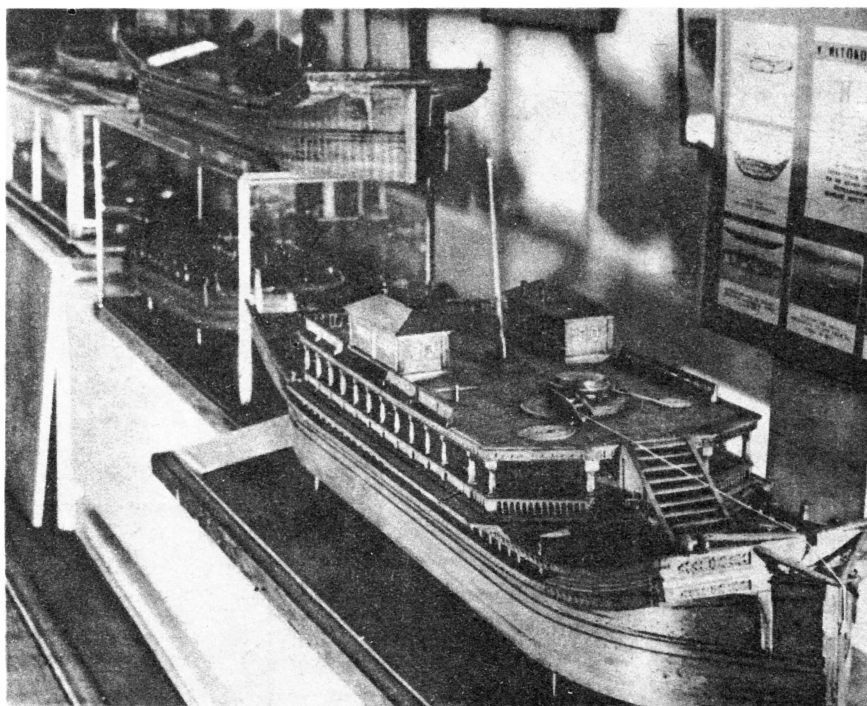
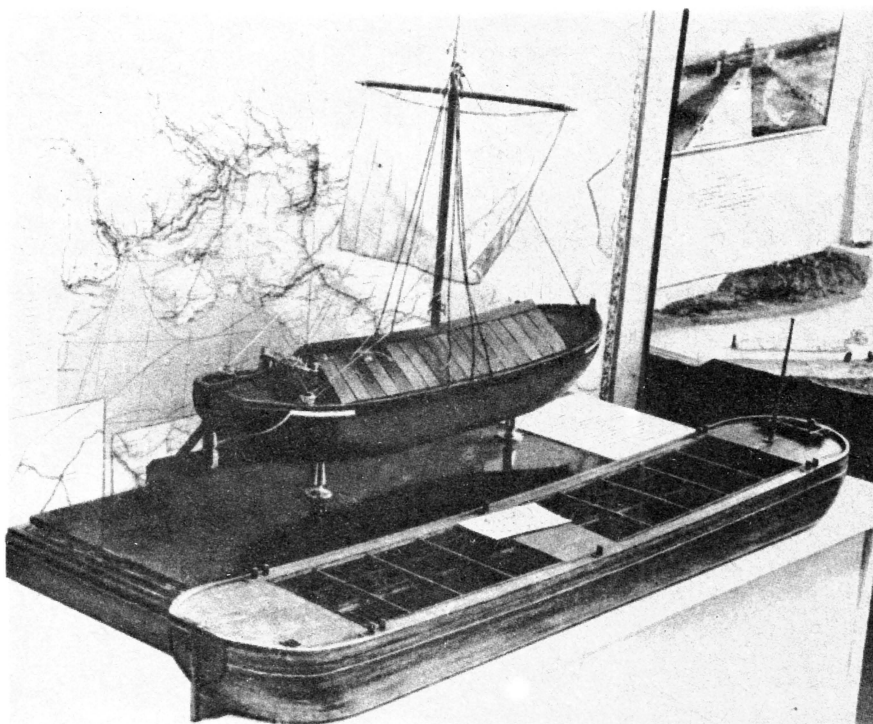
Несметное число белян плыло вниз по великой русской реке. Ведь в 60—70-х годах прошлого века больше 500 судов имело, если можно так сказать, печное отопление. А дрова им доставляли сплавные суда беляны. Неповоротливые, неуклюжие, они жили короткий век — от сплавных рейдов в Макарьеве да Козмодемьянске, где загружались дровами, до низовьев Волги. А затем сами беляны шли под топор и пилу.

Потом пришли на Волгу другие времена. Вот водоходные суда великого самоучки Кулибина. Это — коноводные баржи Сутырина. Так вот выглядела сормовская «Данилиха» — прообраз теперешних сухогрузов.

А вот первый сормовский теплоход «Вандал», построенный в 1903 году...

Другой зал — другие времена: могучий сормовский крылатый флот, рожденный талантом Р. Е. Алексеева. А скоро встанут, продолжая историю волжского флота, рядом с ними комфортабельнейшие лайнеры «Максим Горький» и «Валерьян Куйбышев».

Евгений НАЗАРОВ

ПОДРОСТОК НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Фото Ю. ПОДКИДЫШЕВА (г. Свердловск). ЗНАМЕНОСЕЦ.

Прекрасно сказано в Азбуковнике XVII века: «Учение книжное дает свет ума душам нашим, как солнце светом своим действует...»

Книга в наше время вошла в каждый дом. Растет интерес к рукописным и старопечатным книгам прошлого.

В третьем номере журнала «Уральский следопыт» будет опубликован очерк челябинского собирателя древних книг Юрия Рязанова «Эти старые, старые книги». В нем рассказывается о поисках — Часовника, Триоди постной, Апокалипсиса, Азбуковника, Космографии.